

УИЛЬЯМ АПЕЛЬ

Знамение мира

*Переписка Томаса Мертона
с людьми разных вер*

Москва, 2014 г.

УИЛЬЯМ АПЕЛЬ

Знамение мира

*Переписка Томаса Мертона
с людьми разных вер*

Общедоступный Православный Университет,
основанный протоиереем Александром Менем

Москва, 2014 г.

ISBN 978-5-87507-296-3

Перевод и редаKTура

Андрей Кириленков

Корректура

Екатерина Кондратьева

Оригинал-макет

Татьяна Шорникова

Signs of Peace.

The Interfaith Letters of Thomas Merton

William Apel

Copyright © 2006 by William Apel

Published by Orbis Books,

Maryknoll, NY 10545-0308

All rights reserved

- © перевод текста – Андрей Кириленков.
- © Общедоступный Православный Университет,
основанный протоиереем Александром Менем, 2014.

Содержание

Содержание	5
Предисловие.....	10
Введение. Знамение мира.....	16
1. Томас Мертон: служение в письмах.....	20
2. Благословение. Переписка с Абдул Азизом	26
Личное наблюдение.....	27
Переписка (1960–1968 гг.).....	29
Мир, лишённый Бога.....	32
Единство Божье	33
Верность, несмотря ни на что.....	36
Молитва.....	39
Письмо от 17 ноября 1960 г.....	40
3. Любовь. Переписка с Амией Чакраварти	43
Введение.....	43
Амия Чакраварти (1901–1986).....	44
Переписка (1966–1968)	45
Любовь, скрытая в основании всего сущего.....	51
Путь в Азию.....	55
Письмо от 13 апреля 1967 г.....	57
4. Мудрость. Переписка с Джоном Ву	58
Введение.....	59
Китайский мудрец Джон Ву	60
Редкая мудрость	61

Переписка (1961–68)	65
Чжуан-цзы и Дао.....	68
Безмолвный светильник.....	71
Письмо от 14 марта 1961 г.	72
5. Святость. Переписка с Авраамом Гешелем	74
Введение	74
Авраам Гешель и святость	75
Бог ищет человека.....	77
Трудный выбор	80
Доверие.....	85
Письмо от 17 декабря, 1960 г.	87
6. Дзэн. Переписка с Судзуки.....	88
Д.Т.Судзуки: человек дзэн	90
Переписка (1959–1966 гг.).....	94
Встреча.....	99
Письмо от 12 марта 1959 г.	101
7. Открытость. Переписка с Хинсоном	104
Открытый католик	106
Открытый протестант.....	109
Переписка (1960–1967 гг.).....	113
Бог мира	115
Письмо от 4 декабря 1964 г.	118
8. Сострадание. Переписка с Нхат Ханхом.....	121
Учитель.....	122

Друг	127
Эпилог в письмах	132
Письмо от 29 июня 1966 г.	135
9. Мужество. Переписка с Джун Янгблат	137
Утешение	138
Переписка (1967-1968 гг.)	140
Мужество	142
Поддержка	147
Любовь	149
Письмо от 20 января 1968 г.	151
10. Единство. Переписка с Доной Луизой Кумарасвами	152
Ананда К. Кумарасвами (1877-1947 гг.)	153
Переписка	157
Бывают времена	163
Письмо от 12 февраля 1961 г.	168
Эпилог. Скромная весть надежды	173

Брату Марку,
чья щедрая душа
и жизнелюбие есть
истинное знамение мира,
и Джейн,
чья любовь нескончаема.

Предисловие

Путь Томаса Мертона к общению с людьми разных вер начался ещё тогда, когда он учился в школе английского городка Окэм: в учебных дебатах он защищал Ганди. В 1933 г. в Клэр – колледже Кембриджа – он читал книгу о буддизме, а позже в Колумбийском университете Нью-Йорка – труд Хаксли «Средства и цели» (*Ends and Means*), побудивший его «обшарить всю библиотеку в поисках работ по восточной мистике».¹ Найденные тогда тексты мало что ему дали – думал молодой монах Мертон, работая над автобиографией, – разве что помогли лучше владеть собой и быстрее засыпать. Однако поиск его продолжился. В 1938 г. он познакомился с индуистским монахом Брамачари и в какой-то момент попросил у того совета, как строить духовную жизнь. Совет Брамачари оказался неожиданным: прочесть «Исповедь» Августина и «О подражании Христу» Фомы Кемпийского. В том же году, работая над диссертацией о Блейке, Мертон нашёл время вникнуть в «Преображение природы в искусстве» (*Transformation of Nature in Art*) Кумарасвами и тексты мудрецов даосизма, прежде всего Чжуан-цзы.

В ноябре 1938 г. Мертон крестился в католичество. Тремя годами позже, 10 декабря 1941 г., он был принят послушником в католическое аббатство Девы Марии Гефсиманской. Первые годы монашества он очень настороженно относился к другим религиям. В статуях Будды он видел лишь «слепые, мёртвые, придорожные идолы из бронзы» («Изгнание завершается славой» (*Exile ends in Glory*, 1947)). Ранняя редакция «Семян созерцания» (*Seeds of Contemplation*) помнит такие его слова: «Вне прямо водимого Духом Святым *magisterium* нет ни настоящего созерцания, ни единства с Богом, а есть пустота нирваны, слабый умственный свет платоновского идеализма или мечта-

¹ Thomas Merton, *The Seven Storey Mountain* (New York: Harcourt Brace and Company, 1948), 187.

ния суфиев».² Годом позже Мертон этот отрывок из книги вычеркнул. Во введении ко французскому изданию «Изгнания» (1953) он сокрушался по поводу того, что был тогда лишён «экуменического духа».³ «Восхождение к истине» (*The Ascent to Truth*) содержит пренебрежительные пассажи о понятии «ничто» в буддизме. По-настоящему раскрыть его – по мнению автора – смогли только христианские мистики.

Взгляды молодого Мертона вполне объяснимы. Поступая в Гефсиманию, он был ещё очень богословски незрелым. Все первые годы монашества он изучал христианскую духовность, готовился к священству сам, а позже готовил к нему своих братьев, занимался с послушниками. На другие религии у него просто не оставалось сил. Но с середины 1950-х Мертон начал всерьёз вникать в дзэн, даосизм и другие восточные традиции. Такая перемена в нём была вызвана многими обстоятельствами, в том числе – его новым отношением к монастырю и миру, изучением ранних отцов Церкви и христианских мистиков, гораздо более открытых, чем Католическая церковь того времени.

Сегодня никто не вспоминает о том, что «экуменизм», «диалог между разными традициями» совсем недавно перестал быть запретным словом. Всего лет сорок назад, до Второго ватиканского собора, о нём не говорили, но Мертон был исключением. С конца 1950-х он начал диалог с баптистами, методистами, пресвитерианами, постепенно вовлекая в него буддистов, индуистов, мусульман, последователей иудаизма.

В 1955 г. Гефсиманию начали посещать – по приглашению аббата Иакова Фокса – студенты факультета церковной истории университета Вандербилт в Нэшвиле. В 1958 г Мертон провёл с ними часть дня, отвечая на их вопросы о монашестве. Гостей

² Thomas Merton, *Seeds of Contemplation* (New York: New Directions, 1949), 87.

³ Thomas Merton, "Honorable Reader": *Reflections on My Work* (New York: Crossroad, 1989), 9.

порадовал его здравый взгляд на Церковь как институт и то, что он пользовался современным изданием Библии.⁴ Позже в Гефсиманию начали приезжать студенты из Богословской семинарии в Лексингтоне, Южной семинарии баптистов, Пресвитерианской семинарии (обе в Луисвилле), Методистской семинарии Эсбури. Для подобных встреч и был построен в начале 1960-х гг. небольшой домик – примерно в миле от монастыря, в лесу, на вершине холма.

В общении с людьми других традиций Мертон больше опирался на их внутренний опыт, чем на то, как они выражают свои взгляды. О своём подходе к экуменизму Мертон писал в одной из книг того времени:

*Вмещаая в себя мысль и благочестие восточного и западного христианства, греческих и латинских отцов, русских и испанских мистиков, я в себе самом готовлю воссоединение разделённых христиан. Из этого скрытого, невыразимого внутреннего единства когда-нибудь вырастет единство видимое, явное... Мы должны нести в себе разные миры, преодолевая во Христе все стоящие между ними преграды.*⁵

В конце концов то, как Мертон строил общение с людьми других вер, было одобрено Церковью. В 1991 г. папский Совет выпустил документ, описывающий четыре формы межрелигиозного диалога: совместная жизнь, действие, богословский диспут, «религиозный опыт». Сказанное в нём вполне согласно с тем, как понимал экуменизм Мертон: «люди, укоренённые в их собственной традиции, могут делиться друг с другом духовным богатством, например, опытом молитвы и созерцания». (*Dialog and Proclamation*, no. 42)

⁴ William H. Shannon, *Silent Lamp: The Thomas Merton Story* (New York: Crossroad, 1992), 183.

⁵ Thomas Merton, *Conjectures of a Guilty Bystander* (Garden City, NY: Doubleday and Company, 1966), 12.

Отношение Мертона к христианам других конфессий и людям другой веры менялось вслед за его взглядом на мир. Вот как он пишет об этом:

Чем с большей готовностью я утверждаю других, говорю им «да», открывая их в себе и себя в них, тем реальнее я сам. Я до конца реален, когда моё сердце говорит «да» всем и каждому.

Я стану лучшим католиком, если смогу подтвердить истину, которой не лишены протестанты, и пойду дальше, если перестану шарахаться от их тени.⁶

... То же относится и к мусульманам, индуистам, буддистам и всем прочим. Только нужно избегать синкретизма, всеядности, пресного, беспечного дружелюбия, принимающего всё без раздумий. Есть многое в других традициях, что я не могу «подтвердить», «принять», однако сначала нужно научиться говорить «да» там, где это действительно возможно.

Если я самоутверждаюсь как католик, отмечая ислам, иудаизм, индуизм, буддизм, протестантизм и т.д., моя католичность станет пустой, Святой Дух не сможет её наполнить.⁷

В 1961 г. в эссе «Любовь и Дао» (*Love and Tao*), вошедшем позже в сборник «Мистики и мастера дзэн» (*Mystics and Zen Masters*), Мертон писал:

Одно только можно и нужно сказать вполне определённо: столь важная для Церкви «вселенскость», «католичность» непременно предполагает способность и готовность вступить в диалог со всем, что есть чистого, мудрого, глубоко, человеческого в той или иной культуре. Диалог с восточной мудростью необходим хотя бы уже по вышеуказанной причине. Христианская куль-

⁶ Ibid., 129.

⁷ Ibid.

тура, неспособная к такому диалогу, изобличает себя как лишённую католичности.

Как непохожи приведённые выше отрывки на то, что мы встречаем в ранних трудах Мертона!

Подход Мертона к другим религиям можно кратко выразить словами учёного индुиста Амии Чакраварти: «Непоколебимая укоренённость в вашей вере даёт Вам свободу понимать другие религии».⁸ Ему вторит китайский учёный Джон Ву: «Вы потому и вникаете в самые истоки других религий, что Вы настоящий христианин».⁹

Наконец, далай-лама так выразил своё впечатление от встречи с Мертоном в ноябре 1968 г, за несколько дней до того, как тот погиб в Бангкоке:

*Что до меня, то я всегда считал себя его буддистским братом. Я помню его, восхищаюсь его жизнью и служением, как его близкий друг и брат. Как часто, проверяя себя, я вижу, что следую его примеру... Нашу встречу я не забуду до конца своих дней. Уверю вас, пока я дышу, я останусь верен тому опыту.*¹⁰

Меня часто спрашивают, что бы сегодня говорил и писал Мертон. Думаю, к нашему стыду, он говорил бы то же, что и сорок лет назад. Мы далеко ушли в технологии, коммуникации, но не обрели настоящего общения, единства, взаимопонимания. В книге «Знамение мира» Уильям Апель тщательно разбирает переписку Мертона с христианами других

⁸ Письмо Чакраварти к Мертону от 29 марта 1967 г., из архивов Центра Томаса Мертона, Универстет Беллармина, Луисвилль, Кентукки (далее – ЦТМ).

⁹ Письмо Джона Ву к Мертону от 28 ноября 1961 г. (ЦТМ)

¹⁰ Dalai Lama, "A Tribute to Thomas Merton," in *The Gethsemani Encounter: A Dialog on the Spiritual Life by Buddhist and Christian Monastics*, ed. Donald W. Mitchell and James Wiseman, OSB (New York: Continuum, 1999), 260-261.

конфессий и людьми других вер, раскрывая слова, сказанные о нём далай-ламой. Письма Мертонa и автор этой книги напоминают нам о сокрытой в нас любви, той искре, которая горит в душе каждого из нас.

*Пол Пёрсон, директор Центра Томаса Мертонa, Луисвилль,
США.*

Введение. Знамение мира

В последнее десятилетие жизни Томас Мертон (1915 – 1968), известный монах-траппист и знаменитый американский писатель, много размышлял о мировых религиях, о том, как плохо понимают друг друга те, кто их исповедует. Плодом этих размышлений стала обширная переписка с разбросанными по всему миру людьми разных вер, среди которых были мусульмане, индуисты, буддисты, иудеи, протестанты, православные, а также собратья-католики.

В своей книге я расскажу об этом богатом эпистолярном наследии и о людях, к нему причастных. Надеюсь, её примут читатели Мертона и все, кто хочет лучше понять древние мировые религии. Вникая в письма Мертона, я пытался проследить, как они повлияли на его мысль и жизнь, чему они учат нас, живущих сегодня. Его духовные прозрения как никогда актуальны в наши трудные времена, когда люди разучились находить общее друг с другом основание в глубинах их религиозного опыта.

Мертон был глубоко убеждён, что люди разных вер, но доброй воли, должны, наконец, возвысить голос и начать творить такую атмосферу мира и единства, которой мир ещё не знает. Тон и направление этой книге задают слова, сказанные им Доне Луизе Кумарасвами, вдове великого учёного индуиста¹¹ (письмо от 12 января 1961 г.):

*Думаю, самое ценное, что можно сегодня сделать для мира и единства, – это готовить к ним путь, воспитывая людей, пусть одиночек, не принятых и не понятых ни одним «движением», но способных вместить в себе, в опыте жизни всё лучшее, истинное, что есть в других духовных традициях.*¹²

¹¹ William H. Shannon, ed., *The Hidden Ground of Love: The Letters of Thomas Merton on Religious Experience and Social Concerns* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1985), 126-127.

¹² Ibid., 126.

В последние годы монашества Мертон с особым упорством искал «лучшее, истинное, что есть в других духовных традициях».

Брат Патрик Харт, редактор нескольких книг Мертона, его последний секретарь, говорил, что в конце жизни тот стал «экуменическим монахом». ¹³ Как и апостол Павел, «Мертон был уверен, что должен стать “всемирным для всех”, “универсальным человеком”, в какой-то мере разделяющим участь иудеиста, индуиста, буддиста, мусульманина». ¹⁴ Этими мыслями он делился с братом Патриком после долгой увлекшей его беседы с журналистами разных национальностей из Университета Индианы. Со временем, после нескольких похожих переживаний, Мертон убедился в том, что он призван расширить свой духовный горизонт, вместить в себя «других». С одной стороны, он до конца своих дней оставался монахом Гефсимании, хранящим преданность Христу. А с другой – был удивительно открыт к великим истинам, которые находил в духовном опыте своих иноверных и инославных друзей.

Мертон, «вселенский, католический христианин», тщательно готовился к тому, чтобы пойти туда, где до него побывали лишь единицы, – навстречу мудрости великих мировых религий. На этом пути он не питал иллюзий, призывая всех не ждать слишком многого слишком скоро. Но как бы он ни был осторожен, он неуклонно шёл вперёд.

В последние годы жизни Мертон был убеждён, что Бог ждёт от нас новых усилий, чтобы мы честно, сохраняя духовную целостность, могли вместить истину и мудрость других вер. «Призванию к единству», как называла это Кристин Бокен,

¹³ Brother Patrick Hart, ed., *Thomas Merton, Monk: A Monastic Tribute* (Kalamazoo, MI: Cistercians Publications, 1983), 209.

¹⁴ *Ibid.*, 212.

была посвящена значительная часть служения и мысли зрелого Мертона.¹⁵

Упомянутое выше письмо Мертона к Доне Луизе Кумарасвами открывает нам то, что происходило в его уме и сердце в начале 1960-х гг., – он ясно осознавал своё призвание и искал единомышленников. Весь его духовный поиск вырос из стремления к единству. Свидетельством тому – его неоконченные «Азиатские дневники». Его мистическое, пророческое чутьё подсказывало ему, что нужные ему «вселенские» люди существуют, хотя они и разбросаны по всему миру. Он писал:

*Такие люди могут стать своего рода «таинством», знаменем мира. Они многое смогут сделать для того, чтобы умы их современников открылись и когда-нибудь в будущем приняли в себя семена новой мысли. Наша задача – всего лишь начать подготовку, понести все тяготы ревностных первопроходцев, которых никто никогда не поблагодарит.*¹⁶

В самом деле, ничто так не волновало зрелого Мертона, как общение с людьми разных вер, стремящимися быть знаменем мира. Только они, виделось ему, смогут исцелить наш мир, терзаемый ненавистью и насилием.

Письма Мертона, с которыми мы скоро познакомимся, сеют те самые «семена новой мысли». Он и его иноверные друзья стали знаменем мира для грядущих поколений. Мы можем очень многому у них научиться. Их мудрость и жизненный опыт открывают нам то будущее, в котором может установиться мир и справедливость. Для нас, живущих сегодня, истине спасительны слова Мертона и его друзей. Как мы уви-

¹⁵ Christine M. Bochen, *Thomas Merton: Essential Writings* (Maryknoll, NY: Orbis Books, 2002), 48.

¹⁶ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 126.

дим, они способны напитать наши души, подарить нам столь необходимую в наши дни духовную крепость.

Книга эта устроена так, чтобы нам было легче понять участников переписки. Каждая глава, кроме первой, где сказано о Мертоне, как авторе писем, посвящена одному из его иноверных друзей, чьи мысли бывают столь же богаты и неожиданны, как и мысли Мертона.

Кроме того, главы разбиты по общим для участников переписки темам, что поможет приблизить их чтение к *lectio divina*. Другими словами, книга приглашает читателя поразмышлять вместе с Мертоном и его иноверными друзьями. Поэтому и осваивать её можно, начав с любой главы, переходя от одной к другой вслед за собственной мыслью. Упорно штудировать её от начала к концу нет никакой необходимости, ведь и сами авторы писем никогда не мыслили прямолинейно.

Наконец, каждая из глав (кроме первой) заканчивается письмом Мертона, позволяя нам послушать его ничем непрерываемую речь. Письма даны так, как они вышли из печатной машинки их автора полвека тому назад, – исправлены только явные опечатки.

Прочтя ту или иную главу, читатель больше узнает о Мертоне и об одном из его иноверных друзей. Автор подбирал персонажей по глубине и разнообразию их религиозного опыта. Их, конечно, могло бы быть гораздо больше, но не все писали Мертону письма, как, например, далай-лама. Да всех и нельзя включить в одну книгу. Важно, что каждая из её глав приглашает нас глубоко и молитвенно задуматься над тем, что и сами мы призваны быть знаменем мира.

1. Томас Мертон: служение в письмах

Мертон был непревзойдённым автором писем. Сколько бы они ни сетовали на их множество, они были его любимым делом. В Центре Томаса Мертона (Беллармин колледж, Луисвилль, штат Кентукки) их хранятся тысячи. В них он давал духовные наставления, общался с самыми разными людьми, рассуждал о религии в современном мире, причём подавляющее большинство писем можно считать личными.

По словам Пола Пёрсона, директора упомянутого Центра в Луисвилле, с конца 1950-х гг. по 1968 г. Мертон приобрёл около двух тысяч друзей по переписке.¹⁷ Напомню, что когда он в 1941 г. поступил к траппистам в Гефсиманию, ему было позволено всего четыре письма в год. В 1948 г. стала бестселлером в США автобиография Мертона «Семиярусная гора», поэтому аббат разрешил ему кратко отвечать на отзывы поклонников. Молодой автор рассылал им заранее подготовленную открытку, и на какое-то время вышел из положения. Но, как отмечает его биограф, о. Уильям Шеннон, некоторые читатели просили духовного совета и были достойны большего внимания¹⁸. Так началось служение, апостолат в письмах, которое неуклонно росло и прервалось только со смертью их автора.

Некоторые письма (возможно, их сотни) ещё не попали в Центр в Луисвилле и не учтены в архивах. Недавно, после лекции о Мертоне, которую я прочёл в своём колледже, ко мне подошёл человек и передал мне письмо, которое Мертон написал в 1960-х гг. его жене, бывшей тогда членом католиче-

¹⁷ Эти цифры дал мне Пол М. Пёрсон – в письме от 21 января 2005 г. По его данным, десять тысяч – это консервативная оценка, основанная на материалах, хранящихся в архиве Центра. Она не включает писем из других собраний, в т.ч. частных, потерянных и уничтоженных.

¹⁸ William H. Shannon, Christine M. Bochen, Brother Patrick Hart, Patrick F. O'Connell, eds., *The Thomas Merton Encyclopedia* (Maryknoll, NY: Orbis Books, 2002), 255.

ского ордена и искавшей духовного наставления. Думаю, что случай этот далеко не единичный.¹⁹

По свидетельству Пола Пёрсона, всё больше писем появляется в университетских библиотеках, потому что многие из знакомых Мертон передают им свои архивы. Так поступили Эд Райс (Джоржтаун), Дороти Дэй (Марквет), Жак Маритен (Нотр Дам), Дэниел Берриган (Корнелл), Пинг Ферри (Дартмут). И сколько ещё людей, равно известных и простых, последуют их примеру в будущем?

К концу 1950-х гг., до начала Второго ватиканского собора, Мертон стал сравнительно свободен в переписке с людьми в миру, поэтому круг его друзей стал быстро расширяться. Напряжённо проработав более сотни часов в архивах Беллармина (Центр Мертон в Луисвилле), я лишь едва коснулся его эпистолярного наследия. О. Уильям Шеннон, который провёл там ещё больше времени, полагал, что письма Мертон «чуть ли не соперничают с его книгами» по объёму и важности. Он с изумлением перечислял тех, кому тот когда-либо писал:

*Размах его переписки поражает воображение. Он писал поэтам, главам государств, римскому папе, епископам, священникам, монахам, мирянам, раввинам, мастерам дзэн, католикам, протестантам, англиканам, православным, иудеям, литературным агентам, издателям, богословам, духовным наставникам, старым и новым друзьям.*²⁰

О. Шеннон очень точно подметил, что письма для Мертон были и возможностью найти друзей, и серьёзным литературным трудом. Он ничего не делал впосилы и никогда не брался за то, что его не увлекало по-настоящему.

¹⁹ Это произошло в Линфилд-колледже в сентября 1999 г. Имена мужчины и женщины остались неизвестны.

²⁰ William H. Shannon, "Preface", in *The Hidden Ground of Love*, vi.

В самом деле, будучи монахом, Мертон только на почту и мог рассчитывать, когда хотел наладить общение с кем-то из живущих за стенами аббатства. Личные встречи были большой редкостью. По словам о. Шеннона, «Мертон не мог видаться с друзьями, чтобы их сохранить, он должен был им писать».²¹ С другой стороны, именно писательский дар подвигал его с жаром осваивать эпистолярный жанр.

Вскоре после выхода в свет «Семиярусной горы», Ивлин Во, известный романист и редактор британского издания книги, посоветовал молодому писателю «отложить в сторону большие труды и всерьёз взяться за письма».²² В конце концов Мертон преуспел и в том и в другом.

Сегодня часто спрашивают, сколько бы ещё Мертон создал, если бы жил в наш электронный век и имел под рукой интернет и электронную почту? Не знаю, но, по-моему, ручка, пишущая машинка и обычная почта были для него большим благом. Он не спеша извлекал из конверта содержимое, располагал его на столе, размышлял на прочитанным, писал ответ, нёс его, чтобы опустить в почтовый ящик. Не будь всего этого, переписка не питалась бы созерцанием.

В письмах Мертон высказывал то, что не мог поместить в книге. К цензорам они не шли, а аббат проверял их не очень тщательно. Помеченное же грифом «дело совести» – не проверял совсем. К тому же, когда доверяешь другу свои мысли, духовные прозрения, не боишься, что тебя неправильно поймут или примут твои слова за учение Церкви. О. Шеннон так говорил об этом:

Письма (и дневники) не нужно было сдавать цензорам, поэтому Мертон чувствовал себя в них раскованно. Он мог писать там

²¹ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 255.

²² Shannon, "Preface", vi.

*вещи очень глубокие, шокирующие, остроумные, иногда просто смешные.*²³

Без преувеличений можно сказать, что только письма Мертона и позволяют нам понять, каков был он сам. В них нам открывается человек прямой, честный, располагающий к себе, ценитель беседы открытой и свободной, избегающий отвлечённых рассуждений.

Эпистолярное наследие Мертона стало предметом многочисленных исследований. В одном из них, проведённом в 1988 г. Робертом Дэгги, сказано, что письма было решено публиковать под общей редакцией о. Уильяма Шеннона.²⁴ С 1985 г. по 1994 г. вышло пять томов.

Чтобы эти тома не получились непомерно объёмными, и в связи с нерешённостью некоторых юридических вопросов, в них включили только письма самого Мертона. Роберт Дэгги отмечал:

*Полную переписку с отдельными людьми нужно публиковать в особых ограниченных изданиях. Какой бы беспорядочной она ни была, только она даст нам законченную картину и поможет оценить то мастерство, которого Мертон достиг в эпистолярном жанре.*²⁵

Книга об общении Мертона с Д.Т. Судзуки (*Encounter: Thomas Merton and D.T. Suzuki*), напечатанная совместно Ларкспур Пресс и Королевской библиотекой Университета Кентукки, – прекрасный пример такого ограниченного издания. Точно

²³ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 255.

²⁴ Robert E. Daggy, ed., "Introduction", in *Encounter: Thomas Merton and D.T. Suzuki* (Louisville, KY: Larkspur Press, 1988), xiii. Дэгги даёт прекрасный обзор положения дел с публикацией переписки Мертона в последние двадцать лет его жизни.

²⁵ Ibid.

так же вышли шесть писем, которыми обменялись Мертон и Пастернак.²⁶

Наконец, сам Мертон был первым редактором собственных писем. Свой ставший теперь знаменитым сборник, посвящённый холодной войне (*Cold War Letters*), он размножал кустарным способом и так распространял. В начале 1960-х орденское начальство запретило Мертону публично высказываться о войне и мире, поэтому он мог делиться текстами только с друзьями. В 1964 г. ему удалось поместить несколько писем из подпольного издания в книгу «Семена разрушения» (*Seeds of Destruction*).²⁷

Небольшими сборниками вышли переписка Мертона с Робертом Лаксом, художником Эдом Рейнхартом, богословом иудаистом Авраамом Гешелем, Генри Миллером, Джеймсом Лафлином, Дом Жан Леклерком, Пингом Ферри.²⁸

В 1995 г. была напечатана очень интересная переписка Мертона с Розмари Рэдфорд Рутер, которая слывет ведущим католическим богословом в области феминизма и экологии. Издание включает около сорока писем с обеих сторон. Рутер оспаривала право монашества на существование в мире, так остро нуждающемся в деятельном свидетельстве о ненасилии и справедливости. Она спрашивала, как такие созерцатели, как Мертон, могут прятаться за стенами обители во времена, когда американские города буквально погибают в пожаре расовой ненависти, а американские бомбы падают на Вьетнам. Мертон и Рутер так и не встретились, чтобы обсудить всё с глазу на глаз, но их искреннее расположение, уважение друг ко другу, росло по мере того, как они вслушивались в бо-

²⁶ Ibid.

²⁷ *Cold War Letters*, edited by William H. Shannon and Christine M. Bochen, is being published at long last by Orbis Books.

²⁸ Daggy, "Introduction", xv-xvi.

гословские доводы друг друга. Они были очень разными, но их волновало одно и то же. Монах Мертон и деятельная Рутер хотели, чтобы мир больше не страдал от войн и стал более справедливым, но стратегия и тактика их были различны.

Издательство «Фонс Вита» выпустило серию книг о Мертоне и древних религиозных традициях, куда вошли его письма к людям разных вер. В серии напечатаны такие сборники, как «Мертон и суфизм: нерассказанная история» (*Merton and Sufism: The Untold Story*, 1999), «Мертон и иудаизм: святость в словах» (*Merton and Judaism: Holiness in Words*, 2003).

Мертон действительно мастерски писал письма. Что бы ни в них ни обсуждалось, он умел проникнуть в самую суть вопроса, поделиться своей интуицией. Вчитываясь в его письма, мы узнаём, каким он был на самом деле, что скрывалось под его обычной ироничной вдумчивостью. Вот как об этом говорит о. Шеннон:

Если судить только по дневникам, то Мертон покажется человеком излишне интроспективным, занятым собой. Но в дневник и пишут в основном о себе (даже понимая, что записи могут напечатать). В письмах же Мертон, напротив, тонко выстраивая отношения, говорит с другими... Они не только открывают нам, о чём он думал в то или иное время, но – и то, как важно для него восприятие его слов адресатом.²⁹

Именно из его писем Мертона новое поколение его читателей сможет узнать, каким он был в жизни. Читая его ответы на волнующие других вопросы, его размышления вслух, будто слышишь его голос. Его потрясающая способность вникать в самое существо дела выводит его письма за пределы конкретного времени и места. Его внимательность к себе и к другим соединяет всех участников общения в органическое целое. Божье присутствие становится очевидным читателю в том

²⁹ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 255.

или ином повороте речи, в жесте искренней дружбы. Часто сами его письма служат знамением мира.

Из последующих глав мы увидим, как дружба с людьми разных вер, которую строил Мертон, ведёт к прекращению войн и примирению враждующих. Он дал нам прекрасный пример конструктивного и очень личного межрелигиозного диалога и миротворчества. То, что Мертон смог издать «Письма о холодной войне» (*Cold War Letters*), не прерывая общения с рассеянными по всему миру людьми разных вер, говорит о многом. По существу, он был первопроходцем в обеих сферах – в движении за мир и в общении с иноверцами. Он умел вместить всё лучшее и истинное из великих мировых духовных традиций. Мертон бы уверен, что миротворчество и межрелигиозный диалог тесно связаны, и ясно выразил своё убеждение в письмах.

2. Благословение. Переписка с Абдул Азизом

Что ж, друг мой, мы живём в тревожное, скорбное время и должны молить бесконечного и милостивого Господа о Его терпеливом снисхождении ко грехам этого мира, которые тяжки сверх меры. Мы должны смирять наши сердца в молчании и духовной нищете, вслушиваясь в рождающиеся в недрах Его любви повеления, всё делая для того, чтобы люди сердцем противились крови, убийству, похоти, жадности, чтобы встали на путь, ведущий к любви и справедливости. Боюсь, в этом смысле большие и сильные страны подают весьма скверный пример остальному миру.

Мертон – Абдул Азизу, 7 ноября 1965 г.

Было бы вполне уместно начать исследование диалога Мертона с людьми разных вер именно с Абдул Азиза, мусульманина, специалиста по суфизму, всю свою жизнь прожившего

в пакистанском Карачи. Приведённые выше слова из письма Мертона могли быть сказаны актуальны и по сей день. Длительная переписка между Мертоном и Азизом началась в ноябре 1960 г. и прервалась только со смертью первого в 1968 г. По словам Сидни Гриффита, в XX в. интереснее переписки между мусульманином и христианином не было.³⁰

Во времена, когда между христианами и мусульманами почти не было содержательного общения, не говоря уже о дружбе и взаимопонимании, Мертон и Азиз добились, казалось бы, невозможного: они встретились на общем основании их религиозного опыта и стали друг для друга благословением вопреки доктринальным различиям. Друзья ни разу не общались лицом к лицу, но в письмах (и в молитве) их сердца и умы встретились. Они показали, что каждый из нас может стать благословением для другого. Таков главный и незаменимый урок, который можно извлечь из их дружбы нам, живущим в мире, где больше проклинаяют, чем благословляют.

Личное наблюдение

В 1997 г. я, будучи в творческом отпуске, поехал в Бостонский университет, чтобы исследовать неопубликованные бумаги Ховарда Турмана.³¹ Как и Мертон, Турман был плодовитым писателем, поэтом, духовным наставником, критиком обще-

³⁰ Sidney H.Griffith, "One Spiritual Man to Another: The Merton-Abdul Azaz Correspondence," in *Merton and Sufism: The Untold Story*, ed. Rob Baker and Gray Henry (Louisville, KY: Fons Vitae, 1999), 101-102.

³¹ После недели работы в архивах библиотеки Бостонского университета (труды Говарда Турмана) в апреле 1997 г. я провёл ещё одну неделю в Центре Томаса Мертона в Луисвилле, в Университете Беллармина. Только тогда я понял, как связаны понятия «благословения» в истории с Турманом и в переписке с Абдул-Азизом. Я написал об этом в статье "The Merton-Azia Letters: An Interfaith Journey toward Unity," *The Merton Seasonal* 28, no. 3 (fall 2003).

ственных порядков. В своём творчестве он затрагивал универсальные темы: «я», община, поиск Бога – всё то, что глубоко интересовало Мертона и Азиза. На работу в архиве мне отвели всего неделю, и я не успел найти ничего, что могло бы собрать моё исследование воедино.

Наконец, буквально за час до отъезда в аэропорт (я должен был лететь в Луисвилль, в Университет Беллармина, чтобы заняться архивами Мертона) я сделал открытие. Передо мной лежало неопубликованное эссе Турмана о его встрече с раввином из Массачусетса по имени Залман Шахтер, того самого, который переписывался с Мертоном (письма опубликованы в сборнике *The Hidden Ground of Love*).

Турман пишет, что в один из весенних семестров он готовился к лекции по духовной дисциплине, когда в дверях его кабинета появился молодой раввин. Это было очень необычно. В начале 1950-х молодые раввины не посещали лекций чернокожих протестантов, каким бы авторитетом те ни пользовались. (Встреча была столь же редкой, как и общение Мертона с Азизом). Турман ещё не успел осознать, кто перед ним, а раввин, не сходя с места, произнёс: «Я пришёл убедиться, что смогу вытерпеть Вас, а Вы – меня!». Проверка оказалась успешной: раввин записался на курс.

Учился он хорошо. Его работы, вспоминал Турман, были умело написаны и выгодно отличались от всех прочих. Они были ясными, хорошо обоснованными, очень правоверными. Раввин успешно закончил семестр, и Турман думал, что продолжения не последует.

Но всё повторилось. Раввин снова появился в дверях его кабинета, не проходя внутрь. Когда же Турман поднялся из-за стола и подошёл к гостю, тот встал на колени и попросил благословения. Это был вполне традиционный жест правоверного раввина по отношению к наставнику.

Турман вспоминает, что он буквально опешил, но прочёл-таки молитву, не вполне сознавая, какие именно слова произносит. Никогда прежде ему не приходилось благословлять другого человека. Поистине они стали друг для друга благословением – поверх их религиозного опыта, культурной среды. Они научили друг друга «вещам Божественным». То же случилось и в дружбе Мертона с Азизом.

Переписка (1960–1968 гг.)

Первого ноября 1960 г. мусульманин из Пакистана, чиновник Абдул Азиз начал переписку с Томасом Мертоном, воспользовавшись советом Луи Массиньона, французского специалиста-востоковеда, католика, известного исследователя мусульманской мистики, который сам состоял в переписке с последним. Азиз спрашивал Массиньона, не знает ли тот «какого-нибудь настоящего созерцателя, с которым можно было бы поговорить о христианской мистике».³²

Первое письмо Азиза к Мертону вышло довольно официальным, выдержанным – он готовил почву для общения со знаменитым монахом-траппистом. Он обращался к собеседнику «Дорогой о. Людовик Томас Мертон», показывая, что знает его монашеское имя, и подробно рассказывал о своём исследовании суфийской мистики, о знакомстве христианской духовностью, начатом ещё в 1952 г. с книги Мертона «Восхождение к истине» (*Ascent to Truth*).³³

³² William H. Shannon, ed., *The Hidden Ground of Love: The Letters of Thomas Merton on Religious Experience and Social Concerns* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1985), 43.

³³ Письмо Абдул Азиза Мертону от 1-го ноября 1960 г. Письма Абдул Азиза не опубликованы за исключением небольших отрывков, вошедших в *Merton and Sufism: The Untold Story*. Хранятся они в архивах Центра Томаса Мертона в Луисвилле, Университет Беллармина, Кентукки. (далее – ЦТМ).

Должно быть, Азизу удалось заинтересовать собеседника, потому что уже 17 ноября он получил пространный тёплый, даже восторженный, ответ, начинавшийся словами: «Я был рад Вашему доброму письму и очень благодарен нашему общему другу Луи Массиньону за то, что он направил Вас ко мне».³⁴ Прочтя эти слова, Азиз понял, что он тронул сердце и ум родственного ему по духу человека.

Первый шаг в общении людей разных вер был сделан: Мертон и Азиз поняли, что их обоих интересуют великие мистики их религиозных традиций. В ответ на признание Азиза в том, что он увлёкся св. Иоанном Креста, Мертон сообщал, что внимательно прочёл суфиев Абу Мансура ал-Халладжа (*Hallaj*) и Джалал ад-Дин Руми (*Rumi*) и предлагал выслать какие-то из своих книг вместе с работами о св. Иоанне. Кроме того, он советовал Азизу, какие книги о христианских мистиках и какие из их собственных трудов стоит прочесть.

Заканчивая первое письмо к Азизу, Мертон решил не ограничиваться одним только обменом полезных сведений. Он уже почувствовал в Азизе «духовного брата» и делился с ним тревогой по поводу повсеместной секуляризации. К этой теме мы вернёмся чуть позже, пока же отметим сознательное усилие, которое приложил Мертон, чтобы построить общение и дружбу с Азизом.

Его усилия оправдались: между христианским монахом и чиновником-мусульманином завязались самые динамичные отношения. Сидни Гриффит к книге «Как один духовный человек другому» (*As One Spiritual Friend to Another*) писал:

Переписка между знаменитым христианином и практикующим мусульманином – редчайший пример религиозного диалога в наши дни. Конечно, Мертон написал много писем исследо-

³⁴ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 44.

*вателям ислама, просто мусульманам, но его общение с Азизом получилось удивительно личным, религиозным.*³⁵

Мертон и Азиз стали стали друг для друга настоящим благословением. Они встретились в тот период их жизни, когда каждый из них искренне стремился научиться чему-то у разных религиозных традиций. Несомненно, именно такое стремление служит предпосылкой для плодотворного межрелигиозного диалога.

Те, кто изучает Мертона, учится у него, должны быть безмерно благодарны Абдул Азизу за его глубокие вопросы и озарения, которые, как мы увидим, задавали тон всей переписке. Азиз понуждал Мертона глубже задуматься над тем, как связаны его духовный монашеский путь и путь Азиза, всю жизнь интересовавшегося внутренней жизнью суфиев. Вот как сам Азиз писал об этом:

*Наши письма друг другу рождались из «нищеты духа», смиренной готовности учиться у другого. Ни один из нас не стремился показать свою учёность и эрудицию... Эту переписку отличало благоухание духа, особенно когда она касалась многих благословенных святых и мистиков ислама и христианства, их учения, Святейшего Имени Могущественного Бога.*³⁶

Чему же учит нас это общение, рождавшееся из духовной нищеты? Поможет ли оно межрелигиозному диалогу сегодня? Чтобы проиллюстрировать самые важные из преподанных нам уроков, особенно тех, что Кристин Бокен назвала «призыванием к единству»³⁷, возьмём четыре отрывка из переписки Мертона и Азиза. Преданные тому, что объединяет, а не

³⁵ Baker and Henry, *Merton and Sufism*, 109.

³⁶ Ibid., 103-104.

³⁷ Christine M. Bochen, *Thomas Merton: Essential Writings* (Maryknoll, NY: Orbis Books, 2002), 48.

тому, что разделяет, они стали настоящим благословением друг для друга и для всех нас.

Мир, лишённый Бога

Начнём мы с отрывка, взятого из первого письма Мертона к Азизу, из его окончания, отмечённого и Сидни Гриффитом. Как один из духовных братьев другому, первый говорит второму о мире, лишённом Бога:

*Мир, в котором мы живём, стал ужасающей пустотой, осквернённым святилищем, отражением пустоты и слепоты сердец тех, кто сошёл с ума от стремления к наживе, власти, от гордости за свои технические достижения. Пусть же Ваша книга о суфийских мистиках поможет людям узнать Его Имя, помнить о Нём; пусть она откроет им глаза на свет Его истины.*³⁸

Эту выдержку я недавно зачитывал на экуменической встрече, пытаясь донести до участников представление о «Боге позади Бога», которое часто используют христианские мистики и суфийские мудрецы. Мир, утративший знание Вечного, действительно стал «осквернённым святилищем». В ответ один из моих слушателей заметил, что наши сегодняшние беды связаны не столько с верой в «Бога позади Бога», сколько с тягой к «Богу, стоящему впереди Бога», которая недалеко от идолопоклонства. Такая тяга вынуждает меня противопоставлять моего Бога – *твоему*, порождая разделение.

Напротив, Мертон и Азиз почитали Единого Святого, стоящего за формулами доктрин (или *выше* них). Они знали Бога, существующего за пределами религиозных институтов, истинную Реальность, которую заслоняют от нас наши умные речи. Именно это имел в виду Азиз, когда писал, что разделяет с Мертоном духовность, рождающуюся из духовной ни-

³⁸ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 45.

щеты, а не из учёности, эрудиции. Только в глубине такого опыта и можно найти духовную истину.

Отвечая на слова Мертона о секуляризации (о мире, лишённом Бога), Азиз писал 20 декабря 1960 г., как глубоко они его тронули, понудив молиться «о долгоденствии и неуклонном духовном просветлении» его далёкого собеседника. Он благодарил Мертона за «сердечную искренность» и просил его молитв о себе³⁹. Он понял, что тот ищет большей духовной глубины и далеко не удовлетворён теми простыми, поверхностными ответами, которые даёт мир или даже его собственный религиозный институт. Как духовные братья, оба они искали «Бога позади Бога», того, что Мертон однажды назвал «Любовью, скрытой в основании всего сущего».⁴⁰

Единство Божье

Второй эпизод из переписки Мертона и Азиза показывает, как каждый из них стремился к единству, – благословлять значит соединять. Азиз, пользуясь их достаточно окрепшей дружбой, просил Мертона объяснить ему, почему для христиан так важно учение о Троице. Он не побоялся затронуть то, что могло вызвать резкое разногласие. Мертон сначала смиренно отказывался, сетуя на то, что «едва ли сможет раскрыть» одну из величайших тайн христианства, но потом поразительно ясный ответил, сопоставив учение о Троице с ключевым для ислама представлением о Божьем единстве (tawhid).

18 октября 1863 г. Мертон так писал, пытаясь нащупать общую с Азизом почву:

Как Вы (впрочем, и я сам) почитаете Аллаха Rahman и Rahim (милостивого и милосердного), так и мы, уча об Отце, Сыне

³⁹ Письмо Абдул Азиза Мертому от 20-го декабря 1960 г (ЦТМ).

⁴⁰ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 115.

и Святом Духе, не имеем в виду три самостоятельных существа. Главное и первое, что мы утверждаем, есть трансцендентное ЕДИНСТВО Бога. Поскольку же такое единство выше всех чисел, «единица» в нём численно неотличима от «трёх». Как Аллах остаётся «один», будучи милостивым и милосердным, открывая Себя миру с разных сторон, так Отец, Сын и Святой Дух полностью едины, хотя и связаны друг с другом определёнными отношениями.⁴¹

Из приведённого отрывка ясно, что Мертон сосредоточен на мысли о единстве Бога, на том, что духовно объединяло его с Азизом. Но он помнил и о богословских различиях. В том же письме Мертон писал: «Как Вы знаете, мы верим, что Христос не вне Бога, Который Ему просто помогает. Бог во Христе совершает наше спасение».⁴²

Азиз никак не мог принять это утверждение, противоречившее, на его взгляд, самой сути ислама, о которой он уже писал Мертону в письме от 4 апреля 1964 г. Азиз возражал:

Ислам учит об ответственности каждого человека за свои поступки и не разделяет учения об искуплении, выкупе. Мусульмане считают, что так верили все истинные посланники Божьи от Адама до последнего святого пророка ислама, включая великих патриархов Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа, Моисея, Давида, Соломона, Иисуса Христа. «Вера» во все времена одна и та же.⁴³

Обсуждение зашло в вероучительный тупик. Азиз, следуя Корану, настаивал на том, что Иисус, – не искупитель человечества, а великий посланник Бога. Мертон, отвечая ему, признал, что дальше им двигаться некуда: «Как Вы пишете,

⁴¹ Ibid., 56.

⁴² Ibid.

⁴³ Baker and Henry, *Merton and Sufism*, 109.

всё дело в сотериологии (в том, как мы понимаем спасение). Думаю, спорить бесполезно, – мы лишь увязнем в словах и формулах, уйдя от духовной реальности». ⁴⁴ Двигаясь вперёд, Мертон хочет опираться не столько на богословские рассуждения, сколько на конкретный духовный опыт.

Мертон и Азиз, хорошо понимали, что их разделяет, но продолжили духовное сближение. Первым Азиз вспомнил напутствие папы Пия XI (1857–1939) своему представителю в Ливии. Вторя его примирительному тону, Мертон подтвердил, что принимает слова папы: «Не думайте, что Вас будут окружать неверные. Мусульмане тоже стремятся к спасению. Пути Господни неисповедимы». ⁴⁵

В письме от 18 октября 1963 г. Мертон смело утверждал своё духовное единство с Азизом:

Я полностью согласен с тем, что человек, сердцем искренне верящий в Бога и поступающий прямо по совести, непременно будет спасён и увидит Бога. Я нимало не сомневаюсь, что честный мусульманин будет спасён и взят на небо, даже если он, по той или иной причине, не принял при жизни того, чему учит о Христе Церковь. ⁴⁶

Мертон отвечал искренне, как верный католик. Азиз писал как настоящий мусульманин. Но оба они остались преданными духовными друзьями. Они ощущали на себе благословение за благословением, нисходящими от единого истинного Бога.

⁴⁴ Ibid., 110.

⁴⁵ Ibid., 112.

⁴⁶ Ibid., 112-113.

Верность, несмотря ни на что

Третий эпизод переписки Мертонa и Азиза говорит нам о том, какой осторожности требует межрелигиозный диалог. Даже хорошо зная собеседника, можно не понять его, почувствовать к нему неприязнь.

Получив тёплый энергичный ответ на своё первое, довольно официальное, письмо, Азиз поменял обращение с «Дорогой о. Людовик Томас Мертон» на «Мой дорогой добрый друг». Дружеский тон Мертонa направил переписку по новому руслу. Собеседники стали делиться тем, что лежало у них на душе. В 1963 г. Мертон попал в больницу, но скоро поправился. Азиз же, узнав об этом, «вздыхнул с облегчением» и назвал болезнь «скрытым благом», – его друг смог больше читать.

В 1966 г. в полном искреннего расположения к собеседнику письме Азиз сокрушался по поводу того, как питаются гефсиманские монахи. Другу Мертону он твёрдо советовал: «ваша монастырская пища очень скудна». Человек после сорока должен получить больше белков и меньше крахмала, углеводов, сахара.⁴⁷ Мертон в свою очередь искренне заверял Азиза в своей дружбе, беспокоился о его благополучии. В ответ на обещание Азиза молиться за своего друга христианина Мертон писал 30 января 1961 г.: «Я глубоко тронут Вашей чуткостью и заботой, очень ценю Ваши молитвы. Надеюсь, Вы и впредь будете молиться за меня на рассвете, когда кругом так тихо и так чисты первые лучи солнца».⁴⁸ Молитва друг за друга вдохновляла Мертонa, вселяла в него надежду:

Я нисколько не сомневаюсь в том, что на переписку нас подвиг Сам Бог по Своей милости. Определённо и ангелы Его невидимо

⁴⁷ Письмо Абдул Азиза к Мертону от 26-го декабря 1966 г (ЦТМ).

⁴⁸ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 46.

*содействуют нам. Давайте же с радостью и смирением примем то тайное благо, которое Он предлагает нам, помогая нам глубже понять свою веру.*⁴⁹

Но более глубокое понимание своей веры не защищает от разногласий. В несохранившемся письме Азиз предложил Мертону ежедневно читать, наряду с Псалтирью, отрывки из Корана. Мертон несколько раз говорил Азизу, что пытается вникнуть в священный для мусульман текст, и тому показалось, что пришло время его другу сделать следующий шаг.

Но Мертон счёл предложение Азиза неразумным. Своим глубоким, ясным ответом он показал, что духовные друзья могут честно, прямо, с любовью говорить друг другу правду. Мертон начинает с извинений за то, что, переехав в скит, не может вовремя отвечать на письма Азиза, и продолжает:

*Писать мне теперь гораздо труднее. Монастырский устав не одобряет обширной переписки, а здесь в скиту я должен отводить больше чем прежде времени на молитву и чтение. К тому же, всегда приходит несколько писем, которые требуют незамедлительного ответа, обычно от тех, у кого есть какая-нибудь острая духовная нужда... Надеюсь, Вы меня поймёте. Я же стараюсь хотя бы кратко и по существу отвечать, хотя бы на то, что не заставляет меня рыться подолгу в книгах.*⁵⁰

После такого вступления Мертон очень осторожно переходит к главному вопросу. Он сообщает Азизу, что его предыдущий ответ почему-то не достиг адресата, а потом ясно и прямо пишет, почему не будет петь Коран:

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid., 61.

*Мне не следует ежедневно петь Коран, поскольку я понятия не имею, как это правильно делать, и не хочу произвола в столь серьёзном деле. Думаю, что я должен остаться со священными текстами своей традиции – псалмами, пророками и проч. – поскольку я хорошо знаю, как их петь. Но Коран я всё равно читаю внимательно и с большим почтением.*⁵¹

Три урока мы можем извлечь из слов Мертон, обращённых к его мусульманскому другу. Во-первых, не всегда стоит разделять с человеком другой веры его духовную практику, даже если у тебя с ним много общего. Мертон подметил очень важное обстоятельство: к пению стихов из Корана нужно относиться очень серьёзно и нельзя делать этого как попало. Это говорит о его глубоком уважении к практике, начинать которую нужно только после хорошей подготовки. Во-вторых, Мертон не хочет пренебрегать своим духовным делом, стремится именно ей уделить основное внимание. Он следует многовековой традиции чтения Библии, поддерживая тот порядок, который заведён в выросившей его общине. В-третьих, что самое важное, Мертон обещает читать Коран «внимательно и с большим почтением», показывая тем самым, как он ценит всё, что священно для его друга.

Мертон, таким образом, одновременно почтил и свою, и чужую духовную практику и сохранил духовную дружбу. Такое возможно, только если дружба эта достаточно окрепла. Азиз, в свою очередь, полностью принял соображения Мертон. Он ответил, что ничего не знал об особом монашеском способе чтения нараспев, и инцидент на этом был исчерпан. Но оставалась ещё одна крайне важная духовная тема, которую Азиз продолжал обсуждать с Мертоном, а именно – молитва.

⁵¹ Ibid.

Молитва

Ответ Мертон на вопрос Азиза о молитве – самый, пожалуй, известный эпизод их переписки. В письме от 2 января 1966 г. Мертон прямо рассказывал своему духовному брату о молитвенной жизни. Другу, с которым он вместе молился, он поведал от сердца к сердцу то, что не написал ни в одной из книг:

Строго говоря, я молюсь очень просто. Я собираю всё своё внимание на присутствии Бога, Его воле, Его любви... Пророк [Магомет] назвал бы это «пребыванием перед Богом, словно видишь Его». Только я ничего не воображаю, не представляю себе Бога в том или ином образе, – это было бы идолопоклонством.⁵²

В конечном счёте оба они, Азиз и Мертон, впали бы в идолопоклонство, если бы воображали себе Бога в каком-то образе. Это сбило бы их обоих с духовного пути к более полному единству. Это не значит, что совсем неважны представления о Боге. Мы и помыслить не можем о Мертоне без Христа, об Азизе без Аллаха милостивого и сострадательного. Но образы постепенно гаснут, уступая место Самому Богу («да будет Бог всё во всём» – 1 Кор. 15:28). На пути к единству в какой-то момент оказываются бессильны слова. Тогда человек и входит в Пустоту, где нет ни голоса, ни образа, ни видения, а есть только Бог позади Бога, который сблизил Мертон и Азиза.

Тех, кто захочет усвоить и умножить наследие, оставленное нам в переписке Мертон и Азиза, ждут большие трудности. Слишком часто призывание к единству встречает сопротивление со стороны защитников «Бога, стоящего перед Богом». Пропасть всё ещё разделяет христианство и ислам. Но кому-то, как героям этой заметки, удалось стать знаменем мира и приоткрыть новые, далёкие горизонты. Они говорят нам о том, что нас духовно объединяет, а не о вероучительных формулах, которые рождают бесконечные споры.

⁵² Ibid., 63-64.

Письмо от 17 ноября 1960 г.

Мой дорогой друг,

Я был рад Вашему доброму письму и благодарен нашему общему другу Луи Массиньону за то, что он направил Вас ко мне. Спасибо Вам за ваш очень благосклонный отзыв на «Восхождение к истине» (*Ascent to Truth*). Раз Вам интересно то, что я пишу, я высылаю Вам две посылки с моими книгами. Надеюсь, Вы примете их в дар. Среди них есть почти всё, о чём Вы спрашивали. «Семярусная гора»⁵³ – это то, что вышло в Англии как «Избранная тишина», полная версия автобиографии. В последних главах «Знамения Ионы» (*The Sign of Jonas*) есть отрывки о созерцании. Кроме того я добавил две тонких книги о монашестве. Надеюсь, хоть что-то из этого Вам пригодится. Признаюсь, постыдился посылать Вам «Семена созерцания».⁵⁴ Я написал их, будучи молодым монахом. Там много несуразного, а главное, они изобличают моё окончательное невежество в отношении суфизма. Позже я сожалел о содеянном, но всё же послать Вам книгу у меня рука не поднимается. Простите меня. Если её когда-нибудь надумают переиздать, я исправлю ошибки и обязательно пришлю её Вам. Пожалуй, напишу об этом издателю. В книге нужно многое поменять.

Меня действительно очень увлёк Мансур Халладж (*Husayn Mansur Hallaj*), этот великий святой, мистик, пострадавший за истину и любовь. Знаком я, и довольно неплохо, с Джалал ад-

⁵³ *The Seven Storey Mountain*. Автобиография Томаса Мертон, написанная им в первые годы монашества, сразу же ставшая бестселлером и прославившая его как автора. Книга переведена на несколько языков, среди которых нет русского. В Англии книга вышла в сокращённом варианте под названием *Elected Silence*. (прим. перев.)

⁵⁴ *Seeds of Contemplation*. В начале 60-х Мертон значительно отредактировал и дополнил эту книгу, и она вышла под названием *New Seeds of Contemplation*. На русском языке новое издание опубликовано в 2005 г. как «Семена созерцания». (прим. перев.).

Дин Руми (*Jalalu'l Din Rumi*). На мой взгляд, он – один из величайших духовных поэтов и мистиков. Его слова наполнены огнём божественной любви. Мистику ислама открыли мне труды Луи Массиньона. Очень важно, чтобы суфийские тексты изучали, чтобы их знали как можно большей людей, поэтому и Ваш труд, я уверен, принесёт обильные плоды. С радостью сообщаю Вам, по каким источникам можно изучить западную мистику. Если Вы в свою очередь поможете мне лучше понять суфизм, то я буду Вам глубоко признателен. Может быть, Вы поделитесь со мной Вашими книгами или статьями?

Что до св. Иоанна Креста, то его основные труды есть у нас, правда, в бумажном переплётё. Я попросил, чтобы их Вам послали. Советую Вам почитать «Жизнь св. Иоанна Креста», написанную на французском *Pere Bruno de Jesus-Marie*. Там сказано о том, что на святого мог повлиять и суфизм. Там же Вы найдёте ссылки, которые поведут Вас дальше по этой теме. Забыл, кто издал эту книгу, но думаю, Вы сможете узнать это у Ваших друзей из Франции. Кажется, у отца *Paul Nwuyia* есть оттиск статьи об Ибн Аббаде и св. Иоанне. Я этого мистика не знаю, и очень хотел бы о нём прочесть. Я ведь всё ещё невежда в этой области.

Книги, которые я советовал Вам прочесть, Вы можете заказать у издателей в Нью-Йорке. Напишите мисс Энн Перкинс и сошлитесь на меня. Они издадут «Сотницу медитаций» Томаса Траэрна (*Thomas Taherne. The Centuries of meditations.*), которая очень Вам нужна. У них выходит ещё много превосходных вещей. Думаю, если Вы им предложите, то они переиздадут и *Malaval*, на которую вы ссылаетесь. Кажется, они издадут Фенелона и прекрасную книгу Иоганна Рейсбрука (*Jan van Ruysbroeck*) «Одеяние духовного брака» (*The Adornment of the Spiritual Marriage*). Обязательно достаньте и прочтите анонимный трактат «Облако незнания» (*Cloud of Unknowing*) (новое издание напечатано в Джулиан Пресс в Нью-Йорке). Св. Бернар Клервосский, один из ранних отцов цистерцианского мо-

нашеского ордена, к которому я принадлежу, – очень важный писатель-мистик. Вероятно, лучше всего Вас с ним познакомит «Мистическое богословие св. Бернара» Этьена Жильсона (Шид и Уорд, Нью-Йорк).

Вот то небольшое, что могло бы Вас заинтересовать и помочь в Ваших исследованиях. Непременно пишите, если я ещё что-то могу для Вас сделать. Постараюсь ответить на все Ваши вопросы и даже порыться в какой-нибудь книге, хотя мне бывает нелегко добраться до букинистов, поскольку живём мы среди лесов, вдали от города.

Не смогли бы и Вы ответить мне на один вопрос? Недавно в музее я наткнулся на священный мусульманский предмет – прекрасно сделанную ткань, некогда покрывавшую могилу святого человека, имама Реза (*Riza*). На ней был вышит суфийский стих, перевод которого на английский, к счастью, был помещён тут же, на приставленной к ней табличке. Сам священный покров и этот стих глубоко меня тронули. Хотя, к моему великому сожалению, он теперь служит сугубо светским целям, я благодарил Бога за то, что познакомился с человеком великого духа. Не могли бы Вы помочь мне больше узнать о нём? Я знаю только его имя. Разумеется, это был персидский суфий. На покрове изображён рай, разные звери и четыре ангела. В том же музее я насчитал ещё пять таких покровов с вышитой на них молитвой. Как грустно сознавать, что они превратились в никому не понятные безымянные экспонаты, хотя сотрудники музея по-настоящему чутки, разумны и очень почтительно с ними обращаются. Обмирщение распространяется как духовная эпидемия.

Смирненно сознавая свою немощь и ограниченность, как один духовный человек другому, от сердца прошу Вас постигать истину в глубокой молитве и размышлении, свидетельствовать о свете, который исходит от Единого Святого Бога в этот мир тьмы, где Его не знают и не помнят. Мир, в котором мы

живём, стал ужасающей пустотой, осквернённым святилищем, отражением пустоты и слепоты сердец тех, кто сошёл с ума от стремления к наживе, власти, от гордости за свои технические достижения. Пусть же Ваша книга о суфийских мистиках поможет людям узнать Его Имя, помнить о Нём; пусть она откроет им глаза на свет Его истины.

От сердца желаю Вам всего наилучшего,

Искренне ваш.

3. Любовь. Переписка с Амией Чакраварти

Определённо, лучшая награда писателю – это когда его читают, понимают, ценят.

Мертон к Чакраварти, 13 апреля 1967 г.

Введение

Когда человека благодарят, он ощущает, что в его жизнь входит любовь. Ничто так не поднимает его дух, как известие о том, что тебя ценят и понимают другие. Именно это испытал Томас Мертон, узнав, что Смит-колледж устраивает в весеннем семестре вечер в его честь. 29 марта 1967 г. профессор колледжа Амия Чакраварти писал Мертону, что студенты и преподаватели Нортхэмптона, Штат Массачусетс, «погрузились в тишину и искусность его мысли и слова».⁵⁵

Тот памятный вечер поразил Чакраварти. Он писал Мертону: «Как ни странно, наши умные и духовно чуткие студентки поняли Вас не хуже, если не лучше, многих учёных мужей и богословов».⁵⁶ Читая эти слова, Мертон, должно быть, улыб-

⁵⁵ Письмо Амии Чакраварти к Томасу Мертону от 29 марта 1967 г. (ЦТМ).

⁵⁶ Ibid.

нулся: его слышали и поняли люди нового поколения. Студентки Смит-колледжа подавали хорошие надежды, они были готовы слушать, учиться. Они стали проводниками любви.

В самом деле, умение слушать Мертон считал первым и главным шагом к настоящему общению, особенно духовному и межрелигиозному. Как мы увидим позже, отвечая студенткам через их профессора (Чакраварти), Мертон дал прекрасный пример того, как можно слушать другого, с любовью откликаться на то, что идёт от сердца. Он был убеждён, что только так мы можем дать проявиться «любви, скрытой в основании всего сущего».⁵⁷

Из способности слушать другого только и вырастает личная духовная дружба, которая, поверх доктринальных и институциональных различий, на уровне опыта, ведёт к открытому диалогу, настоящей любви. Описанная в этой главе дружба людей разных вер, Амии Чакраварти и Томаса Мертона, даёт нам поучительный пример того, как всё это возможно. В конце концов, именно они помогли студенткам Смит-колледжа стать духовнее, освободиться от предрассудков.

Амия Чакраварти (1901–1986)

Дружба Амии Чакраварти с Томасом Мертоном сложилась только в 1966 г., меньше, чем за три года до гибели последнего в декабре 1968 г. Чакраварти родился в 1901 г. в Индии, в Западной Бенгалии. Учился он сначала у себя на родине в университете Патна, а потом – в Англии, в Оксфорде, где в 1936 г. получил степень доктора философии. Позже он переехал в США, вступил в Фи Бета Каппа⁵⁸ и преподавал в бостонском Смит-колледже, в государственном университете Нью-Йорка.

⁵⁷ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 115.

⁵⁸ Привилегированное общество студентов и выпускников колледжей (прим.перев.)

В молодости Чакраварти служил литературным агентом у знаменитого индийского поэта Рабиндраната Тагора. Позже он и сам стяжал мировое признание как поэт, философ, учёный. Он много писал для разных изданий: *Saturday Review*, *Atlantic Monthly*, индийских журналов. В 1961 г. он отредактировал самый полный английский сборник произведений Тагора. Много книг Чакраварти написал на своём родном бенгальском языке.

Но не только наука и литература интересовали Чакраварти. Когда Индия боролась за независимость, он встал на сторону Махатмы Ганди и участвовал в его маршах мира. Позже в Англии и во Франции он симпатизировал учёному гуманисту Альберту Швейцеру. Путешествуя по Африке, Вост-Индии, карибскому региону, он исследовал, как взаимодействуют разные культуры, помогал религиозным меньшинствам. Много раз он бывал в Азии, на Ближнем Востоке, в Европе. Куда бы он ни приезжал, он служил вестником справедливости и мира.

Гражданин мира Чакраварти был одним из тех, кого Мертон считал «знамением мира», кто старался вместить всё лучшее, истинное, что несли великие духовные традиции. Именно это качество помогало ему противостоять вражде и вселять в народы надежду на лучшее будущее. Его труды в ООН и ЮНЕСКО принесли ему международное признание. Но в глубине души Чакраварти всегда знал, что призван учить, помогая своим студентам меняться духовно и интеллектуально. Он хотел, чтобы и они стали гражданами мира, сознательно несущими любовь и мир, – в личной ли жизни, или делах международных.

Переписка (1966-1968 гг.)

Написать Томасу Мертону понудили Чакраварти его забота о студентах и стремление к миротворчеству. 28 сентября

1966 г. он сообщал монаху и писателю, что позволил себе вольность, послав тому два экземпляра книги «Порыв к неизреченному» (*Raids on the Unspeakable*), чтобы тот надписал их для студенток из Смит-колледжа, которых книга буквально захватила. Говорил Чакраварти и о том, что она, по его мнению, «навсегда войдёт в сокровищницу литературы и духовности». ⁵⁹

«Порыв к неизреченному» произвёл сильное впечатление на студентов Чакраварти. Они расслышали призыв автора строить более человеческий мир в эпоху войн, расизма, насилия. На семинарах Чакраварти они учились вслушиваться в слова созерцателя о любви и мире. Понять, почему студенты середины 1960-х так живо откликнулись на «Порыв к неизреченному», помогает Патрик О'Коннелл:

Мертон выделяет эту книгу из ряда её «благочестивых» предшественниц, хотя и считает её «в каком-то смысле переходной», более поэтичной и не такой «набожной». Не отрекаясь от других своих трудов, он пишет: «Думаю, «Порыв» я люблю больше всего мной написанного». Её главная идея – «оставаться человеком в самые бесчеловечные времена, чтобы сохранить человеческий облик, ибо он есть образ Божий». ⁶⁰

Многие студенты, разуверившись в организациях и властях, пытались переосмыслить своё место в мире и потому так живо отозвались на призыв Мертона к духовной. Студенты готовы были *слушать* его искреннее, выверенное личным опытом, слово.

Амия Чакраварти и сам хотел наладить общение с Мертоном, нащупывал общую с ним почву. «Я не католик, но вера мне глубоко близка», – начинал он своё первое письмо. В нём же он сообщал о паломничестве в Авиллу, Ассизи, другие свя-

⁵⁹ Письмо Чакраварти к Мертону от 28 сентября 1966 г. (ЦТМ).

⁶⁰ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 379.

ценные для Церкви места. Но более всего он хотел известить Мертона о том, каким ценным духовным руководством стали его книги для его студентов и друзей. «Ваши мысли поддерживали многих из нас в это мрачное время, когда людьми движет страх и жажда насилия», – благодарил он автора⁶¹.

Мертон быстро почувствовал в индийском философе и поэте родственную душу, ещё одного друга другой веры. Письмо Чакраварти так его тронуло, что он захотел с ним познакомиться. Мертон первым сделал шаг навстречу своему будущему другу и пригласил того в Гефсиманию. Но вскоре дело приняло неожиданный оборот. В письме от 30 ноября 1966 г. Чакраварти попросил у Мертона безотлагательной встречи. Ему нужен был духовный совет, как примирить членов семьи, которая «стечением обстоятельств» оказалась ему «внутренне очень близка».⁶²

Мертон вполне оправдал надежды Чакраварти, который после их встречи благодарил его за «светлые мысли». Позже Чакраварти писал ему, что его совет оказался «проникнутым любовью, строгим, освобождающим»⁶³, а сам он был счастлив, «приобщившись к молитве о правде и исцелении».⁶⁴ В семье, которая беспокоила Чакраварти, воцарился мир, но в заслугу себе он этого не вменил, проявив настоящее смирение. В подобных случаях, говорил он Мертону, «я стремлюсь доверять неизменной любви Бога ко всем нам».⁶⁵ Судьба несчастной семьи положила начало общению двух людей разных вер. Но оба они уже сознавали природу их духовной дружбы. Она выростала из любви и питалась молитвой.

⁶¹ Письмо Чакраварти к Мертону от 28 сентября 1966 г. (ЦТМ).

⁶² Письмо Чакраварти к Мертону от 30 ноября 1966 г. (ЦТМ).

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid.

Любовь эта, писал Чакраварти Мертону, покоится в глубине духовного опыта. «Её воплощением был Иисус... Но для меня она – и сострадательный дух Будды», – добавлял он⁶⁶. Любовь и сострадание, которые он видел в Христе и в Будде, зовёт людей к деятельному служению ближним. Чакраварти отвергал расхожее мнение, будто буддисты, отвергая жизнь, стремятся к какой-то отрицательной пустоте. Напротив, говорил он, нирвану надо понимать, как «преодоление мира», а не как «погружение во мрак, угасание».⁶⁷ Будда утверждал жизнь, а не отрицал её. Как Христа иногда понимают неверно, будто бы Он учил бегству из мира, так и Будду, отмечал Чакраварти, часто воображают безразличным к жизни.

В любви Христа и сострадании Будды Чакраварти слышал призыв к тому, чтобы служить вестником мира. Его глубокие размышления о буддизме и индуизме помогли и Мертону многое понять в этих традициях. Последний тоже был склонен видеть в Будде, нирване положительное, жизнеутверждающее начало. Чакраварти очень сильно повлиял на отношение Мертона к Азии. Не случайно именно ему Мертон посвятил свою книгу «Дзэн и голодные птицы» (*Zen and the Birds of Appetite*), вышедшую в 1966 г.

В одной из глав этой книги мы находим плоды общения Мертона и Чакраварти, людей разных вер. Ссылаясь на исследование одной из студенток Чакраварти, Сэлли Донели, Мертон пишет о «присутствии» как общем для буддизма и христианства опыте:

Буддистское представления о dharma (непереводимое слово, близкое по смыслу к logos) и tatatha («таковость», suchness) нельзя правильно понять, не зная, что ... Nirvana и есть чистое присутствие, а не отсутствие, отрицание. Смысл жиз-

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ibid.

ни можно найти только в открытости к бытию, в целиком осознанном присутствии.⁶⁸

Именно первые письма Чакраварти помогли Мертону лучше понять нирвану. Их общение было очень плодотворным. Каждый говорил об открытости бытию, ведущей к полной осознанности и деятельному служению людям.

Мертон и Чакраварти внимательно слушали друг друга. «Открытость к бытию» вела обоих навстречу жизни. В самой жизни, а не вне её, находили они любовь. Оба они были уверены в том, что настоящая духовность ведёт нас всё глубже в жизнь, а не уводит от неё в сторону.

Впрочем, ни Мертон, ни Чакраварти не любили подолгу обсуждать метафизические вопросы. Метафизика, на их взгляд, ценна только тогда, когда выливается в конкретные действия, когда она помогает жить в мудрости и сострадании. Должно быть, именно это имел в виду Чакраварти, когда 12 января 1967 г. снова писал Мертону о нирване, созная её с тем, что Будда называл «безграничный ум». Буддизм, считал он, учит об «опытно переживаемой реальности», близкой к христианской *agape* – бескорыстной любви, личной, настоящей, но превосходящей всякое человеческое понимание.⁶⁹

Что бы ни обсуждали эти два представителя разных вер, они неизменно возвращались к теме любви. Размышляя о мистическом пребывании во Христе, Чакраварти сближал Его безграничную любовь и сострадание Будды. Иметь ум Христов значило для него любить безусловно. Точно так же в учении Будды осознанность неотделима от правильного действия (бескорыстного сострадания) и, подобно христианской любви, требует выражения в делах.

⁶⁸ Thomas Merton, *Zen and the Birds of Appetite* (New York: New Directions, 1968), 81.

⁶⁹ Письмо Чакраварти к Мертону от 12 января 1967 г. (ЦТМ).

Мертон соглашался с Чакраварти в том, что настоящее духовное учение не может существовать в метафизической пустоте, быть оторванным от реальной жизни. В своей книге о Ганди, которую он послал Чакраварти, он уже об этом писал.⁷⁰ Ганди, на его взгляд, совместив этику любви Иисуса и индуистское понятие *ahimsa* («не навреди»), выработал свой творческий подход к жизни, основанный на ненасилии и полной самоотдаче. Для Ганди, – писал Мертон, – это был «символ веры, охватывающий всю жизнь согласованной и разумной сетью обязательств».⁷¹

Убедительность, с которой Ганди сочетал два духовных учения, служили для Мертона и Чакраварти свидетельством силы его духа. Последний очень положительно воспринял книгу о своём бывшем учителе, видимо вспомнив, как он участвовал в его маршах мира. Для Мертона подход Ганди был примером прикладной метафизики. Он писал:

Ганди глубоко уважал христианство, Христа, Евангелие. Он верил, что, следуя путём satyagraha (преданность истине), он следует и закону Христа (безграничная любовь).⁷²

Здесь Мертон касается лучшего, самого истинного в его собственной вере – Христовой вести о любви Бога к каждому человеку. Но слышит он и слова Чакраварти о мудрости Будды, о духовном свидетельстве Ганди. Общим для обоих случаев основанием была любовь, и, как и Чакраварти, Мертон принимал эту самую глубокую из духовных истин.

⁷⁰ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 112.

⁷¹ Thomas Merton, *Gandhi on Non-Violance* (New York: New Directions, 1965), 51.

⁷² Ibid.

Любовь, скрытая в основании всего сущего

Имея в виду полное любви понимание другого, мы и вернёмся к прошедшему в Смит-колледже «вечеру Мертона». 16 января 1967 г. Чакраварти сообщил своему другу монаху: «мы решили провести в Смит вечер, посвящённый о. Томасу Мертону». ⁷³ Студенты с его курса по философии религии «загорелись этой идеей... радостное нетерпение охватило весь студенческий городок». ⁷⁴ Вечер был задуман, как совместное обсуждение последних книг Мертона, его стихов и работ о Ганди. Конечно, добавлял Чакраварти, «мы поговорим и о Вашей автобиографии». ⁷⁵

В конце письма Чакраварти говорил, что поражён тем, как много сердец «в эти тяжёлые дни» откликается на книги монаха-писателя. В ответном письме 21 января Мертон благодарил своего иноверного друга за хорошую новость. Он был одновременно рад и насторожен:

Для меня это большая честь. Вместе с тем, я немного озадачен, поскольку я не могу – по нехватке смирения – принять всё это бесстрастно. Может быть, не стоит об этом говорить, но я надеюсь, что моя особа не станет предметом культа. Полагаю, девушки из Смит-колледжа достаточно разумны, чтобы этого избежать. К тому же, я всегда открыто говорю о своих немощах и недостатках, чтобы развеять у читателя все иллюзии на мой счёт. ⁷⁶

Открытость, как правило, служила Мертону добрую службу, но однажды всё-таки подвела: учителя одной из католических

⁷³ Письмо Чакраварти к Мертону от 16 января 1967 г. (ЦТМ). «Вечер Мертона» состоялся только в марте 1967 г.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 113.

школ, прочтя его автобиографию, превратили его в какого-то идола. Теперь Мертон делал всё, чтобы такое не повторилось. Хотя известие из Смит-колледжа его обрадовало. Чакраварти он сообщал: «Ваш замысел мне по душе. Для меня это возможность поговорить с теми, кто разделяет мои интересы и тревоги, кто ищет чего-то большего, чем вкусная еда, комфорт, развлечения, деньги».⁷⁷

Мертон хорошо знал, чем из «большого в этой жизни» он хотел поделиться с другими. Он хотел, чтобы его читатели поднялись над глубоко тревожившим его материализмом западного мира. Сюда можно отнести и его возмущение войной во Вьетнаме и американским расизмом. Но главное, он хотел убедить людей в том, что за всем происходящим вокруг них, за всей, казалось бы, отчаянной безнадежностью их положения, стоит любовь Божья. «Пусть эта любовь прорастает во всех нас. Она – всё, что нам нужно», – заключал Мертон свой ответ Чакраварти⁷⁸. Как евангельская Мария, он желал себе и другим только благой части, которая никогда у нас не отнимется (Лк.10:30-42).

Вечер в Смит-колледже получился. 29 марта Чакраварти писал Мертону:

*Встреча прошла замечательно. Мы начали днём, а разошлись поздно вечером. Мы все погрузились в тишину и ясность Ваших мыслей и слов... наши молодые учёные поняли, что глубокая укоренённость в вере даёт Вам свободу понимать другие традиции... Ваши книги наполнены внутренней силой, которую вы черпаете в Гефсимании и которая бросает вызов насилию и лжи, где бы и как они ни проявились.*⁷⁹

⁷⁷ Ibid., 113-114.

⁷⁸ Ibid., 114.

⁷⁹ Письмо Чакраварти к Мертону от 29 марта 1967 г. (ЦТМ).

Труды Мертона как нельзя лучше подходили для дискуссий, подобных той, что прошла в Смит-колледже. Будучи «глубоко укоренённым в своей вере», Мертон свободно рассуждал о других традициях. Неудивительно, что и его читатели общались к такой свободе. Иными словами, он задавал нужный тон искреннему общению; его понимание других вер пошло студентам Чакраварти во благо. Они «прониклись» присущей Мертону глубиной мысли, опыта, услышали его живой и свободный голос. (Одна из бывших на том вечере студенток, Диана Эк, – сейчас известный профессор религиоведения в Гарвардском университете.)

13 апреля 1967 г. Мертон послал Чакраварти и его студентам ответное письмо. Именно в нём он произнёс те ставшие знаменитыми слова («любовь, скрытая в основании всего сущего»), которые дали название вышедшему посмертно (в 1985 г.) сборнику писем.⁸⁰ Увидев, что его «действительно читают, понимают, ценят», Мертон вдохновенно делился своими мыслями и чувствами:

Нелегко говорить о том, что почти невыразимо в словах. Вы действительно хорошо поняли, о чём я пишу, разглядели самое для меня значимое и ценное: реальность, которая присутствует для нас и в нас. Как её ни назови: Бытие, Атан, Рнеита... Тишина. Будучи внимательным, стараясь слушать (или восстанавливая в себе эту природную способность, которой не учатся, как не учатся дышать), мы погружаемся в невыразимую радость, радость единства со всем сущим в необъяснимой скрытой в его основании Любви.⁸¹

Слушая друг друга, Мертон и его друзья из Смит-колледжа открыли для себя новый мир, разглядели Реальность, «при-

⁸⁰ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 115.

⁸¹ Ibid.

сутствующую для нас и в нас». Чакраварти и его студенты интуитивно схватили то, что пытался облечь в слова Мертон. Бытие, *Atman*, *Pneuma*, Тишина поистине всюду вокруг нас и глубоко внутри нас. Это и есть «необъяснимая сокрытая в основании всего сущего Любовь», или Сам Бог.

Профессор Чакраварти благодаря трудам Мертона смог ввести своих студентов в Божественное присутствие. Два ставших друзьями человека разных вер помогли молодым людям измениться. Чакраварти продолжал писать Мертону о вере и о положении дел в мире. Оба они говорили о том, что духовный свет, свет любви должен осветить тьму насилия, расизма, войн. Но никогда больше их духовное общение не поднималось до той высоты, которую оно достигло после вечера Мертона в Смит-колледже.

Путь в Азию

4 мая 1968 г. Чакраварти писал Мертону: «Я очень надеюсь, что Вы доберётесь до Азии».⁸² Чуть раньше последний извещал его, что думает о поездке в Юго-Восточную Азию. 4-го июня 1968 г. Мертон писал Чакраварти: «До сих пор не ясно, буду ли я на встречах в Бангкоке, но на беседы в цистерцианском монастыре в Индонезии, меня уже благословили».⁸³ Путь в Азию был открыт.

Мертон просил у Чакраварти адреса общих знакомых, у которых он мог бы остановиться, а тот радовался тому, что его друг скоро сам окажется на Востоке. В письме от 4 мая 1968 г. Чакраварти даже попросил его выступить за освобождение «святого буддиста» Тич Три Кванга, которого держали в тюрьме на юге Вьетнама за противоборство войне.⁸⁴ Но по-

⁸² Письмо Чакраварти к Мертону от 4 мая 1968 г. (ЦТМ).

⁸³ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 120.

⁸⁴ Письмо Чакраварти к Мертону от 4 мая 1968 г. (ЦТМ).

мочь в этом Мертон не мог. Орденское начальство просило его путешествовать, избегая огласки, как простого паломника, и не вмешиваться в политику.

Когда Мертон прибыл в Индию, Чакраварти был уже там. Они встретились в октябре 1968 г. в Калькутте. В своём азиатском дневнике Мертон записал: «Вчера ездил на машине вместе с Амией Чакраварти к художнику Джемини Рою... Амия купил изображение Христа, чтобы отвезти монахиням в Редвуд».⁸⁵ После этого Мертон выступил на межрелигиозной встрече в Храме взаимопонимания и вскоре отбыл в Шри-Ланку. 10 декабря того же года он погиб в Бангкоке – от удара током, который он получил, взявшись за неисправный вентилятор.

Но Чакраварти выдалась ещё одна возможность пообщаться со своим дорогим другом: он стал одним из редакторов вышедшего посмертно «Азиатского дневника». В предисловии к изданию он писал:

*Томас Мертон был потому так открыт духовным горизонтам человечества, что глубоко укоренился в своей вере. Все, кто читал его книги, хорошо это знают. Свет его веры помогал ему исследовать, опытно переживать сходства и различия между религиями. Христианство было его светом.*⁸⁶

Те же слова приложимы и к Чакраварти, к его укоренённости в индийской мудрости, даровавшей ему ту открытость, которая восхищала Мертона. Свет восточной духовности помогал изучать, впитывать и толковать разные религиозные традиции.

Чакраварти и Мертон часто заговаривали друг с другом о силе просвещённости. Именно свет истины открыл Чакра-

⁸⁵ Thomas Merton, *The Asian Journal of Thomas Merton* (New York: New Directions, 1973), 32.

⁸⁶ Amiya Chakravarty, "Preface", in Merton, *The Asian Journal of Thomas Merton*, vii.

варти в своём иноверном друге. Путешествуя по миру, он видел, как много людей находятся под влиянием трудов Мертона. В сентябре 1967 г. он писал ему об этом, о его вдохновляющем людей «сосредоточенном на Боге мировоззрении».⁸⁷

Духовным светом был просвещён и Чакраварти. Он сиял в его письмах к Мертону и освещал жизненный путь его студентов. Во свете сложилась духовная дружба Мертона и Чакраварти. Оба они служили проводниками Божественного света, какая бы тьма ни обступала их со всех сторон. «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин.1:5).

По словам Чакраварти, Мертон никогда не отвергал «ни достоверных религиозных текстов, ни искренне верующих людей».⁸⁸ Но таков был и он сам. Когда он говорил Мертону о «луче света», исходящем от индуизма, буддизма, христианства, тот соглашался. О. Уильям Шеннон писал: «[для Мертона] был важен не Христос как объект для изучения, а Христос как Тот, в Ком и через Кого мы наполняемся светом».⁸⁹ Мертон видел свет Христовой любви в нехристианских традициях, включая ту, которой принадлежал Амия Чакраварти.

Когда мы станем такими же зрячими, как Мертон и Чакраварти, свет любви польётся на нас отовсюду. Исходит ли он от студентов Смит-колледжа, вьетнамских крестьян, гефсиманских монахов, индийских мудрецов, прохожих на оживлённом перекрестке в деловом центре Луисвилля, нищих на улицах Калькутты – он сияет в людях, как солнце.⁹⁰ Свет любви Божьей таится в каждом из нас. Для духовных друзей Мертона и Чакраварти ничего не было важнее того света,

⁸⁷ Письмо Чакраварти к Мертону, сентябрь 1967 г. (ЦТМ).

⁸⁸ Chakravarty, "Preface", vii.

⁸⁹ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 51.

⁹⁰ Thomas Merton, *Conjectures of a Guilty Bystander* (Garden City, NY: Doubleday and Company, 1966), 157.

который сокрыт глубоко в сердце каждого человека и который все человечество объемлет Любовью, когда открываешь его в себе.

Письмо от 13 апреля 1967 г.

Дорогой Амия,

Я не хотел отвечать Вам в спешке и ждал тишины, которая пришла сегодня днём вместе с почти летней жарой. Вы пишете о том, как Вы и Ваши студентки читали и обсуждали отрывки из моих книг. Двое из них прислали мне очень благожелательные письма. Так что я отвечаю как бы всем сразу, но, конечно, прежде всего Вам.

Определённо, лучшая награда писателю – это когда его читают, понимают, ценят. В конце концов, едва ли не самое главное в жизни – делиться лучшим, что у тебя есть, хотя бы это была сущая малость. Чем делишься, то и ценно. Нередко мои же книги кажутся мне такими негодными, что я негодую сам на себя: к чему вся эта писанина? Но если книга значит что-нибудь для другого, она вбирает в себя что-то от него самого. Коль скоро прочитанное на встрече всем так понравилось, то и я буду к этому благосклонней. Благодаря вам я люблю свои книги – просто потому, что они теперь больше ваши, чем мои.

Нелегко говорить о том, что почти невыразимо в словах. Вы действительно хорошо поняли, о чём я пишу, разглядели самое для меня значимое и ценное: реальность, которая присутствует для нас и в нас. Как её ни назови: Бытие, Atman, Pneuma... Тишина. Будучи внимательным, стараясь слушать (или восстанавливая в себе эту природную способность, которой не учатся, как не учатся дышать), мы погружаемся в невыразимую радость, радость единства со всем сущим в необъяснимой сокрытой в его основании Любви.

Больше всего меня радует то, что мы узнаём друг друга в метафизическом пространстве тишины и счастья, ощущаем себя полными рая, хотя и не знаем, как это возможно. Читаете ли Вы Томаса Траэрна? Надеюсь, он Вам понравится.

Посылаю Вам один из своих стихов. Он созвучен тому, о чем мы говорим, хотя написан не по нашему случаю, до того, как мы стали переписываться, и адресован людям молодым и растерянным.

Дженис Уилсон пишет о книге Экклезиаста. Это одна из моих самых любимых книг Ветхого завета. Местами она близка к даосизму. Когда-то давно я проводил по ней беседу для наших монахов. Жаль, что не могу прислать Вам свои записи, – они где-то затерялись.

Что ж, я попытался ответить всем вам, сообщить вам, как рад тому, что вам понравились мои тексты. Давайте же возрастать в благодати и мире, не пренебрегая тишиной, вписанной в сердцевину нашей души. Она нас никогда не подведёт. Она – больше, чем просто тишина. Помните, Иисус говорил об источнике воды живой?

Во вторник, 18-го, я совершу Евхаристию за всех вас.

С тёплыми и благими пожеланиями и любовью в Господе.

4. Мудрость. Переписка с Джоном Ву

Меня долго убеждали в том, как важно кому-то на Западе добросовестно освоить восточную философию в том же смысле, в каком ранние отцы Церкви освоили Платона, а позже св. Фома – Аристотеля.

Из письма Мертона к Ву от 14 марта 1961 г.

Введение

Весной 1961 г. Томас Мертон искал кого-то, кто хорошо знал бы Восток, будучи на нём и воспитан. По его убеждению, восточная философия могла бы так же повлиять на христианство, как Платон повлиял на раннюю Церковь, позволив ей создать своё богословие, а Аристотель – на св. Фому, помогшему сложиться средневековой христианской мысли.

14 марта 1961 г. Мертон отправил своё первое письмо Джону Ву – в надежде на то, что этот современный китайский мудрец и учёный поможет ему написать книгу о древнем даосском философе Чжуан-цзы. Это была одна из первых его попыток связать между собой духовные традиции Востока и Запада.

Джон Ву оказался именно тем человеком, который и нужен был Мертону. Уже 20 марта он живо откликнулся, заверив Мертона, что «горит желанием сотрудничать с ним» в работе над Чжуан-цзы. Ву счёл затею Мертона промыслительной,⁹¹ потому что он тоже надеялся преодолеть пропасть, разделяющую Запад и Восток. Они тянули руку навстречу друг другу.

Ву родился и вырос в Китае. Будучи уже взрослым, он обратился ко Христу, но не отрёкся от великих истин конфуцианства, даосизма, буддизма. Он равно хорошо разбирался в китайской классической философии и в католической созерцательной традиции. «Доктор Ву, один из самых выдающихся людей современности, впитавший всю мудрость Запада и азиатского Востока», – писал один из его почитателей.⁹²

⁹¹ Письмо Джона Ву к Мертону от 20 марта 1961 г. (ЦТМ).

⁹² John C.H.Wu, *Beyond East and West* (New York: Sheed and Ward; Taipei: Mei Ya Publications, 1995 [1969]), 317.

Китайский мудрец Джон Ву

Джон Ву (1899–1986) был настоящим мудрецом, одним из евангельских магов. Он так и пишет в автобиографии «По ту сторону Запада и Востока» (*Beyond East and West*):

*Я часто кажусь себе волхвом, который приносит лежащему на руках Пречистой Девы Божественному Младенцу золото конфуцианства, смирену даосизма, ладан буддизма.*⁹³

Китайские религиозные традиции Ву считал «неотъемлемой ступенью своего духовного развития». Он искренне верил, что все они – «природные таланты, которыми Бог наделил его, готовя к браку со Христом».⁹⁴

Мертон вряд ли смог бы найти лучшего помощника, чем Ву – человека, открытого мудрости Востока и Запада, но не замкнувшегося ни в одной из них. Задолго до знакомства с Мертоном Ву так писал в автобиографии: : «Мы должны двигаться не на Запад и не на Восток, а внутрь себя. Это я и считаю путём за пределы того и другого».⁹⁵

В Джоне Ву Мертон обрёл родственную душу. Они подружились сразу же после первого его письма весной 1961 г. и продолжали дружить до самой его смерти в 1968 г. в Азии. За семь лет они обменялись примерно тридцатью письмами и несколько раз встречались в Гефсимании.⁹⁶

До знакомства с Мертоном Ву, называвший себя «волхвом, поклонившимся Христу», уже обладал богатым опытом и эрудицией. Он не был так знаменит, как Мертон, но его книги по праву, литературе, философии читали во всем мире. До

⁹³ Ibid., 149.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Ibid., 350.

⁹⁶ Джон Ву посетил Гефсиманию в конце июня 1962 г.

1949 г., когда его любимый Китай захватили коммунисты, он служил судьей, юристом, представителем Китая в Ватикане, советником китайской делегации на первых встречах в ООН. Он дружил с такими политиками, как Чан Кай-Ши и его жена. В США он сблизился со знаменитым членом Верховного суда Оливером Холмсом. Позднее Ву преподавал китайскую философию в университете на Гавайях. В начале 1960-х гг. он работал в Сэтон Холле в Нью-Джерси.

Родился Ву в *Ningpo*, месте отсталом и грубом. «Жители *Ningpo* необузданы и дики», – писал он в автобиографии.⁹⁷ К счастью, в семье Ву всё было иначе. Отец его был банкиром, которого уважали за честность. Ву унаследовал его добрую репутацию, но сильнее всего на него повлияли две женщины.

Как говорил Ву, Бог дал ему не одну, а две замечательных матери, «малую» и «большую». Первая, настоящая, умерла, когда Ву был ребёнком, вторая его с любовью воспитала. «Спросите меня, кто из людей мне всего дороже, и я без малейших колебаний отвечу: моя большая мама», – писал Ву.⁹⁸ Она хоть и не умела писать, но многое сама передала Ву, поощряла его учёбу.

Редкая мудрость

Джон Ву никогда не забывал, сколь многим он обязан обеим женщинам: той, что дала ему жизнь, и той, что помогла ему обрести мудрость. Благодарная память о них питала его родившуюся позже любовь к Деве Марии. Их жертвенность передалась и ему, поэтому он особенно чтит Маленький Цветок, святую Терезу из Лизье.⁹⁹

⁹⁷ Wu, *Beyond East and West*, 14.

⁹⁸ *Ibid.*, 37.

⁹⁹ *Ibid.*, 243.

Позднее доставшиеся Ву от его малой и большой матерей жизнь и мудрость повлияли на его богословское развитие. Его мысль была согрета любовью, которую вложили в него эти замечательные женщины. Он мог, например, говорить о женском лике Божества, чего не делал никто из его западных коллег. Ву видел в Боге и Отца, и Мать. К этому его подводила любовь двух его матерей и учение даосизма о примирении противоположностей. Ву писал:

*Бог – не только наш Отец, вселяющий страх, как летнее солнце, но и нежная, добрая мать – как зимнее светило, осенняя луна или лёгкий весенний ветер.*¹⁰⁰

За несколько десятилетий до того, как западное богословие вновь обратилось к женским образам Бога, Ву уже включил их в свои взгляды и духовность.

Ву, как и Мертон, знал, что внутренний путь души так же важен для богословской мысли, как и изучение официальной церковной доктрины. Человек не должен, да и не может, отрицать ценность тех уроков, которые ему преподаёт жизнь. Эти уроки позволяют ему познавать себя и вести диалог даже с теми, кто принадлежит иной культуре. В биографии Ву писал:

*Всю свою жизнь я искал Мать, и наконец нашёл её в католической Церкви, причём в трёх смыслах сразу. Бог – моя мать, Церковь – моя мать, Дева Мария – моя мать. Три матери слились в одно Материнство, в котором я живу, двигаюсь и существую.*¹⁰¹

Тройкое материнство вошло в личный опыт Ву и повлияло на его взгляды. Ву видел, как преувеличивают мужской об-

¹⁰⁰ Ibid., 207-208.

¹⁰¹ Ibid., 244.

раз Бога западные богословы, и сумел восполнить в себе эту односторонность.

Взгляды Ву были необычны со многих точек зрения. Обычно обратившиеся в христианство китайцы – католики и протестанты – отходили от своей традиционной религии и философии, причём западные миссионеры такой отход всячески поощряли. Ву поступил иначе. Он остался благодарен великой китайской мудрости, питался ею всю жизнь. Это роднит его с Мертоном, который, будучи зрелым монахом, принимал всё истинное, что находил вокруг. Оглядываясь назад, Ву говорил, что новая жизнь во Христе не отсекала его от древней мудрости, а только углубила её:

Конечно, любое обращение совершается по благодати Божьей. Но нельзя отрицать, что в моём случае Бог открыл мои глаза к Свету мира, взяв что-то от учения Конфуция, Лао-цзы, Будды.¹⁰²

Ву вспоминает, как сильно повлияла на него школа буддийской мысли, именуемая дзэн (*Dhyana*). «Изучение мастеров дзэн чрезвычайно укрепило... мистические наклонности», которые он обнаружил в себе, познакомившись с даосизмом.¹⁰³ Ву прекрасно понимал, как связаны – интеллектуально и духовно – поздние мастера дзэн и такие даосисты, как Чжуан-цзы. В своё время это его понимание очень помогло Мертону, который с большой благодарностью Ву написал предисловие к его книге «Золотой век дзэн» (*The Golden Age of Zen*).

Ву был очень многим обязан и китайской мудрости, представленной Конфуцием. Как и все школьники его поколения, он был воспитан на конфуцианской классике. Когда ему было уже за пятьдесят, он, вполне в духе той традиции, смиренно

¹⁰² Ibid., 150.

¹⁰³ Ibid., 178.

замечал: «я не учёный, а ученик. Надеюсь только, что буду учиться до последнего вдоха... У меня большая библиотека и много друзей, которых я зову ходячей энциклопедией».¹⁰⁴

Ву был пропитан китайской мудростью и мог размышлять о том, как пересекаются разные китайские традиции, их представления и восприятие мира. Он писал:

*Даосизм тоньше, возвышенней конфуцианства, но в сравнении с буддизмом он ещё земной. Конфуцианство – явление этическое, даосизм – философское, буддизм – духовное. Даосизм... влияет на то, как мы принимаем конфуцианство; буддизм – это атмосфера, в которой растворено и то и другое.*¹⁰⁵

«Такой была китайская душа до того, как она испытала западное влияние», – продолжал Ву. Он видел в ней богатое и плодотворное наследие.¹⁰⁶

Мертону, должно быть, поражало то, как Ву совмещал в себе разные интеллектуальные и духовные традиции Китая. Ву был уверен, что к свету Христа его привёл Будда. Он ценил духовную глубину и целостность и восхищался тем, как настойчиво Будда искал истину. Вот как Ву пишет о своём пути:

*Именно эти устремления [поиск истины, который вёл Будда] вырвали меня из обыденности, духовно пробудили меня, помогли мне, как блудному сыну, вернуться Богу. Будда был одним из моих детоводителей ко Христу.*¹⁰⁷

Похожими словами Мертон описывал в дневнике свои переживания на Цейлоне, в Полоннаруве, куда он ездил, что-

¹⁰⁴ Ibid., 202-203.

¹⁰⁵ Ibid., 192.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Ibid., 198.

бы посмотреть на огромные высеченные из камня статуи Будды:

*Глядя на эти статуи я был внезапно, чуть ли не силой, вырван из привычного, предвзятого восприятия мира; отчётливо и явно ощутил в себе необычайную внутреннюю ясность, словно рвущуюся ко мне из камня.*¹⁰⁸

Трудно сказать, действительно ли Мертон вспоминал в тот момент отрывки из биографии Ву. Одно ясно: эти два великих человека очень сильно повлияли друг на друга.

Переписка (1961–1968)

К тому времени как Ву начал переписываться с Мертоном, он уже был достаточно глубоко погружён в то, во что тот только начал всерьёз вникать. Мы уже отмечали, что Ву по-своему соединил Восток и Запад в своём католическом (вселенском) христианстве. Уже в 1950-х гг. он писал:

*Несправедливо именовать христианство «западным». Оно все-ленское. Западу же есть чему поучиться у Востока, который продвинулся дальше в естественном созерцании, чем Запад – в сверхъестественном.*¹⁰⁹

Мертон был согласен с Ву. Вот как пишет о его подходе к свободному и мирному диалогу его биограф о. Уильям Шеннон:

[Мертон] уважал человечность и достоинство другого. Он считал, что ни одна частная точка зрения не может быть до конца истинной, что нужно учиться друг у друга, быть преданным истине, и не держаться за своё до последнего. Он был обращён к другому и не искал над ним власти – он откликнулся

¹⁰⁸ Thomas Merton, *The Asian Journal of Thomas Merton* (New York: New Directions, 1973), 233.

¹⁰⁹ Wu, *Beyond East and West*, 350.

*на вопрошания другого и порождал в нём встречный отклик. Он стремился к открытому общению, в котором могут свободно действовать разум и любовь.*¹¹⁰

Уважением к собеседнику проникнуто и первое письмо Мертона к Ву, датированное 14 марта 1961 г. Ища общего основания, он писал о своём интересе к Чжуан-цзы, зная, что его ценит и далёкий собеседник. Мертон смиренно обращался к Ву как к учёному, сетуя на то, как поверхностно западные люди изучают Восток, а некоторые даже смотрят на него свысока. Быть одним из них у него не было ни малейшего желания. «Я стал бы ещё глупее», – писал он.¹¹¹

Мертон сразу же отказался от притязаний Запада на культурное и интеллектуальное превосходство и сознательно ставил себя по отношению к Востоку в положение восприимчивого ученика. Он изо всех сил старался выразить своё восхищение Ву. «Я знаком с Вашими книгами и уверен, что именно Вы в состоянии помочь мне в моём деле»,¹¹² – писал он в первом письме. Он был готов брать уроки у китайского мудреца.

20 марта Ву ответил Мертону, выказав ему уважение и симпатию, горячо поддержав его стремление понять мудрость Востока, особенно – путь Чжуан-цзы. Ву прочёл статью Мертона о китайской философии и твёрдо заверил его, что он отнюдь не поверхностно понимает конфуцианскую классику. «Ваш дар от Бога – схватывать самую суть предмета», – писал Ву¹¹³.

Мертон и Ву ценили друг в друге искренность, прямоту, знания. В их письмах нет и намёка на высокомерие. Один

¹¹⁰ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 220.

¹¹¹ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 612.

¹¹² Ibid.

¹¹³ Письмо Джону Ву к Мертону от 20 марта 1961 г. (ЦТМ).

уважал другого и старался *не подчинить* его себе, а *пробудить в нём отклик* на свои слова.

С самого начала их переписки каждый из них понимал, что нашёл родственную душу. Ву воспринял письмо от Мертона как благодатный дар. Вынув конверт из почтового ящика в Сетонхолле, он не вскрыл его, а понёс в храм. Письмо он прочёл, только отслужив мессу, стоя на коленях. Почтительность была свойственна Ву. Видимо, о. Пол Чен предупредил его, что Мертон ему напишет, и он с нетерпением этого ждал. Он знал Мертона по его книгам и общение с ним почёл за большую честь.

Так завязалась дружба Ву и Мертона. В письмах они обсуждали восточную и западную мысль, положение в мире. Одно из них, датированное 7 июня 1962 г., вошло в сборник «Письма о холодной войне» (*Cold War Letters*) за номером 83. В нём Мертон говорил о том, как сильно его волнует судьба всеми забытых китайских беженцев. Несомненно, и изгнанный из родины Ву с болью и тревогой следил за происходившим с ними.

Но не только дела общественные занимали Мертона и Ву. Когда сын Ву Пётр стал священником, Мертон тепло поздравлял обоих. Если один из них болел, другой ему сопереживал. Наконец, они всё время молились друг за друга, как настоящие духовные братья.

И всё-таки их совместная работа над Чжуан-цзы оставалась главной темой их переписки. Мертон и Ву хотели, чтобы Запад оценил великого восточного мудреца. Ву переслал в Гефсиманию четыре переведённых на английский труда Чжуан-цзы. Отдельные отрывки Мертон просил перевести самого Ву, и тот это сделал. В письмах они часто касались даосизма, особенно в подаче Чжуан-цзы.

Ву сразу понял, что только Мертон сможет достойно представить Западу восточную мудрость. Он писал ему: «только такой человек, как вы, хорошо знающий великих христианских

мистиков, по-настоящему поймёт, о чём говорили Лао-цзы и Чжуан-цзы, насколько они были честны и точны». ¹¹⁴ Ву верил, что Мертон, западный созерцатель, человек блестящего ума и глубокого духа, лучше кого бы то ни было донесёт до западных людей тонкую символическую мудрость Чжуан-Цзы. Ожидания Ву полностью оправдались.

Чжуан-цзы и Дао

Вышедший в 1965 г. «Путь Чжуан-цзы» (*The Way of Chuang Tzu*) стал великим плодом дружбы Мертона и Ву. Мертон считал её одной из своих лучших книг, говорил, что работа над ней принесла ему много радости, но по-настоящему оценить и понять её можно, только помня о вкладе Ву. Она бы и в свет никогда не вышла, если бы Мертон и Ву не стали духовными друзьями и не делились друг с другом в письмах своими прозрениями. Неудивительно, что Мертон посвятил книгу своему китайскому другу. «Без поддержки Ву я никогда не дерзнул бы на такое», – писал он.

В предисловии к «Пути Чжуан-цзы» Мертон называет Ву вдохновителем всего начинания и соратником. «Это наше общее дело», ¹¹⁵ – заверяет он читателя. Мертон восторгался помощью и советами Ву. И тот и другой глубоко читали Чжуан-цзы. Неважно, что его текстам уже более двух тысяч лет. И тот и другой верили, что мудрость вечна – особенно та, что ведёт к пониманию Дао. Эту духовную истину они и хотели открыть прагматичному Западу.

Мертон хорошо усвоил уроки, которые преподавал ему Восток. В «Пути Чжуан-цзы» он утверждал, что религиозная философия древних мудрецов превзошла всё внешнее: человеческие условности, историю, культуру. Как и западные созерцатели,

¹¹⁴ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 612.

¹¹⁵ Thomas Merton, *The Way of Chuang Tzu* (New York: New Directions, 1965), 9.

Чжуан-цзы был сосредоточен не на эго – индивидуальном или коллективном, а на Дао, таинственном пути Вселенной.

Дао как космическая сила бытия и небытия есть нечто тонкое и прямо не познаваемое. Оно сокрыто и явлено. Оно то похоже на ласковый тихий дождь, то на мощный водопад. Но в конечном счёте, оно – ни то, ни другое. Дао безымянно, как Бог в западной мистике. Оно – Пустота, но пустота, наполненная смыслом.

Дао в писаниях Чжуан-цзы Мертон называл «вечным» и потому не ограниченной философией даосизма. Весь древний Китай питался его истиной. Что ни выбери – даосизм, буддизм или конфуцианство, придёшь к тому же Дао. Сегодня, как и в древности, настоящее вечное Дао начинается и завершает всякую философию.

Для Мертона вечное Дао подобно Богу позади Бога, о котором говорил западный мистик Мейстер Экхарт. Говорить о нём значило пытаться выразить невыразимое – реальность, в которой мы живём, движемся и существуем, которая ближе к нам, чем мы сами к себе. Но в отличие от западного богословия Китай учит о нём, как о чём-то естественном, а не сверхъестественном.

Мертон пытался понять, в чём суть вечного Дао Чжуан-цзы, опираясь на важнейший для даосизма текст «Дао де цзин» (*Tao Te Ching*). Он писал:

В первой главе Лао-цзы различает вечное Дао, «которому нельзя дать имени», безымянный и непознаваемый источник бытия, и то Дао, «которому можно дать имя», «Мать всего сущего». Конфуцианцы могли познавать явную, именуемую сторону Дао, но за то и критиковал Чжуан-цзы философию Джу (Ju), что она никогда не доходит до Дао безымянного, необъяснимого.¹¹⁶

¹¹⁶ Ibid., 20.

Мертон сильно сокрушался по поводу того, что западные люди подобны большинству конфуцианцев, «никогда не доходящих» до безымянного Дао. Он надеялся, что свидетельство Чжуан-цзы о вечном Дао понудит Запад искать утolenия его собственной духовной жажды, углубит его восприятие истинной реальности.

Получив от Томаса Мертона законченную рукопись «Пути Чжуан-цзы», Джон Ву тут же прочёл её и изумился прочитанному. 19 ноября 1965 г. он писал своему другу: «Я понял, что Вы и Чжуан-цзы – одно целое. Выглядит всё так, будто он сам записал свои мысли, только на родном языке Томаса Мертона».¹¹⁷

Ву восхищался тем, как Мертон смог, «вдумчиво прочтя выдержки из трудов Чжуан-цзы», проникнуть в суть опыта и учения древнего мудреца.¹¹⁸ В одном из более ранних писем он недоумевал, почему Мертон называет свою работу «толкованием Чжуан-цзы»? «Вы смотрите ему [Чжуан-цзы] прямо в лицо, а отнюдь не в спину»,¹¹⁹ – протестовал он.

Написав с помощью Ву «Путь Чжуан-цзы», Мертон действительно перекинул духовный мост от Запада к Востоку. 24 ноября 1965 г. Ву писал ему:

*Как и он [Чжуан-цзы], Вы – настоящий человек Дао. Вы встретились в вечности, которая вне пространства, глядите друг на друга и вместе смеётесь... Каждая страница книги дышит радостью.*¹²⁰

¹¹⁷ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 631.

¹¹⁸ Письмо Джона Ву к Мертону от 17 июля 1962 г. (ЦТМ).

¹¹⁹ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 263.

¹²⁰ *Ibid.*, 631.

Но и сам Ву встретился с Мертоном «в вечности, которая вне пространства». Не это ли главный плод «Пути Чжуан-цзы»? Каждый из них, вестников мира, примирил в себе мудрость Востока и Запада, открыв путь всем тем, кто захочет последовать их примеру.

Безмолвный светильник

В Мертоне Ву восхищала его удивительная свобода, с которой он пересекал устоявшиеся границы и ступал на землю, вечную, лежащую вне пространства. Именно это «место» Джеймс Финли в своём классическом труде о Мертоне назвал «дворец, который нигде». Мертон, западный созерцатель, обрёл во Христе свободу, позволившую ему выйти за пределы Запада и Востока. Той же духовной свободой обладал и Ву, плавно перешедший от восточной мудрости предков к вселенской истине христианской веры.

Радость, которую Ву и Мертон испытывали, завершив работу над «Путём Чжуан-цзы», шла из глубины их душ, где обитают истинная мудрость и вера, из «места, которое действительно не есть место». На этой глубине вечная истина открыта каждому из нас. Чжуан-цзы знал это, равно как и Ву и Мертон. Древний мудрец напомнил им об общем для всех людей духовном основании.

Ву в шутку говорил, что Томас Мертон был «китайским монахом ... в одной из его прошлых жизней» и даже дал ему китайское имя *Mei Teng*, что дословно значит «безмолвный светильник».¹²¹ Лампа даёт свет, освещает место вокруг себя. Сам же свет безмолвен.

В одном из писем Ву подводит в стиле хокку итог поиску, который вёл его друг:

¹²¹ Ibid., 632.

*Безмолвный светильник! Я вижу твой свет, но не слышу голоса! Свети за пределы мира.*¹²²

Бывает, в молчании можешь только одно: воспринимать свет и впитывать его мудрость. Тогда говорящий делает слишком много, а поднимающийся над миром – слишком мало. Мертон и Ву улыбнулись бы, глядя на обоих. Они знали, что истину можно найти только в том в месте, которого нет нигде, в вечности.

Письмо от 14 марта 1961 г.

Дорогой доктор Ву,

Отец Пол Чен говорил мне, что, узнав о моих планах из моего письма к архиепископу Ю Пину, поделился ими с Вами. Меня действительно долго убеждали в том, как важно кому-то на Западе добросовестно освоить восточную философию в том же смысле, в какой ранние отцы Церкви освоили Платона, а св. Фома – Аристотеля.

Разумеется, многие на Западе относятся к Восточной традиции поверхностно и даже пишут о ней вещи несуразные. Я бы не хотел, уподобившись им, стать глупее, чем я есть. С другой стороны, я очень плохо подкован в этой области и не знаю нужных языков.

В моём положении очень важно иметь знающего наставника, советчика, поэтому я очень благодарен о. Чену за то, что он напомнил мне о Вас. Я читал Ваши книги и понимаю, что именно Вы и сможете мне помочь. Поскольку же, со слов отца Чена, Вы согласны это сделать, я сердечно благодарю Вас за доброту и перехожу прямо к делу.

С чего начать? Архиепископу Ю Пину я писал о подборке текстов Чжуан-цзы, которую хочет издать Нью Дирекшенз.

¹²² Ibid., 633.

Но не рано ли об этом говорить? Не знаю, известно ли Вам о моей неуклюжей попытке рассказать о китайской мысли (статья напечатана в *Jubilee*)? Казалось бы, статья получилась складной, но Вы, я уверен, сразу увидите, как поверхностно я понимаю конфуцианскую классику. Я бы хотел побольше прочесть о ней и, если возможно, обсудить с Вами хотя бы самые начала «Четырёх великих творений» – как китайский школьник в старые добрые времена. Я хочу проникнуться духом этих творений, который, на мой взгляд, вполне согласен с христианской этикой, а потом перейти к тому, что меня привлекает ещё больше, к мистике раннего даосизма. Только тогда я смогу что-то путное сказать о Чжуан-цзы и, если Вам это интересно, мы бы вместе поработали над подборкой его текстов. Я бы даже попросил Вас заново перевести эти отрывки с оригинала. У меня есть только подозрительно вольный перевод Легге.

С нетерпением жду Вашего ответа и советов относительно того, как мне двигаться дальше, что читать. И конечно же, зову Вас в Гефсиманию на несколько дней или неделю. Приезжайте, когда сможете. Материальную сторону поездки можно было бы облегчить, если бы Вы согласились прочесть несколько лекций в ближайших колледжах. Наш аббат наверняка попросит Вас провести несколько бесед о китайской духовности для всей братии и для моего курса по мистическому богословию. Словом, Ваши расходы мы как-нибудь покроем, а Вы, несомненно, будете рады побывать там, где ещё не были. Для нас Вы – всегда желанный гость. Давайте вместе подумаем обо всём этом.

Пока же высылаю Вам, в знак уважения, свою заметку о Мэн-цзы. Молюсь о Вас и о том, чтобы замысел мой удался. Мне кажется, он угоден Богу.

Сердечно ваш, во Христе.

5. Святость. Переписка с Авраамом Гешелем

Я счастлив, что есть такие люди, как Вы, настаивающие на тайне и святости Бога.

Из письма Мертона к Гешелю от 17 декабря 1960 г.

Введение

Большое утешение – сознавать, что ты не одинок. Авраам Джошуа Гешель (1907–1972), как и Томас Мертон, с горечью наблюдал за тем, как из жизни современных ему людей уходит трепет перед священным. Осенью 1960 г. в первом письме Гешелю Мертон с нескрываемой радостью говорил, что встретил в том родственную душу, человека, решительно отвергавшего мир бесплодно одномерный, утративший всякое благоговение перед божественной реальностью. Мертон считал, что поверхностный, часто разрушительный, секуляризм обесценил святость Бога и Его творения (особенно человека). Эту святость возвещает Библия, и её весть нужно снова нести в мир, – полагал Мертон.

Гешель искренне соглашался с Мертоном. 23 октября 1960 г. еврейский философ и праведник с внутренним подъёмом писал:

Ваше письмо – драгоценное подтверждение тому, что я давно знаю: как много у нас общего там, где мы пытаемся осмыслить Слово, в сотворённых вещах, в возможностях, которые даёт Бог, в усилиях отстоять святость тишины. Я очень признателен Вам за те счастливые часы, что я провёл за чтением Ваших книг.¹²³

¹²³ Beatrice Bruteau, ed., *Merton and Judaism: Holiness in Words* (Louisville, KY: Fons Vitae, 2003), 217-218.

Гешель и Мертон знали друг о друге по текстам. Начав же переписку, они очень скоро по-дружески сблизились, поскольку, несмотря на разницу традиций, оба они были людьми Книги, чтущими Библию, как обращённое к человечеству слово Божье.

В январе 1963 г. в коротком письме Гешелю Мертон писал о том, как он ценит его служение. Он отмечал равно и его блестящую учёность, и глубокое понимание библейского откровения:

*Ваш вдумчивый подход представляется мне самым духовно плодотворным, ведь в конце концов мы изучаем не пророков, а слово Божье, открытое нам в них и через них.*¹²⁴

Гешель был близок Мертону тем, что, в отличие от многих учёных, он был весь сосредоточен на главном предмете Библии – Боге.

Благодаря Гешелю Мертон смог глубже осмыслить библейскую святость. Бог Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, пророков оживал для него, когда он читал труды своего друга, который, как и он сам, хотел соединить в себе библейскую верность Богу и пророческое внимание к общественной справедливости и миру. По убеждению их обоих, настоящая библейская святость включает и то, и другое. Но кем же был Авраам Гешель, еврейский мудрец и пророк наших дней?

Авраам Гешель и святость

К началу переписки с Мертоном Гешель преподавал иудейскую этику и мистику в Еврейской богословской семинарии в Нью-Йорке. Но его блестящей карьере в этом престижном учебном заведении, которая началась в 1945 г. и оборвалась

¹²⁴ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 431.

с его смертью в году 1972, предшествовала жизнь, полная драматизма, опасностей, успеха.

Пожалуй, лучше всех об этой жизни сказал сам Гешель в 1965 г. на лекции по случаю избрания его на должность почётного профессора одной из богословских семинарий. Спустя 25 лет после переезда в США он всё ещё считал себя беженцем, евреем в рассеянии, стремящимся жить с Богом и в эти трудные времена:

Я говорю как член общины, которую основал Авраам, как ученик раввина по имени Моисей.

Я говорю как человек, который сумел покинуть свой родной город Варшаву за шесть недель до начала катастрофы. Меня ждали Аушвиц или Трешлинка, а я очутился в Нью-Йорке. Я спасся из огня, уничтожавшего мой народ. Я спасся из огня, пылавшего на престоле сатаны и пожравшего миллионы человеческих жизней, самый образ Божий в человеке, веру в справедливого и сострадательного Бога, тайну и силу Библии – всё, что многие столетия бережно вынашивали человеческие сердца.¹²⁵

Со слов одного из близких друзей Гешеля, тот был человеком «глубокой веры, укоренённый в еврейской традиции, искренний пацифист, поэт-лирик... Часто, гуляя по Ривер-сайд Драйв, мы говорили о Боге, молитве, польском и венгерском хасидизме, литовском фольклоре и польской литературе на идише... Гешель был вместе и ревностный хасид, и гуманист, которого волновало всё, происходившее в обществе».¹²⁶

¹²⁵ Edward K. Kaplan, *Holiness in Words: Abraham Joshua Heschel's Poetics of Piety* (Albany, NY: State University of New York Press, 1966, 116), cited from "No Man Is an Island", in *Union Seminary Quarterly Review* 21, no. 2 (January 1967): 117-134.

¹²⁶ Elie Wiesel, *All Rivers Run to the Sea: Memoirs* (New Yprk: Alfred A. Knopf, 1995), 353.

Гешель не был учёным, живущим в своём придуманном мире. Подтверждением тому служат его гневные протесты против войны во Вьетнаме. Многих удивляло и вдохновляло то, как он совмещал личную праведность с пророческим свидетельством о правде. Этот по-настоящему благочестивый раввин стал, в определённом смысле, совестью Америки. Вот что писал о нём его друг Эли Визель:

Гешель был одним из самых значительных евреев-экуменистов, другом всех притесняемых. Одним из первых он выступил за права русских евреев и, что примечательно, – американских негров. Именно он познакомил меня с Мартином Лютером Кингом-младшим, которого он очень уважал.¹²⁷

Гешель удивительным образом «сочетал пророческую этику с мистическим богословием».¹²⁸ Этим он духовно и нравственно притягивал к себе многих, в том числе и Томаса Мертон. Он воплотил в себе настоящую библейскую святость.

Бог ищет человека

Гешель и внешне походил на мудреца, пророка, посланника Божьего, словно сошедшего со страниц Библии. Таким его воспринял Мертон в июле 1964 г., в первый его приезд в Гефсиманию. Вот как описывал зрелого Гешеля Эдвард Каплан в своей прекрасной книге о нём «Святость в словах»:

С бородой и в ермолке, он выглядел как безупречно благочестивый еврей. В морали, политике, межрелигиозных спорах он всегда держался крайних позиций. Христиане в его колоритном облике, шевелюре седых волос, страстности, библейском красноречии видели пророка... Внешность не обма-

¹²⁷ Ibid., 354.

¹²⁸ Kaplan, *Holiness in Words*, 166.

ывала. Он всегда говорил по существу и был таким, каким казался.¹²⁹

Всё это Мертон и сам разглядел в Гешеле. Между ними почти сразу установилось взаимное доверие.

В письмах к Гешелю Мертон касался самой сути его учения, которую вычитал в его книге «Бог ищет человека». Её Мертон ценил больше всех прочих трудов своего друга. Эвард Каплан называл книгу «суммой теологии» от Гешеля.¹³⁰

По мысли Гешеля, Библию правильно понять можно, только осознав, что Бог непрестанно действует в Своём творении. Библия говорит не столько о том, как человек ищет Бога (именно так сегодня принято думать), сколько о том, как Бог ищет человека. Мертону был близок такой благоговейный подход к Писанию. Он тоже считал, что первым всегда действует Бог.¹³¹ Нам следует искать Его, но мы не должны забывать, что Бог давно уже Сам ищет нас. Мертон познал это на собственном опыте.

Если всерьёз принять, что пророки доносят до нас слово Самого Бога, то перед нами встают трудные вопросы, – считал Мертон. Как может человек, всегда так или иначе ограниченный, правильно понять Бога? Не искажает ли он Его весть? Как и Гешель, Мертон полагал, что, хотя мы и не понимаем до конца библейского Бога, Он не смотрит на нашу немощь и продолжает искать нас, входит в нашу жизнь. Значит, весь вопрос в том, осознаём ли мы Его присутствие, можем ли откликнуться на Его зов?

Как же Бог нас ищет? Действительно ли Он говорит? Вот как Гешель пишет об этом в своей книге:

¹²⁹ Ibid., 99.

¹³⁰ Kaplan, *Holiness in Words*, 115.

¹³¹ Ibid., 154.

Когда Адам в раю спрятался от Бога, Бог воззвал к нему «Где ты?» (Быт.3:9). Он и сейчас зовёт человека – тихо, без слов, поверх наших мыслей, тайно и невыразимо, как тайна и невыразима Его слава, наполняющая весь мир.¹³²

Гешель, как и Мертон, был убеждён, что Бог всегда рядом с нами. Беда лишь в том, что мы не присутствуем для Бога, не устремляем к Нему своё внимание, блуждаем от Него вдали.

Только покаянием, по мнению Гешеля, мы можем вернуть себе осознание Божьего присутствия среди нас. Он пишет: «покаяние на иврите (*teshuvah*) означает одновременно и возвращение, и ответ».¹³³ Значит, наше *возвращение* к Богу и есть наш Ему *ответ*, отклик на Его ищущий зов. Мертон как христианин назвал бы такой отклик верой, доверием Богу, которое возвращает нас к Нему, источнику жизни.

Гешель настаивает на том, что Творец всё время окликает Своё творение, особенно – человека. Он не просто стремится восстановить прежнюю связь с человеком, но и «нуждается» в ней. Таков библейский Бог. «Он словно не хочет оставаться один, – пишет Гешель, – и выбирает человека, чтобы тот Ему служил... мир веры не нужно отрывать заново, его нужно просто возродить».¹³⁴

Эти мысли Гешеля созвучны созерцательному монашескому опыту Мертона. В «Семенах созерцания» он пишет, что вера есть «внутреннее зрение, прозревшее сердце, которое постепенно наполняет Божественный свет».¹³⁵ Иными словами, вера есть пробуждение к Божественному свету, который уже

¹³² Abraham Joshua Heshel, *God in Search of Man: A Philosophy of Judaism* (New York: Harper and Row, 1955), 137.

¹³³ *Ibid.*, 141.

¹³⁴ *Ibid.*, 136-141.

¹³⁵ Thomas Merton, *New Seeds of Contemplation* (New York: New Directions, 1961), 130.

с нами; это возвращение к забытой реальности, видение, воспоминание (в терминах Гешеля – опыт *techuvah*).

Гешель в свою очередь мастерски выписывает мир веры:

*Это не terra incognita, не неведомая земля. Это земля забытая, а сами мы для Бога скорее палимпсест чем tabula rasa. В каждом человеке есть вера. Каждый из нас стоял у подножья Синая и внимал гласу, возвещававшему «Я – Господь, Бог твой».*¹³⁶

Эти сильные слова вернули к «подножью Синая» многих, равно иудеев и христиан. Томас Мертон был одним из них.

Трудный выбор

Благодаря мудрости Гешеля, дружбе с ним, Мертону открывались иудейские корни католической веры. В глубине души он знал, что не достигнет духовной целостности, пока не усвоит уроков, которые может преподать ему иудаизм, – уроков тем более важных, что историческое христианство так часто чернило и даже преследовало хранителей древних заветов с Богом.

Мертону глубоко задевал тот факт, что Церковь за две тысячи лет так и не изжила в себе антисемитизм. Но и себя самого он считал в ответе за этот грех. Начавшийся в 1962 г. Второй Ватиканский собор вселил в Мертон и Гешеля надежду на то, что положение дел будет исправлено.

Собор должен был, по меньшей мере, открыто осудить антисемитизм и призвать стороны к примирению. С избранием папы Иоанна XXIII Церковь начала серьезно меняться во многих отношениях, поэтому все ждали новых решительных шагов. Однако в самый разгар Собора папа умер, а ватиканские бюрократы начали вмешиваться в работу комиссий, особенно тех, которые занимались межрелигиозным диалогом.

¹³⁶ Heshel, *God in Search of Man*, 141.

Предварительный документ об отношении христиан к евреям был издан, и Гешель, бывший на Соборе советником по иудаизму, воспринял его хоть и сдержанно, но в целом оптимистично. Однако в июле 1964 г. Мертон сообщил ему (Гешель тогда гостил в Гефсимании), что документ, скорее всего, будет переписан: арабские епископы хотели лишить его пролической остроты.¹³⁷

Новость подняла в Гешеле праведный гнев и ощущение безысходности. Казалось, Церковь снова поступает богословской истиной в угоду политической выгоде. Вместо покаяния в духовном братоубийстве и антисемитизме она готова была вернуться к привычному стремлению обратить евреев. Более того, новый документ должен был, по слухам, провозгласить, что когда-нибудь иудаизм исчезнет совсем, найдя богословское завершение в Церкви.

Гешель таких правок принять не мог. Собору и Мертону он послал письмо, которое начиналось так:

*Наш народ столетиями страданий и мученичества заплатил за веру, верность Завету и традиции. Но и по сей день мы самоотверженно трудимся, уча наших детей путям Торы*¹³⁸

Гешель был верен этой священной миссии и никогда бы не согласился с тем, что первый завет его народа с Богом отменён. Он отвергал всякие, особенно внутрицерковные, попытки слепить христиан из иудеев. Публично и в частных беседах он настаивал: «Я не раз говорил руководству Ватикана, что готов пойти в Аушвиц, если меня поставят перед выбором – обратиться или умереть».¹³⁹

¹³⁷ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 506.

¹³⁸ Bruteau, *Merton and Judaism*, 224.

¹³⁹ Ibid.

Мертон сразу же откликнулся на острую тревогу Гешеля. В письме от 9 сентября 1964 г. он заверял того в духовной солидарности и говорил, что намерения Ватикана пробуждают в нём настоящего иудея в католическом обличье. Действия Собора Мертон расценил как «духовную пощечину». «Я вынужден сотрудничать с людьми слепыми и самодовольными», – писал он о тех, кто хотел снова поднять на щит христианский триумфализм.¹⁴⁰

Мертон разделял с Гешелем его гневный протест. Он негодовал по поводу того, что Церковь «отступает на три шага назад, едва сделав робкий шаг вперёд». Духовную близость к Гешелю он выразил так: «Обо всём этом сказано в псалмах. Мы оба молимся их словами. В них мы едины: в их истине, тишине».¹⁴¹ Церковь, как институт, могла быть в отношении синагоги лукава и агрессивна. Но на дружбе Мертона с Гешелем, человеком молитвы, это не отразилось. Институциональные барьеры им не мешали.

«Крайне неудачным» назвал Мертон новый проект соборного постановления в дневниковой записи от 10 сентября 1964 г. Документ, считал он, «явил пример узкого и недалёкого формализма, особенно эта глупая приписка, будто Церковь с нетерпением ждёт, когда иудеи к ней присоединятся».¹⁴² Мертон понимал, как глубоко ранят еврейское сообщество такие слова. Высокомерие и богословское заблуждение грозили разрушить ту взаимную доброжелательность христиан и иудеев, которую породил первоначальный соборный документ.

Главе соборного комитета по иудео-христианским отношениям кардиналу Беа Мертон писал, чтобы глубже раскрыть суть вопроса и выразить свою поддержку. Кардинал высту-

¹⁴⁰ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 434.

¹⁴¹ *Ibid.*, 434-435.

¹⁴² Robert E. Daggy, ed., *Dancing in the Water of Life: The Journals of Thomas Merton*, vol. 5, 1963-1965 (San Francisco: Harper Collins, 1997), 142.

пал против последних правок и с трудом сдерживал натиск агрессивных консерваторов. Мертон говорил, что молится за него и верит в победу здравого смысла:

*Ваше Преосвященство, спешу заверить Вас, что наши монахи и я молимся, чтобы Бог призрел на Церковь и послал ей благодать, дабы она не упустила шанса покаяться и приняла предложенную ей истину, которой столь многие противятся.*¹⁴³

Мертон и Гешель боялись, что Церковь так и не сможет покаяться в антисемитизме. «Я уверен, что, пройдя мимо мучений синагоги, участники Собора не смогут увидеть и Церковь в её истинном смирении и великолепии», – писал Мертон кардиналу Беа. Он считал, что соборный документ должен быть «не просто жестом христианского великодушия, но и выражением глубоких истин».¹⁴⁴

Эти слова Мертона зазвучали для меня по-новому летом 2004 г., почти через сорок лет после его общения с кардиналом Беа, когда я побывал в старейшей на Западе римской синагоге. Я тогда понял, что мы до сих пор не постигли эти «глубокие истины», и представил себе, как бы откликнулись на споры, шедшие в Ватикане в 1964 г., прихожане синагоги, потерявшие треть своей общины в Катастрофе. Как много значили тогда эти споры! Гораздо больше, чем казалось многим. Но Гешель и Мертон вполне сознавали всю серьёзность сложившегося тогда положения и боялись, что исторический шанс будет упущен.

Мертон изо всех сил пытался содействовать тому, чтобы иудео-христианские отношения стали лучше, и предложил кардиналу Беа расширить вопрос, чтобы привлечь на свою сторону новых союзников. Он писал:

¹⁴³ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 434.

¹⁴⁴ Ibid.

Не можем ли мы богословски и «дипломатически», ответить на возражения тех, кто боится оттолкнуть мусульман?... Ко-ран причисляет христиан и евреев к «народом Книги», к духовным потомкам Авраама. Почему бы данные Аврааму обетования, наш общий богословский корень, не использовать в главе об антисемитизме, которую можно посвятить примирению со всеми семитами, особо выделив отношения Церкви и Синагоги, исповедав, хоть и неявно, давний грех распространённой среди католиков ненависти к евреям.¹⁴⁵

Гешель не принял того, что предлагал Мертон. «Давний грех распространённой среди католиков ненависти к евреям» нельзя было, на его взгляд, признавать неявно. Церкви давно уже было пора покаяться в антисемитизме, а расширив документ до проблем трёх авраамитских религий, Собор откладывал этот акт на неопределённый срок.

К чести Мертона, он тоже понимал, что речь идёт о Церкви как о народе Божьем, поэтому одного политического решения явно недостаточно. Тупик, в которых зашёл Собор, начав править главу о евреях, Мертон расценивал как явный знак того, что Церковь «забыла о своём истинном назначении».¹⁴⁶ Церковь и Синагогу, христиан и иудеев, неразрывно связывает друг с другом библейский Бог. Те и другие – народ завета и в отношения между ними не должно быть места высокомерию.

Трудно сказать, в какой именно степени повлияли на соборное решение Мертон и Гешель, но те, кто его принимал, их явно услышали. В четвёртом круге обсуждений Беа удалось утвердить почти весь первоначальный текст, который в своё время Гешель уже одобрил.

¹⁴⁵ Ibid., 433-434.

¹⁴⁶ Ibid., 433.

Nostra Aetata (Заявление об отношениях Церкви к нехристианским религиям), включавшее главу об отношении к евреям, было принято подавляющим большинством голосов (2221 против 88). Поразительной победой закончилась история одного из самых кратких и одновременно самых важных документов Собора. Богословские предрассудки были преодолены, антисемитизм – отвергнут. Церковь положила начало диалогу между христианами и евреями. Политики будут ему мешать (Мертон и Гешель знали это слишком хорошо)¹⁴⁷, но ему теперь есть на что опереться.

Доверие

Политические и церковные сражения, в которых пришлось участвовать Мертону и Гешелю, только закалили их духовную дружбу. После Второго ватиканского собора они были так или иначе вовлечены в экуменическое и общественное движение, где по-прежнему свидетельствовали о святости Бога и достоинстве человека. Но главным знаком их внутренней близости было приглашение от Гешеля написать предисловие к готовившемуся в серии «Тайм лайф» изданию Библии. Мертон не ожидал, что его иноверный друг окажет ему такую честь.¹⁴⁸

Серия «Тайм-лайф» была рассчитана на массового читателя, поэтому Мертон отнёсся к предложению осторожно: он не любил «больших громких проектов для средств массовой информации».¹⁴⁹ Гешель в письме от 15 декабря 1966 г. уговаривал его: «я согласился их консультировать, потому что верю, что новое издание Библии будет выполнено достойно

¹⁴⁷ *Ibid.*, 275.

¹⁴⁸ Проект не был завершён, и в конце концов издатели от него отказались. Но введение Мертона было напечатано в 1970 г. в *The Liturgical Press* под названием *Opening the Bible*.

¹⁴⁹ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 435.

и поможет познакомиться с ней огромному числу людей».¹⁵⁰ Эти слова убедили Мертон: если затею поддержал Гешель, то и он принимает её, отбросив сомнения.

В предисловии Мертон писал, что святость – главное в библейском понимании Бога. «Бог свят» – эту истину утверждает Писание, бросая вызов самовлюблённому человечеству:

Нелегко принять Библию в её полноте. Большинство из нас понимают её односторонне, ограниченно и торжественно именуют свой ущербный взгляд «верой»... Вера же совершенно в другом. Она – не бегство от зрелой ответственности, от погружения в многогранное, противоречивое содержание Библии и самой жизни. Настоящая вера обретает свою целостность не тем, что отвергает всё ей непонятное, а тем, что сознаёт и принимает Писание и жизнь во всей их часто приводящей человека в полное замешательство реальности.¹⁵¹

Мысли Мертона были близки и Гешелю. Зрелая ответственная вера, доверие Богу, многогранна, не чужда противоречий, всеохватна.

Поистине, святой Бог вовлекает нас в жизнь, полную тайн и риска. Всё обстоит совершенно не так, как мы привыкли думать. И это возвращает нас к главной теме этой главы. Бог, которого, казалось, мы ищем, в действительности Сам ищет нас. Мертон и Гешель были в этом уверены. Всемогущий зовёт нас по имени. Тот, Чьё имя свято и не произносимо, знает по имени каждого из нас.

Томас Мертон и Авраам Гешель как мало кто другой знали и любили Бога. Они жили в библейской святости. Они подвизались и тянулись вверх, чтобы разглядеть Бога, открывшегося нам в Библии. Жизнь они воспринимали как безгранич-

¹⁵⁰ Bruteau, *Merton and Judaism*, 231.

¹⁵¹ Merton, *Opening the Bible*, 7.

ную тайну и звали других в её святость, в мир, пронизанный любовью святого Бога. Земной путь этих выдающихся людей давно завершился. Реальность же осталась прежней: Святой Бог всё так же ищет каждого из нас.

Письмо от 17 декабря, 1960 г.

Дорогой доктор Гешель,

Какая это была радость – получить Ваше доброе письмо и посылку с книгами, в которых я нахожу столько утешительно-го и полезного. Тем более что они теперь всегда под рукой, и я могу не спеша над ними поразмыслить, не думая о том, что их давно пора вернуть в библиотеку.

Пожалуй, самая интересная из них – «Бог ищет человека». Конечно, в ней не все Ваши лучшие и самые глубокие мысли, но мне сейчас дорога именно она, потому что в ней сказано о молитве. Я с Вами полностью согласен. Это нечто, превышающее разум и рассуждение. Я счастлив, что есть такие люди, как Вы, настаивающие на тайне и святости Бога.

Сейчас так много говорят о том, что у человека должна быть «своя религия», он должен «верить», подразумевая, однако, под этим всего лишь принадлежность к какой-нибудь религиозной группе. Люди хотят встать в строй, чтобы их посчитали, как будто религия обращена прежде всего к их стадному инстинкту. Увы, стадный инстинкт так силен в людях, и до добра он не доведёт. Даже некоторых верующих он просто сбивает в кучу перед Богом, не давая им поклоняться истинной неотмирной святости Бога.

Не стоит и говорить, что я с нетерпением жду Вашей книги о пророках. Этой осенью мы с послушниками внимательно перечитывали Амоса, бросающего страшные обвинения и нашей эпохе, со всем её процветанием, невежеством, неве-

рием. Со всей её нищетой, несправедливостью, угнетением. Сейчас же мы каждый день читаем на богослужении Исаяю и вместе с ним жаждем исполнения обещанного Богом, бесконечно *серьёзного*, но так легковесно нами воспринимаемого. Обещания эти исполняются не для одних только христиан в их праздник Рождества. Я смиренно надеюсь, что, хотя ожидания христиан и евреев богословски существенно различны, и те, и другие должны осознать, что утеряна их острота и что растут они из одного корня. В наши дни об этом, кажется, никто не думает.

Я хочу послать Вам несколько своих книг, прежде всего те, которых у Вас точно нет: они напечатаны здесь или в малоизвестных издательствах. Фаррара и Страуса я попросил обязательно послать Вам экземпляры *Disputed Questions*. Надеюсь, они это сделали. Дойдёт до Вас и книга, которая скоро выходит в Нью Дирекшенз.

Монастырь наш находится недалеко от Луисвилля, в 40 милях к югу, или в 15 милях от Бардстауна. Если Вы когда-нибудь окажетесь в Луисвилле, Цинциннати или Лексингтоне, вспомните, что мы рядом. Захотите ли вы прочесть лекцию в объединённой еврейской семинарии в Цинциннати? Если да, то от нас Вы легко туда доберётесь. Вы – желанный гость. Каждое Ваше письмо доставляет мне радость, хотя я понимаю, что у Вас, как и у меня, всегда не хватает времени, а помощников нет. Это объясняет, почему моё письмо так плохо напечатано.

С наилучшими пожеланиями, сердечно Ваш...

6. Дзэн. Переписка с Судзуки

Глупо было бы претендовать на то, что я разбираюсь в дзэн. Признаться, я и в христианстве мало что смыслю.

Из письма Мертонa к Судзуки, 12 марта 1959 г.

Часто говорят, что слово «дзэн» стало английским именно благодаря Д.Т. Судзуки (1870–1966). Действительно, никто не сделал так много для того, чтобы познакомить с ним Запад, как этот японский буддист, учёный, мудрец. Мертон же начал всерьёз изучать дзэн летом 1956 г.¹⁵², но скоро понял, что ему нужна помощь, и обратился к Судзуки. Сейчас на Западе много прекрасных толкователей дзэн, а в то время их почти совсем не было.

Поводом обратиться к Судзуки послужило желание Мертона, чтобы тот написал предисловие к его книге об отцах-пустынниках. Древние христианские подвижники в определённом смысле, на его взгляд, походили на мастеров дзэн, и он надеялся, что Судзуки это сходство разглядит и истолкует. Мертон открыто стремился к тому, чтобы глубже и шире понять, как соотносятся христианский подход к жизни с тем, чему учит дзэн.

В своём первом письме от 12 марта 1959 г. Мертон писал, что у него «свой путь»,¹⁵³ путь монаха-цистерцианца, но дзэн влияет на его духовную жизнь всё больше и больше:

*У меня свой путь, но я всё время так или иначе сталкиваюсь с дзэн. Он здесь со всей его прекрасной бесцельностью, и ничего с этим не поделаешь. Мне это очень близко, хоть я и не знаю «что это», и даже не знаю есть ли дзэн «что-то».*¹⁵⁴

Сказанное Мертоном далее, должно быть, заинтриговало японского мудреца. Читатели Мертона размышляют над этим и по сей день:

¹⁵² Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 546.

¹⁵³ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 561.

¹⁵⁴ Ibid.

*Скажу просто, без обиняков: мне кажется, что сама евангельская атмосфера и есть дзэн, Евангелие полно им. Дзэн – это и подходящая атмосфера для монаха, неважно какого.*¹⁵⁵

Можно ли сказать, что и сам Мертон был «полон» дзэн, хотя он, по его собственному признанию, плохо понимал, что это такое?

В этой главе мы проследим за тем иносказательным пониманием дзэн, которое предлагали нам Мертон и Судзуки. Их разговор, как мы увидим, пойдёт о самой жизни, поскольку дзэн – это она и есть, не больше и не меньше. Опыт дзэн послужил почвой, на которой сложилась дружба двух людей совершенно разных традиций.

Д.Т. Судзуки: человек дзэн

Судзуки откликнулся на первое письмо Мертона 31 марта 1959 г. «Ваше преподобие, отец Мертон, – вежливо начал он, – благодарю Вас за ваше письмо от 12 марта. Оно меня сильно заинтересовало».¹⁵⁶ Судзуки сразу почувствовал, что его и монаха свяжет долгая дружба, что ему будет, чему у того поучиться.

Ко времени знакомства с Мертоном, Судзуки, почитаемый многими японский религиовед, прожил богатую и насыщенную жизнь. Практикующий буддист, автор книг, лектор, он был известен на Востоке и Западе как искусный толкователь махаяны, особенно его ветви дзэн. Этот старый мудрец был живым сокровищем. Учёные до сих пор спорят о том, как именно Судзуки преподносил японский дзэн западной аудитории, но все они согласны в том, что он был первый, кто это сделал.

¹⁵⁵ Ibid.

¹⁵⁶ Robert E. Daggy, ed., *Encounter: Thomas Merton and D. T. Suzuki* (Louisville, KY: Larkspur Press, 1988), 11.

Из всего сказанного Судзуки самое важное для нас сейчас вошло в его труд «Введение в дзэн буддизм» (*Introduction to Zen Buddhism*). Судзуки писал: «Одного мастера спросили, что же такое дзэн?, и он ответил: “твои повседневные мысли”». ¹⁵⁷ Он помог миру, особенно Западу, понять, что дзэн не свойственна узость. Он не сводим ни к буддизму, ни к какой-то иной религии. Он связан с нашей повседневностью и учит, как сказали бы буддисты, «правильной осознанности».

Судзуки подчёркивал универсальный характер дзэн:

Христиане тоже могут практиковать дзэн. В океане обитают и большие, и мелкие рыбы. Дзэн – это океан, воздух, горы, гроза, весенний цветок, летняя жара, зимняя метель. Более того, дзэн – это человек. ¹⁵⁸

С самого начала переписки с Мертоном Судзуки должно быть почувствовал, что тот правильно «схватывает» суть его традиции.

Мертон понимал универсальность дзэн и даже видел его связь с Евангелием. В письме к Судзуки он вверил тому сокровенное: «если бы я не дышал воздухом дзэн, я бы, скорее всего, умер от духовного удушья. Но я всё еще не знаю, что это такое. Да и важно ли это? Я ведь не знаю и того, что такое воздух». ¹⁵⁹ Вспомним слова Судзуки «дзэн – это воздух». Не в таком уж глубоком замешательстве был Мертон. Истина дзэн был ближе к нему, чем ему казалось. Судзуки это, конечно, видел.

Д.Т. Судзуки родился 18 октября 1870 г. в Каназава на севере Японии. Большую часть жизни он провёл в поездках по Азии,

¹⁵⁷ D.T. Suzuki, *An Introduction to Zen Buddhism* (New York: Grove Press, 1964), 45.

¹⁵⁸ Ibid.

¹⁵⁹ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 561.

Европе, Северной Америке. Он был хорошо известен на Западе, но остался верен японским корням. Так он перекинул мост через пропасть, разделявшую Запад и Восток.

Судзуки был младшим из пятерых детей. До семнадцати лет он учился в школе в Каназава. Когда в семье кончились деньги, учиться стало невозможно, и он преподавал английский в соседних школах. В 1891 г. он поступил в токийский университет Васэда.¹⁶⁰ В те годы молодой Судзуки начал посещать монастырь дзэн в Камакура – Энгакузи. Знакомство с настоятелем Шаку Соэном навсегда изменило его жизнь. Соэн заложил в молодом учёном основу для понимания дзэн. В 1893 г. вскоре после поездки на всемирный религиозный конгрессе в Чикаго он устроил Судзуки помощником к промышленнику из Иллинойса, любителю Востока Полу Карусу. Судзуки переводил для Каруса азиатские религиозные и философские тексты и постепенно привил ему любовь к дзэн.¹⁶¹

Именно в это десятилетие сложилось призвание Судзуки как интеллектуального и духовного посредника между Западом и Японией. В США он сделал свои первые переводы буддистских текстов, а в 1907 г. опубликовал свои «Очерки о буддизме Махаяны».

В «Очерках» Судзуки выразил основные мысли о буддизме, на которые сильно повлияло его восприятие дзэн как универсальной философии. Он писал:

Растущее стремление людей развивать общение всеми доступными путями говорит о внутреннем единстве человеческих душ. Разделённость убивает. Она – ещё одно имя смерти. Всякая живая и растущая душа хочет дотянуться до других, быть

¹⁶⁰ Mircea Eliade, ed., *The Encyclopedia of Religion* (New York: Macmillan, 1987), 14:184.

¹⁶¹ Ibid.

*в общении... расширяться безгранично, так, чтобы все отдельные души соединились в одну.*¹⁶²

Подобные мысли были близки Мертону, который стремился вместить «всё лучшее и истинное, что есть в других духовных традициях».¹⁶³

Судзуки жил и дышал универсальным духом дзэн. Это был дух свободы, не связанной внешним авторитетом. Во «Введении в дзэн-буддизм» он писал:

*Основная идея дзэн в том, чтобы приобщиться внутренним резервам нашего непосредственно, не прибегая к чему-то внешнему, дополнительному. Тем самым дзэн отвергает всё, связанное с внешним авторитетом, целиком полагаясь на внутреннее существо человека. Если и существует в дзэн какой авторитет, то только тот, что приходит изнутри. Это верно в самом строгом смысле.*¹⁶⁴

Полное осознание (*satori*) своего «внутреннего существа» (истинного «я», как сказал бы Мертон) было для Судзуки единственным способом стать по-настоящему живым. Его неприятие внешнего авторитета означает нашу окончательную ответственность за свою жизнь и свои поступки. Это требует огромных усилий ума и духа, но эти усилия приносят настоящую свободу.

Судзуки был действительно человеком свободным, не ограниченным культурой, обычаями. В 1911 г. он женился на американке Беатрис Лейн, которая до самой смерти в 1939 г. редактировала его труды. Судзуки был тесно связан со многими из своих коллег по всему миру. В 1921 г. он принял кафедру

¹⁶² D. T. Suzuki, *Outlines of Mahayana Buddhism* (New York: Schocken Books, 1963), 195.

¹⁶³ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 126.

¹⁶⁴ Suzuki, *An Introduction to Zen Buddhism*, 44.

буддистской философии в Университете Отани и пробыл на ней до выхода на пенсию. Но эта должность не стесняла его свободы. Он продолжал преподавать дзэн в десятилетия, предшествовавшие Второй мировой войне, когда общепринятой традицией в Японии был синтоизм. Он много писал о дзэн на японском. Собрание его трудов занимает тридцать два тома.¹⁶⁵

Однако, как мы видели, влияние Судзуки распространялось не на одну только Японию. Он преподавал и печатался на Западе. Благодаря внутренней свободе он чувствовал себя как дома в любой части мира. Он часто ездил в Европу, Китай, Корею, США. Прожив в Японии до 1950 г., он, уже восьмидесятилетним, переехал в Нью-Йорк. Благодаря поддержке фонда Рокфеллера он читал лекции о буддизме и дзэн во многих американских университетах. В Колумбийском он читал открытые лекции целых десять лет.

Ничем не стесняемая свобода Судзуки, человека дзэн, привлекала многих западных интеллектуалов. Вирус свободы инфицировал людей. Многие стремились взять у Судзуки уроки жизни. Среди них – К. Юнг, К. Хорни, Э.Фромм, М. Хайдеггер, Томас Мертон. Умер Судзуки в Токио 12 июля 1966 г.¹⁶⁶

Переписка (1959–1966 гг.)

Во втором письме к Судзуки Мертон писал, как он рад тому, что тот «всерьёз увлёкся изречениями отцов-пустынников, в которых ощутим дух дзэн».¹⁶⁷ В 1960 г. должна была выйти книга Мертона «Мудрость пустыни» (*The Wisdom of the Desert*), и Судзуки согласился написать к ней предисловие. Но орденские цензоры помешали быстро сложившемуся сотруд-

¹⁶⁵ Eliade, *The Encyclopedia of Religion*, 14:185

¹⁶⁶ Ibid.

¹⁶⁷ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 562.

ничеству двух людей разных вер.¹⁶⁸ Они запретили буддисту делать что-либо для книги о христианских подвижниках. Но общение Мертона и Судзуки не прервалось. Их диалог был опубликован в 1961 г. в одном из журналов. Позже, в 1969 г., его перепечатали в книге «Дзэн и голодные птицы», но к тому времени уже завершился Второй ватиканский собор (1962 – 1965), и существовавшие прежде преграды пали.

В Судзуки Мертона поражала его духовная пронизательность, то, как свободно он обходил внешние различия, чтобы разглядеть общее основание великих мировых религий:

Чрезвычайно важно, что доктор Судзуки нашёл лучшее и самое очевидное основание для диалога между Востоком и Западом не во внешней стороне духовности отцов-пустынников (аскеза, молитвенное уединение), а в архетипе всей иудео-христианской традиции, в библейском рассказе о сотворении мира и грехопадении человека.¹⁶⁹

Мертон на собственном опыте знал, что те, кто рьяно защищает собственные религиозные устои, едва ли пойдёт дальше «внешней стороны» другой религии. Но Судзуки был не из их числа. Он, как и Мертон, понимал, что настоящая встреча возможна только в глубинах религиозного опыта, а не в доктрине. Поэтому Судзуки и обратился не к вероучительным формулам, а к библейскому рассказу о грехопадении. Он искал в нём человеческое содержание.

Во втором и третьем письме Мертон и сам писал о том, как христианство и дзэн понимают состояние человека. Обе традиции стремятся познать мир, как он есть на самом деле; для них преодолеть иллюзию значит не открыть для себя другой

¹⁶⁸ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 461.

¹⁶⁹ Thomas Merton, *Zen and the Birds of Appetite* (New York: New Directions, 1968), 103.

мир, а по-новому взглянуть на тот, что нас окружает. Евангелие и дзэн, считал Мертон, бросают вызов мирской мудрости, понуждают человека изменить его привычный взгляд на жизнь, обрести своё истинное «я». Они отвергают самообман и ложные представления о реальности. Как позже напишет Мертон, «главная особенность дзэн в том, что он отвергает все эти искусные построения [религиозные и философские системы], чтобы вернуться, насколько это возможно, к чистой, невыразимой, необъяснимой основе прямого переживания. Что же дано в этом переживании? Сама жизнь».¹⁷⁰

В письме от 11 апреля 1959 г. Мертон объясняет Судзуки, что «прямое переживание, опыт» означает быть «во Христе». Он пишет, что тот «глубоко и правильно воспринимает христианство... и это его необычайно радует».¹⁷¹ Учёный последователь дзэн Д.Т. Судзуки интуитивно распознал опытную природу жизни «во Христе», о которой возвещает христианство. Коротко говоря, Евангелие не столько говорит об учении, доктрине, сколько об опыте. Но то же самое делает и дзэн.

Мертон видел, что его друг дзэн-буддист яснее многих христиан понимает суть христианства. Он писал: «Наши взгляды очень близки, мы стоим на одной почве, той, что – я полагаю – мы находим в Новом завете».¹⁷² Это не значит, что Мертон и Судзуки были целиком согласны в том, куда ведут их «близкие взгляды». Но свойственное дзэн стремление к «прямому переживанию», опыту, не опосредованному готовыми конструкциями ума, действительно помогли Мертоу по-новому понять Евангелие, восхититься им. Он писал: «Христос, Которого мы ищем, – внутри нас, в нашем внутреннем “я”; Он *есть* наше внутреннее “я”, но одновременно – Он бесконечно выше

¹⁷⁰ Ibid., 36.

¹⁷¹ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 563.

¹⁷² Ibid.

него».¹⁷³ Судзуки принимал первую часть этого утверждения, но не соглашался со второй. Мертон с этим мирился, дорожа духовной дружбой. Для Судзуки не было такой реальности, которая бесконечно выше нас (трансцендентной), по крайней мере её не было в христианском смысле слова.

Читая тексты Судзуки о дзэн и вспоминая труды Джона Ву, Мертон всё более убеждался в том, что духовный рост требует отказа от эго-сознания. Евангелие и дзэн здесь согласны друг с другом, хотя дзэн и не принимает трансцендентного. Эго, внешнее «я» должно исчезнуть, уступив место «я» истинному. Его умаление открывает путь преобращению, новой жизни.

Но избавиться от внешнего «я» трудно. Многое из того, что мы знаем о себе, – писал Мертон Судзуки, – покоится на ложных реалиях, порождениях «эго». Для него это был не просто психологический тупик, а настоящий духовный кризис:

*Видите ли, беда христианского мира в том, что он не отдаёт первенства Христу (иначе он был бы совершенно свободен), а порабощён образами Христа, представлениями о Нём, которые суть дело рук человеческих, проекции, мешающие христианам идти к свободе в Боге. Сам же Христос в нас остаётся непознан и невидим.*¹⁷⁴

Так Мертон понимал Христа, так переживал Его присутствие. Мертон знал, что Судзуки, в отличие от многих других, поймёт его, и так писал ему о Христе:

*Мы следуем за Ним и находим Его... но Он должен стать невидим, а мы должны идти дальше, не ощущая, что Он рядом. Почему? Потому что Он очень близок к нам. Он – и есть мы сами.*¹⁷⁵

¹⁷³ Ibid., 564.

¹⁷⁴ Ibid.

¹⁷⁵ Ibid.

Дальше Мертон говорит о глубоком духовном родстве с собеседником: «Мой дорогой доктор Судзуки, я знаю, Вы прекрасно меня поймёте – в отличие от многих, включая зовущихся “учитель Израиля”». ¹⁷⁶ Они по-разному понимали трансцендентность, но были близки друг другу в опыте внутренней жизни.

Мертон, как монах созерцательного ордена, видел связь между христианским опытом умаления (кеносис) и *sunyata* (пустота) в дзэн. Впрочем, ни он, ни Судзуки не приравнивали одно другому. Судзуки считал, что кеносис – ценный опыт, но идею об умалении Бога для спасения мира нужно рано или поздно оставить. Дзэн лишал мир Бога, буквально и образно удалял из него Единого Святого. Эту нить Мертон перерезать не мог. Тот, Кто опустошил Себя ради мира, должен не раствориться, а воскреснуть.

Как верно отмечал Мертон, дзэн ни в положительном, ни в отрицательном смысле не ставит вопрос о Боге. «В отличие от христианства, дзэн не сосредоточен на Боге», – пишет он, – «но мы вправе размышлять о тонком сходстве между тем, как дзэн переживает пустоту (*sunyata*), и тем, как Бог открывается в апофатической христианской мистике». ¹⁷⁷ Мертон ценил дзэн прежде всего за решительное неприятие неосознанной жизни. Всё прочее – вклад дзэн в богословие, в то, как мы понимаем Бога – требовало отдельного исследования. Мертон временами уносился мыслью довольно далеко (например, сравнивал отцов-пустынников с мастерами дзэн или христианское умаление (кеносис) – с *sunyata*), но японский мудрец неизменно пытался его остановить.

На второе и третье письма Мертона, где он сопоставлял христианство и дзэн, Судзуки отвечал очень осторожно: «Ваше

¹⁷⁶ Ibid.

¹⁷⁷ Merton, *Zen and the Birds of Appetite*, 35.

преподобие, дорогой отец Мертон!» – писал он 22 ноября 1959 г. – «Благодарю Вас за дружеские и глубокие письма, за присланную в дополнение к ним длинную статью».¹⁷⁸ Однако, поблагодарив собеседника, он напомнил тому, что спешка бывает вредна. Иногда различия нужно просто признать.

*Как Вы пишете, «предшествующие нам мыслители» неизбежно обуславливают наше стремление понять то или иное, христианство или буддизм. Человек всегда чем-то обусловлен – не обязательно «мыслительно», а и «психологически», «исторически». Как угодно, неважно, мы обречены быть разными. Единственное, что мы можем сделать, это быть терпимыми друг ко другу.*¹⁷⁹

В конце письма Суздуки, опытный дипломат, делает шаг навстречу Мертоу. «Надеюсь, мне удастся когда-нибудь познакомиться с Вами лично».¹⁸⁰ Два «обречённых на различие» человека оставались внутренне близки друг другу.

Встреча

Желание Суздуки познакомиться с Мертоном исполнилось через пять лет. Мастер дзэн и католический монах встретились единственный раз в июне 1964 г. в Нью-Йорке. Суздуки, которому вот-вот должно было исполниться девяносто четыре, произвёл на Мертона глубокое впечатление. «Как тепло и интересно прошла встреча!» – писал он в дневнике.¹⁸¹ Состоялась же она по инициативе Суздуки. 1 июня 1964 г. его секретарь послал Мертоу такую записку:

¹⁷⁸ Daggy, *Encounter*, 47.

¹⁷⁹ Ibid.

¹⁸⁰ Ibid.

¹⁸¹ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 461.

Дорогой отец Мертон,

*Доктор Судзуки просил меня сообщить Вам, что 6-го июня он приезжает в Нью-Йорк и пробудет там до 24-го. Он заверяет Вас, что если бы он был моложе, он бы навестил Вас в Кентукки, но сейчас у него на это нет сил. Не сможете ли Вы сами приехать в Нью-Йорк? Он был бы очень рад познакомиться с Вами.*¹⁸²

Мертон сомневался, что аббат разрешит ему выехать из монастыря, поскольку в тот год он уже большую часть дня жил один в своём скиту (через год он переселится туда насовсем). Но к его удивлению, аббат был не против. В конце июня 1964 г. Мертон впервые в жизни сел на самолёт и полетел на историческую встречу с Судзуки.

Мертон и Судзуки встретились дважды и оба раза долго беседовали. Мертон говорил о дзэн-мастере так: «сутулый, медлительный, тугоухий, но очень живой и чуткий человек». В дневнике он описывал их совместную чайную церемонию в стиле дзэн. «Михоко заварил зеленый чай и налил его в тёмно-коричневую чашку. Я выпил всё за три с половиной глотка, как было положено. Это было замечательно».¹⁸³

Беседы Мертон счёл «очень приятными» и совсем не поверхностными. Как и в переписке друг с другом, они обсуждали писателей, события в мире. Примечательно, что оба оказались согласны в том, что нужно «держаться дальше от движений», в пользу ли дзэн или чего-то иного. Они рассказывали друг другу о своей жизни и убедились в том, как глубока их духовная связь.

Подводя итог их встречам, Мертон писал откровенно: «впервые за долгое время я чувствовал себя так, будто я вернулся

¹⁸² Письмо Михоко Окамура (по поручению Д.Т. Судзуки) к Мертону от 1 июня 1964 г. (ЦГМ).

¹⁸³ Daggy, *Encounter*, 57.

в семью».¹⁸⁴ Окамура и Судзуки принимали его заботливо, старались, чтобы их гостиничный номер не казался местом казённым. Возможно, в этом весь дзэн, в том, чтобы быть целиком присутствующим, живым, повсюду в мире чувствовать себя как дома.

В статье на смерть Судзуки в 1966 г. Мертон вспоминал их «незабываемые» встречи и приводил последние слова, которые тот произнёс при их расставании: «самое главное в жизни – любовь».¹⁸⁵ Мертон был глубоко тронут таким прощанием. Он и Судзуки знали эту истину, хранили её в сердце.

Письмо от 12 марта 1959 г.

Дорогой доктор Судзуки!

Вам, наверняка, пишут разные незнакомцы. Надеюсь, Вы к этому привыкли, и я не потревожу Вас грубым вторжением. Если же я всё-таки оказался непрошенным гостем, простите меня.

Пишет Вам монах, христианин, член одного строго «созерцательного» ордена. Этот самый монах дерзнул написать несколько книг о созерцательной жизни, а кроме того он – хорошо это или плохо, он сам не знает, – очень любит дзэн, интересуется им.

Глупо было бы претендовать на то, что я разбираюсь в дзэн. Признаться, я и в христианстве мало что смыслю. Мне часто кажется, что люди, воображающие, будто они знают всё об учении Христа и Его Церкви, гораздо дальше от цели, чем им кажется. Ещё я полагаю, что многие американцы интересуются каким-то воображаемым, а совсем не реальным дзэн. Впрочем, не хочу никого осуждать.

¹⁸⁴ Ibid., 117.

¹⁸⁵ Merton, *Zen and the Birds of Appetite*, 59.

Одно я могу сказать наверное: читая Ваши книги, а главное – краткие высказывания мастеров дзэн, вдруг прозревающих на то или иное, во мне поднимается глубокое внутреннее согласие. Раз за разом во мне что-то говорит, откликаясь на Ваши слова: «Вот оно!» Не спрашивайте меня, что это. Вряд ли я смогу что-то объяснить или доказать. Я вообще не хочу это анализировать. Я следую своим путём, но куда бы я ни пошёл, дзэн так или иначе оказывается прямо передо мной. Вот он со всей его прекрасной бесцельностью, хорошо мне знакомый, хотя я не знаю, «что он такое» и вообще, есть ли он «нечто». Проще говоря, дзэн, на мой взгляд, есть самая атмосфера Евангелий. Они полны им. Дзэн – климат, в котором живёт монах, какой бы традиции он ни принадлежал. Не дыши я дзэн, я бы, думаю, задохнулся духовно. И всё равно я не знаю, что он такое. Неважно. Я ведь и про воздух мало что знаю.

Пишу Вам не только с тем, чтобы поблагодарить Вас за Ваши книги и сообщить, что я с нетерпением жду, чем закончится Ваше общение с моим другом Эрихом Фроммом. У меня к Вам есть ещё одно дело.

Прилагаю к письму несколько страниц переведённых мной изречений египетских отцов-пустынников IV–V вв. Уверен, Вы их оцените, ведь в них есть что-то от дзэн. Если я окажусь прав, и слово отцов заинтересуют Вас, то я бы выслал Вам всю рукопись и попросил бы Вас оказать мне большую честь и написать к ней краткое предисловие. В окончательной редакции книгу напечатает одно из известных нью-йоркских издательств. Небольшой тираж, без предисловия, уже отпечатал на машинке один из моих друзей. Поверьте, Ваше предисловие я сочту великим и неоценимым даром. Да я, признаться, совершенно не представляю, кто бы ещё мог его написать. Вы – единственный из современных мыслителей, кто действительно схож с древними отцами, поэтому я уверен, что честь вступительного слова принадлежит Вам по

праву и что сами отцы не захотели бы отдать её кому-то другому. Я очень надеюсь, что Вы скажете «да» в ответ на мою неуклюжую просьбу.

Что бы Вы ни решили, сообщите мне адреса японских издателей, у которых я мог бы запросить редкие для Америки тексты дзэн.

К счастью, мне и здесь удалось достать кое-что, например, труды Алана Уотса, включая самый последний с хорошей библиографией. Ваши книги я брал в библиотеках, а своих у меня только две – американский сборник в мягкой обложке и изданное в Лондоне исследование дзэн. Думаю, мне удастся получить изданное Райдером.

Вернётесь ли Вы в Америку? Не планируете ли проехать через Кентукки? Если да, то подумайте о том, чтобы посетить наш монастырь. Отец аббат разрешил мне пообщаться с Вами, когда Вы будете здесь. Для меня это было бы великой радостью. Мы находимся недалеко от Луисвилля. Уверен, что мы могли бы устроить так, чтобы Вы прочли несколько лекций в ближайших университетах. Это послужило бы Вам хорошим поводом побывать в наших заброшенных краях.

Возможно, у Вас есть друзья в Америке, которые знают толк в этом деле. Пусть напишут мне, и я постараюсь что-то для них сделать.

Я отнял у Вас слишком много времени. Надеюсь, краткие изречения отцов будут Вам созвучны, и моё предложение Вас заинтересует. Наконец, желаю Вам всего доброго, крепости духовной. Надеюсь, мы предадим друг друга Богу, – каждый по-своему. Я это непременно сделаю. Господь да благословит Вас во всём.

Искренне Ваш во Христе.

7. Открытость. Переписка с Хинсоном

Своё призвание я вижу не только в большем одиночестве, но и в некоторой открытости миру. Сочетать одно с другим будет, конечно, нелегко.

Письмо Мертона Глену Хинсону от 4 декабря 1964 г.

В то самое время, когда расцветала переписка и дружба Мертона с людьми разных вер, в его жизни произошла долгожданная перемена: он стал первым за всю историю Гефсимании отшельником. В 1965 г. аббат дом Иаков благословил, наконец, Мертона переселиться насовсем в скит, стоявший в полумиле от монастырских стен. Это значило, что тот должен был ещё дальше уйти от мира.

Но за многие годы мир проложил к монастырским воротам дверям торную дорогу, поэтому, как Мертон писал Хинсону, он хотел бы сохранить «некоторую открытость». По словам о. Юд Бамбергера, к Мертону «тёк нескончаемый поток людей... самых разных интересов... вьетнамские буддисты, монахи-индуисты, японские мастера дзэн, суфийские мистики, профессора религии и мистики из Иерусалимского университета, французские философы, художники и поэты из Европы, Южной и Северной Америки, арабские ученые, мексиканские социологи и многие другие».¹⁸⁶ Переселение в скит сильно сократило этот поток, но не истощило совсем. Кому-то удавалось настичь Мертона и в скиту, причём среди них были как званые гости, так и незваные.¹⁸⁷ Начинаящий отшельник противился встречам, но надо признать, он так

¹⁸⁶ John Eudes Bamberger, quoted in Brother Patrick Hart, ed., *Thomas Merton, Monk: A Monastic Tribute*, enl. Ed. (Kalamazoo, MI: Cistercian Publications, 1983), 39.

¹⁸⁷ О прошенных и непрошенных гостях см. Michael Mott, *The Seven Mountains of Thomas Merton* (Boston: Houghton Mifflin, 1984), esp. 517.

и не смог до конца примирить в себе искреннее стремление к одиночеству и любовь к оставленному им и страдающему миру.

В скиту Мертон почувствовал себя на своём месте. В дневнике он писал: «Такой жизни я и искал всё это время с надеждой. Жизни в покое, молчании, целесообразной, осмысленной».¹⁸⁸ Но отгораживаться от мира он не хотел. Письмо к Хинсону от 4 декабря 1964 г. – ясное тому подтверждение. Мертон хотел сочетать уединение с чуткостью к тому, чем живёт общество. Много лет назад, став траппистом, он повернулся к миру спиной,¹⁸⁹ но уже в 1949 г. он начал сознавать, что столь желанная для него жизнь «наедине с Богом» не означает отделённости от всего и всех. Он писал: «Чем ближе созерцатель к Богу, тем ближе он к другим людям».¹⁹⁰ К «другим» Мертон относил и монастырскую братию, и тех, кто остался в миру. Жизнь наедине с Богом он понимал как безусловную любовь ко всему творению, особенно к людям.

Зрелый Мертон, даже став отшельником, оставался открыт миру, или, что то же, – Богу и людям. В сущности, именно этим он для нас ценен, этому он нас учит. Подтверждением тому – его дружба с молодым баптистом, семинарским профессором Гленом Хинсоном, которая им обоим помогла шире взглянуть на свою конфессию, и даже коснуться того, что несут другие религиозные традиции.

¹⁸⁸ Robert E. Daggy, ed., *Dancing in the Water of Life*, 153.

¹⁸⁹ Для лучшего понимания того, как Мертон уходил из мира и как к нему возвращался, см. William H. Shannon, *Silent Lamp: The Thomas Merton Story* (New York: Crossroad, 1993), chaps. 7-10.

¹⁹⁰ Thomas Merton, *The Waters of Siloe* (New York: Doubleday Image Books, 1962), 262-263.

Открытый католик

Зрелый монах-траппист Томас Мертон и молодой профессор церковной истории Глен Хинсон подружились в 1960 г. С тех пор как Мертон ушёл в монастырь, это было первое его серьёзное знакомство с протестантом.

Хинсон встретился с Мертоном в Гефсимании, куда он привёз своих студентов из Южной баптистской богословской семинарии (Луисвилль). Отец Людовик принимал их и долго говорил с ними о жизни траппистов. Согласно его биографу, о. Уильяму Шеннону, он «стремился к общению с другими и начал принимать посещавшие Гефсиманию группы протестантов».¹⁹¹ Но Хинсон тоже «хотел расширить круг общения», включив в него не кого-то, а самих католиков.¹⁹² Встречи с преподавателями протестантской семинарии (прежде всего с Хинсоном) радовали Мертона. В 1960 г. в письме к другу, школьному учителю из Англии Джону Харрису, он сообщал:

*Отрадно, что время от времени сюда [в Гефсиманию] наведываются добрые, открытые протестанты, семинарские преподаватели. Мы спокойно общаемся и начинаем понимать, сколь многое нас сближает, как хорошо было бы изменить положение наших конфессий, однако если мы чего-то не можем, то от нас этого и не ждут. Нам остаётся меняться самим. Кажется, эти встречи принесут добрые плоды.*¹⁹³

Настаивая на доступных каждому из нас внутренних переменах, Мертон способствовал честному общению. Когда он,

¹⁹¹ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 127.

¹⁹² Интервью с Гленом Хинсоном (Луисвилль, октябрь 2003 г.) Хинсон делился воспоминаниями о Томасе Мертоне, начиная с его собственного желания свозить своих студентов в Гефсиманское аббатство, чтобы они узнали о монашеской жизни католиков, которая была главной темой его курса по истории Церкви и христианской духовности.

¹⁹³ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 396.

будучи молодым ревностным монахом, писал «Семиярусную гору», он смотрел на вещи иначе, скорее – как ограниченный католик. Достаточно вспомнить, в каких тёмных тонах он описывал англиканские религиозные наставления в школе Окэма, где учился в юности. К тому же сама Католическая церковь до Второго ватиканского собора не одобряла межхристианского диалога, и молодой Мертон унаследовал этот дух. О. Уильям Шеннон отмечал:

Мертон крестился в католичество, весьма далёком тогда от экуменизма. Он ликовал оттого, что вошёл в истинную Церковь Христову, не имеющую нужды в диалоге с другими христианами. Последним нужно только раскрывать их заблуждения и напоминать, что путь ко спасению открыт лишь принявшим авторитет и учение Церкви.¹⁹⁴

Но церковный триумфализм был свойствен не одним только до-ватиканским католикам. Семинаристы Глена Хинсона от них не отставали: единственно истинную церковь они видели в баптизме. Католикам они отвечали взаимной враждебностью. Как писал Хинсон Мертону в ноябре 1964 г., «многие из них [семинаристов], как вы, видимо, поняли, приехали в аббатство с недобрым настроением».¹⁹⁵

Говоря об экуменизме Мертона, полезно вспомнить, как непримирим он был к протестантизму в молодости, и какой большой путь с тех пор проделал. Открытость к другим не складывается сама собой, и даже Томас Мертон добыл её с большим трудом.

В «Семиярусной горе» Мертон рисует протестантов как второсортных христиан. Ревностный неофит-католик не мог допустить, что и они бывают по-настоящему духовны-

¹⁹⁴ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 127.

¹⁹⁵ Письмо Глена Хинсона к Мертону от 18 ноября 1964 г. (ЦТМ).

ми. Ему казалось, что протестанты замкнуты друг на друге и мало думают о поклонении Богу.¹⁹⁶ О протестантском наставнике, которого отец приставил к нему в отрочестве, он вспомнил лишь то, что тот был «никчёмён в практическом смысле».¹⁹⁷

Квакеров Мертон ценил за их созерцательное молчание, но и их традицию он счёл ущербной. Они называют себя обществом друзей, и верно – они друзья и не более того, – писал он. Как и прочие протестанты, квакеры не прошли теста на церковность.¹⁹⁸ Так на всём протяжении «Семиярусной горы» Католическая церковь оставалась неприступной в её духовной глубине и величии.

Мертон, которого встретил Глен Хинсон в 1960 г., конечно же, сильно изменился со времён своей молодости. Хинсон писал об этом в статье, посвящённой его открытому католичеству: «он прошёл долгий путь от излишне ревностного неопита до зрелого католика... который ... думал о единстве христиан не только друг с другом, но и со всем человечеством».¹⁹⁹

Хинсон считал, что духовный путь Мертона был обусловлен шедшей в нём внутренней борьбой, что большая открытость к другим, особенно к людям не его круга, хоть далась ему нелегко, принесла ему трудный, но целительный опыт свободы. Хинсон так писал о становлении Мертона:

Отношение Мертона к христианам других конфессий, людям других религий и просто неверующим, несомненно, менялось,

¹⁹⁶ Thomas Merton, *The Seven Storey Mountain* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1948), 208.

¹⁹⁷ Ibid., 57.

¹⁹⁸ Ibid., 119.

¹⁹⁹ Glenn Hinson, "Expansive Catholicism: Ecumenical Perspectives on Thomas Merton". *Cistercian Studies* 14, no. 3 (1979), quoted in Brother Patrick Hart, *The Message of Thomas Merton* (Kalamazoo, MI: Cistercian Press, 1981), 56.

вызревало. Он предвосхитил перемены, шедшие в Католической церкви в целом. Думаю, с 1949 по 1951 гг. в нём шла внутренняя борьба, завершившаяся опытом личной свободы. С тех пор он всячески поддерживал все общецерковные экуменические усилия. Его всё больше волновало будущее человечества, поэтому он всё шире раздвигал границы поиска. Он старался в универсальном опыте найти ответы на острые проблемы западной цивилизации.²⁰⁰

Открытый протестант

Кем был Глен Хинсон, протестантский профессор, подружившийся с Томасом Мертоном в 1960 г.? Понять это проще всего из его же суждений о собеседнике-монахе. Хинсон, несомненно, преодолел традиционную для баптистов враждебность к католикам, равно как и Мертон отошёл от до-ватиканского взгляда на Католическую церковь, как единственно истинную.

Глен Хинсон родился в 1931 г. в Сент-Луисе, в семье баптистов. Он был воспитан в традиции, которая учила во всём опираться на Библию, считать себя истинным христианином, ставить во главу угла личный опыт обращения. Всего этого, считали баптисты, не хватало прочим христианским сообществам, особенно католикам. Последних баптисты и настоящими христианами не считали, потому что, как им казалось, те были лишены личных отношений с Иисусом, опирались на человеческий авторитет папы, принижая Слово Божье.

Хинсон вспоминал, что стал задумываться о других конфессиях и верах, только учась в Вашингтонском университете. Курс Хьюстона Смита открыл ему глаза на то, как другие традиции могут духовно обогатить его самого. Он писал: «тогда

²⁰⁰ Ibid., 64.

то я и узнал, как много общего у разных вер “на уровне страха и трепета”, по словам Авраама Гешеля». ²⁰¹

Образование расширило религиозный кругозор Хинсона. После Вашингтонского университета он учился в Южной богословской семинарии и Оксфордском университете. Он был поставлен служителем у баптистов и более тридцати лет преподавал в Южной семинарии, одной из лучших баптистских богословских школ в США.

Среди баптистов Хинсон слыл первопроходцем экуменизма.

Всё происходившее после моей встречи с Мертоном в 1960 г. и после того, как папой избрали Иоанна XXIII, заставило меня задуматься не только об отношениях протестантских общин друг ко другу, но и о христианском экуменизме в целом. Позже, в начале 1970-х гг., благодаря дружбе с Мертоном и Дугласом Стиром, известным экуменистом из квакеров, я стал присматриваться и к тому, что лежит за пределами самого христианского мира. Я стал понимать, сколь необходим диалог между теми, кто исповедует разные веры. ²⁰²

Хинсон и сейчас, давно уже выйдя на пенсию, остаётся активным протестантом, держащимся широких взглядов, служит в Экуменическом институте духовности. Он написал около тридцати книг по церковной истории, экуменизму, духовному становлению человека, миротворчеству, был зачинателем многих экуменических инициатив, редактировал трёхтомник духовной классики (издания Даблдей), преподавал в колледжах, университетах, семинариях по всему миру. Баптисты, не преувеличивая, называют «мистер Экуменизм».

²⁰¹ Электронное письмо от Глена Хинсона, 25 сентября 2004 г., в котором он поделился со мной своим взглядом на то, что я называю открытым протестантизмом. Хинсон счёл мою версию его духовного развития вполне адекватной.

²⁰² Ibid.

Жизненный путь Хинсона был не из лёгких. Большие препятствия чинили ему его братья баптисты. В 1980-х гг. крупнейшую в США Южную общину баптистов возглавили консерваторы. Хинсон повёл диссидентов за собой, но остановить напора новой власти не смог. Довольно скоро этот напор ощутили на себе другие семинарии, в том числе Южная, где тон всему задавал Хинсон. Преподавателям было велено оставаться в рамках узкого исповедания веры. Удар по академической свободе был ударом и по свободе религиозной, столь чтимой в самой же баптистской традиции. Хинсон называл происходившее тогда наступлением еретиков.

После трудной борьбы Хинсон вынужденно переехал в Вирджинию и поступил на работу в семинарию Ричмонда, ещё не принявшую вредных нововведений. Он очень ясно понимал, что фундаменталисты, какую бы веру они ни исповедали, движимы страхом, а не любовью, ищут разделения, а не единства, подчинения, а не свободы.

В 1999 г. Хинсон оставил пост профессора духовности и церковной истории семинарии в Ричмонде и вышел на пенсию. Но евангельского служения он не оставил и время от времени читал лекции в семинарии Лексингтона, Луисвилле, университете Беллармина (Луисвилль). Он продолжал свидетельствовать о том, что есть лучшего, истинного в разных верах, в том числе и в его собственной баптистской традиции.

Духовные пути Хинсона и Мертонa в какой-то мере схожи. Каждый из них значительно опережал экуменическое развитие собственной конфессии, каждый был открыт к мудрости, присущей другим традициям, всё глубже входя в собственную. Широкий взгляд Хинсона на историю христианства с самого начала оказался неудобен для его собратьев баптистов, не хотевших идти дальше библеистики и «практического богословия». Будучи серьёзным учёным, он уводил своих сту-

дентов и читателей далеко за пределы «свободной церкви», конфессии, которой он принадлежал.

Как ни много внимания Хинсон, как баптист, уделял религиозной свободе и миротворчеству, он прекрасно ориентировался и в богатой истории католической духовности. Католики в свою очередь выразили ему глубокое уважение, пригласив его на должность профессора в Университете апостола Иоанна в Коллегвиле, штат Миннесота, а позже, уже в 1980-е гг., – профессора в Американского Католического университета в Вашингтоне. Баптист, преподающий духовность католикам, даже после Второго ватиканского собора был редчайшим исключением. Наконец, Хинсон был казначеем и первым вице-президентом Международного общества Томаса Мертона.

Борьба Хинсона за мир и общественную справедливость сблизила его с квакерами, в частности с Дугласом Стиром, который так сильно на него повлиял, что он стал членом Экуменического института духовности. Институт содействовал внутрехристианскому и межрелигиозному диалогу.²⁰³ Сотрудничал Хинсон и со Всемирным советом церквей, и с открытыми религиозными группами, например, с Грейморским экуменическим институтом.

Подытоживая, можно сказать, что Хинсон был настоящим баптистом, как и Томас Мертон, в той же мере, – настоящим траппистом (если такие люди вообще бывают). Хинсон был признан в мировом учёном сообществе, знал нескольких языков. Но учёность не лишила его духовной чуткости и смирения. Всем этим он был схож с Мертоном. Без преувеличения можно сказать, что баптист, преподаватель и пастор, с которым в начале 1960-х гг. познакомился Мертон, действительно

²⁰³ Хинсон считал Дугласа Стира одним из своих главных учителей. Он написал биографию Стира *Love at the Heart of Things: A Biography of Douglas V. Steere* (Wallingford, PA: Pendle Hill, 1997).

стал протестантом широких взглядов, одним из главных баптистских мыслителей и духовных наставников XX в. Принадлежавший другой конфессии друг Мертона стал еще одним знаменем мира.

Переписка (1960–1967 гг.)

Хинсон стал духовным другом Мертона с первых дней знакомства. Так случилось со всеми, о ком сказано в этой книге. Видимо те, кого мы называем «знамение мира», сразу же ощущают друг в друге родство, несмотря разность традиций, к которым они принадлежат. Хинсон был поражён внимательностью Мертона: «Я впервые встретил человека столь открытого и чуткого к мыслям другого»,²⁰⁴ – писал он 18 ноября 1964 г. В начале 60-х гг. Хинсон жил в Луисвилле, недалеко от Гефсимании, но ехать туда не спешил. Он не знал, что уединение Мертона всё равно нарушает множество посетителей разного рода, друзей и не только.

Хинсон рассказывал мне, что поначалу не хотел тревожить Мертона. Узнав же вскоре, как обширна его переписка и как много бывает у него гостей, он и сам осмелел, не потеряв, впрочем, почтения к созерцательной жизни своего друга.

Когда Хинсон познакомился с Мертоном, ему не было и тридцати. Молодой преподаватель семинарии не вполне сознавал, какого значительного человека встретил. Впрочем, неведение длилось недолго.²⁰⁵

В 1961 г. Мертон благосклонно откликнулся на приглашение Хинсона посетить Южную семинарию. 8 мая он писал:

В ближайшую пятницу, 12 мая, я буду по делам в Луисвилле и мог бы, думаю, заглянуть в вашу семинарию, как обещал Вам

²⁰⁴ Письмо Хинсона к Мертону от 18 ноября 1964 г. (ЦТМ).

²⁰⁵ Интервью с Хинсоном, октябрь 2004 г.

при нашей последней встрече. В город я обычно прибываю около десяти утра. Видимо, лучше всего пойти прямо к вам...

С нетерпением жду встречи с Вами и Вашими коллегами.²⁰⁶

Начал это письмо Мертон словами «Дорогой доктор Хинсон», а подписал его «о. Людовик Мертон». Но очень скоро формальность ушла из их переписки, уступив место дружественным «Глен» и «Том». Как видно из слов Мертона, он всерьёз намеревался вступить в экуменический диалог, но без лишней огласки. Просто загляну к вам, – писал он. В этом был весь Мертон.

Он был уверен, что экуменическое служение нужно исполнять на уровне личном, в общении лицом к лицу. Ничто не заменит личной встречи, живой или по переписке. Биограф Мертона о. Уильям Шеннон так писал об этом:

Важно понимать, что Мертон ни в коей мере не был профессиональным экуменистом. Последние, как правило, заняты выработкой доктринального языка, на котором можно было бы выразить сходства и различия в надежде на то, что различия удастся как-то преодолеть и поспособствовать единству христианского мира.²⁰⁷

Как бы ни был важен профессиональный экуменизм, Мертон, посещая баптистских преподавателей в Луисвилле, о нём не думал. О. Шеннон поясняет:

Оставляя за профессионалами право восстанавливать потерянное по человеческим грехам и немощи, Мертон искал единства, разрушить которое не в наших силах. Его можно открыть в религиозном опыте, но нельзя адекватно выразить в вероучительных формулах.²⁰⁸

²⁰⁶ Письмо Хинсона к Мертону от 8 мая 1961 г. (ЦТМ).

²⁰⁷ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 127.

²⁰⁸ Ibid.

Личный опыт, а не формулы, служил основой для дружбы Мертона с Хинсоном.

Бог мира

Едва подружившись, Мертон и Хинсон начали говорить о том, как сохранить мир на планете, напичканной ядерным оружием. Этой темы они коснулись уже в ноябре 1960 г., когда Хинсон впервые приехал в Гефсиманию со своими студентами. Хинсон вспоминает, что Мертон тогда уже «поворачивался лицом к миру», и разговор о ядерной войне, видимо, заставил того глубже задуматься о мире и насилии. Вскоре после этого, 8 апреля 1961 г., Мертон написал свою первую из посвящённых этой теме журнальных заметок.²⁰⁹

В письме от 22 декабря 1962 г. Мертон поддержал Хинсона, размышлявшего, не поехать ли ему учиться в Оксфорд. Мертон знал, что учёба пойдёт на пользу молодому пастору и просветителю. Он писал: «Если Вам нужен голос в поддержку Вашего желания ехать в Оксфорд, то я отдаю свой. Правда, мне самому ближе Кембридж».²¹⁰ Мертон на себе испытал, как важно, погрузившись в другую культуру, по-новому взглянуть на вещи, особенно в эпоху, когда мир балансирует на грани всеобщей гибели.²¹¹ Он был уверен, что после Оксфорда жизнь Хинсона изменится.

Когда человек воспринимает мир глазами другого, меняются и его собственные взгляды, – считал Мертон. Мы должны уметь вставать на точку зрения других людей, а рождается это умение тогда, когда живёшь вне привычной культурной

²⁰⁹ Эти сведения содержатся в письме Глена Хинсона ко мне от 24 декабря 2004, которое он написал, прочтя черновик этой главы.

²¹⁰ Письмо Мертона к Хинсону от 22 декабря 1962 г. (ЦТМ).

²¹¹ Об освоении Мертоном разных культур см. Mott, *The Seven Mountains of Thomas Merton*, ос. Главы 1-3.

и политической среды. Расширив же свой кругозор, человек может и весь поменяться, навсегда стать внутренне иным. Обо всём этом думал Мертон, когда давал советы своему другу.

Живя и учась в Оксфорде, Хинсон действительно менялся. Как пацифист и богослов, он долго протестовал против войны. Бог есть Бог мира, а не войны, – утверждал он. Теперь же Хинсон встал и на твёрдую политическую почву: войну, которую его страна развязала во Вьетнаме, он считал совершенно бессмысленной. 12 сентября 1967 г. он писал Мертону, что больше не может поддерживать США в их страшной агрессии в Юго-Восточной Азии.

Хинсон сообщал, что не видел в Англии и Европе никого, кто одобрял бы войну во Вьетнаме. Европейцы уважали Джона Ф. Кеннеди и не любили Линдона Джонсона. Хинсон был поражён тем, какой глубокий след оставила в их душах Вторая мировая война. Он писал: «Американцы едва ли смогут понять, какой ужас охватывает среднего европейца при мысли о войне – в их дворах не чернеют воронки от взрывов».²¹² Как и Мертон, Хинсон думал прежде всего о страданиях, которые несёт война жителям страны. Духовно война есть знак беспмятства – люди забыли о том, что её не было в замысле Бога, творившего мир. Как писал Мертон в сентябре 1966 г.: «Жертв более чем достаточно с обеих сторон: людей жгут, взрывают, расстреливают».²¹³

Мертон и Хинсон пророчески противостояли войне во Вьетнаме. Они считали, что эта бессмысленная затея дорого всем обходится. Позже к тому же пришли многие американцы, но тогда лишь очень немногие, стоя на религиозных позициях, возвышали свой голос против войны и уничтожения жизни. Опасаясь обвинений в не патриотизме, о войне молчали

²¹² Письмо Хинсона к Мертону от 12 сентября 1967 г. (ЦТМ).

²¹³ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 509.

равно американские баптисты и католики. В те годы всех, кто возражал правительству, причисляли к бунтарям: Америка всегда права. Война во Вьетнаме – только одна из трагедий, отнимающих у человечества будущее, – считали Мертон и Хинсон. Однако последний, к своему ужасу, обнаружил, что его церковь не намерена осмыслять нависшие над миром угрозы: ядерную войну, расизм, нищету. В письме от 12 сентября он сокрушался: «У южных баптистов нет твёрдой почвы под ногами». Как же они противостоят настоящим бедам, когда они «сотню лет уже плетутся по обочине, не замечая тех, кто обгоняет их по дороге».²¹⁴ Его церковь просто отказывалась говорить о мире и справедливом обществе.

Несмотря ни на что, Хинсон не сдавал позиций миротворца и экумениста. С тем же письмом он выслал Мертону свою первую книгу, в которой он призывал южных баптистов искать единства с другими христианами, чтобы вместе с ними отвечать на нравственные и духовные вызовы современности. Он писал Мертону: «Это первая и скромная попытка. Но я молюсь, чтобы южные баптисты прислушались ко мне и повзрослели».²¹⁵ Он считал, что пришло время его деноминации критически отнестись к самой себе и решить, существует ли она только для себя или ещё и для страждущего мира.

Настаивая на сотрудничестве христиан, Хинсон прежде всего думал о призыве Христа любить Бога и ближнего. Вызовы времени столь велики, что христиане просто обязаны трудиться вместе. Как может христианство свидетельствовать о мирном Божьем царстве, если церкви враждебны друг ко другу и равнодушны к нуждам мира? Хинсон так писал Мертону о своём экуменическом служении:

²¹⁴ Письмо Хинсона к Мертону от 12 сентября 1967 г. (ЦТМ).

²¹⁵ Ibid.

Как видите, меня большего всего волнует, сможем ли мы [южные баптисты] двигаться к христианскому единству. Сегодня об этом нужно говорить прямо и ясно, не забывая, впрочем, о предусмотрительности.²¹⁶

Говоря о христианском единстве, мире, справедливости, Хинсон не допускал двусмысленности. Он постоянно расширял круг общения и искал возможности сотрудничать с детьми Божиими, какой бы религии или конфессии они не принадлежали.

Открытость и единство, мир и справедливость были для Хинсона неразрывны. Он видел в них волю Божию о творении. Профессор-баптист, как и его друг монах-католик Томас Мертон, знали, что истинная миссия Церкви Христовой – соединять, а не разделять. Только так мир и справедливость смогут воцариться как внутри, так и вне Церкви. Более того, каждый из этих связанных духовной дружбой людей, был готов заглянуть далеко за границы самого христианства. Но первый шаг к такому единству – это открытость, широкий взгляд сначала на Церковь, а потом и на то, что находится за Её порогом. Каждый был готов разделить с Богом взгляд на мир без границ, мир, в котором ничто не препятствует духовному родству. Богу мира угодно именно это.

Письмо от 4 декабря 1964 г.

Дорогой Глен,

Прошло уже немало времени с тех пор, как я получил Ваше доброе письмо. Прежде чем ответить на него, я хотел подумать и посоветоваться, особенно о том, что касается встреч, получивших явное благословение свыше. В своей короткой записке я не мог рассказать обо всём подробно. К тому же,

²¹⁶ Ibid.

здесь это тоже всё ново и непривычно. Готовых решений нет. С другой стороны, мой аббат хочет сам руководить началом. Попытаюсь, однако, в двух словах описать вам происходящее.

Я вижу своё призвание не только в большем одиночестве, но и в том, чтобы оставаться в какой-то мере открытым миру. Будет, конечно, трудно сочетать одно с другим. Но сейчас нужно двигаться не спеша, делая осторожно шаг за шагом. Монашеским орденам свойственно следить за *kairos*, за тем, когда можно возродить пустынное жительство, исконно монашеское и давно утерянное измерение, и начать размягчать институциональную жёсткость. Я вижу, сколь это важно для монахов, хотя не жду, что все будут со мной согласны. Я твёрдо уверен, что *kairos* настал. Неожиданный поворот событий и перемены во взглядах высшего руководства открыли удивительную возможность, которой сейчас только я и смогу воспользоваться. Думаю, следуя своему призванию, но прежде всего ради монахов, лелеющих те же, что и я, надежды, я просто должен удалиться в скит и жить гораздо более уединённой жизнью – дабы показать, что такая жизнь для монахов всё ещё возможна и ценна. Если всё получится, руководство будет к нам более открыто и благосклонно – в неизмеримое благо тем монахам, которым это по-настоящему необходимо. Я бы даже сказал, что воспользовавшись этой благодатной возможностью, я открою путь другим, а в своё время, думаю, начнётся и экуменический диалог, неся обновление, которое я сейчас даже не берусь предвидеть.

Мне кажется, что одинокой жизни никак не помешают редкие встречи с вашими студентами. Но решение не за мной. Руководство очень озабочено тем, чтобы эксперимент прошёл на до конца ясных правилах, и, как администраторов, я их вполне понимаю. Они хотят точно знать, как будет выглядеть моё отшельничество. Я буду вынужден следовать их

правилам, никакого выбора у меня не будет. Впрочем, это всё упрощает и снова делает одинокую жизнь легитимной.

К сожалению, я не смогу как прежде поддерживать экуменическое общение, по крайней мере вначале. Я должен буду меньше писать книжных обзоров и статей для периодики, когда закончу уже начатое.

Со временем я оставлю и своих послушников, и вообще всякое преподавание в монастыре. 1965-й год обещает быть переходным. Пока же я всё больше времени провожу в скиту, не оставляю своего служения в общине, осваиваю новый образ жизни и жду, когда Генеральный капитул его окончательно одобрит.

Очень жаль, что я вынужден пожертвовать общением с Вашими студентами. Я, как и Вы, видел, что оно было благословлено дыханием жизни, открытости и не сомневаюсь, что Богу оно угодно. Надеюсь, другие достойно продолжат начатое нами. Я многому научился от своих друзей в Семинарии и никогда не вернусь к узкому и жёсткому взгляду на Церковь. Доктрины нужны, мы должны им следовать, но понимая, насколько Бог больше всего объяснимого, предсказуемого, определимого. Он действует в нас, милует нас так, как мы и представить не можем. Он всегда вне положенных нами пределов, даже тех, что – нам казалось – Он Сам повелел нам положить. Я безмерно всем вам обязан. Мы обязательно когда-нибудь снова соберёмся вместе.

Как я уже писал, следующий год будет переходным, но если Вы предупредите меня о приезде доктора Уитсона, я попрошу благословения повидать его и Вас, если Вы будете с ним. Аббат просил меня не принимать групп и сократить личные встречи, но эта, надеюсь, состоится. Он сейчас в пути на Восток, но скорее всего он меня поддержит.

Благодарю Вас за отзыв о рисунках. Если их купят, я смогу передать вырученные деньги для чернокожих девушек сту-

денток из Кэтрин Сполдинг. Может быть, Вы знаете какого-нибудь состоятельного знатока... Несколько рисунков уже, кажется, проданы. Значит, их не сочли вызывающими.

С самыми сердечными и добрыми пожеланиями во Христе,

8. Сострадание. Переписка с Нхат Ханхом

Полагаю, Вы уже вернулись во Вьетнам. Недавно прочёл Вашу прекрасную, хоть и небольшую, книгу о современном буддизме и вспоминал Вас. Книга очень важна, особенно главы о связи с реальностью и внутренней жизни.

Из письма Мертонa к Тхич Нхат Ханху от 29 июня 1966 г.

Человеку свойственно ошибаться. Отправляя письмо своему другу Тхич Нхат Ханху, Томас Мертон был уверен, что тот вернулся во Вьетнам, на свою любимую родину. Шёл конец июня 1966 г. Нхат Ханх прочёл свою последнюю лекцию в США, но домой его не пустили: он страшно провинился – выступил за мир во Вьетнаме.

Нхат Ханха глубоко ранили страдания его народа. После первой и единственной встречи с Ханхом в Гефсимании в мае 1966 г. Мертон ещё громче и твёрже заговорил о том, что Вьетнаму нужен мир. Но время для сострадания ещё не пришло, и бойня продолжалась.

В мире, где всё решала сила, где одна идеология непримиримо враждовала с другой, не находилось места состраданию. Простой, приветливый вьетнамский поэт и монах слыл предателем у обеих воюющих в его стране сторон. Он призывал их прекратить бессмысленные страдания вьетнамцев, но США и Китай хотели только международной идеологической войны. Маленький Вьетнам был удобным полигоном, и он им стал.

Казалось бы, всякий геополитический конфликт отменяет сострадание. Но окончательно вытравить его из людей невозможно. Два монаха, буддист Тхич Нхат Ханх и христианин Томас Мертон, это доказали. Оба в один голос заговорили о том, что действительно важно во все времена, – о любви, которую нельзя заставить молчать.

Монахи, любящие молчание больше, чем речь, заговорили так громко, что их слышали. Сострадание к тем, кто оказался заложником двух воюющих армий и чей крик никто не слышал, понудило их самих говорить и писать.

Учитель

Тот, кого мы знаем как Тхич Нхат Ханх, был для друзей и студентов Тхай, что значит «учитель». Сегодня его труды переведены на 22 языка, а его учение разошлось по всему миру. И в начале XXI в. Нхат Ханх остаётся самым известным после далай-ламы буддистским монахом и учителем.²¹⁷

Ханх родился в 1926 г. в центральном Вьетнаме. Родители называли его Нгуен Хуан Бао. В шестнадцать лет он ушёл в монастырь Ту Хиеу, где получил имя и титул Тхич Нхат Ханх. Он стал последователем Лам Тэ, ветви вьетнамского буддизма, из традиции дзэн, в которой был воспитан Д.Т. Судзуки (в Японии это направление называется ринзай)²¹⁸.

Как и все монахи, Нхат Ханх прошёл суровую школу послушничества. Как писал Роберт Кинг, молодой монах, несмотря на всю свою ревность, часто оспаривал то, чему его учили в монастыре:

²¹⁷ Rober Ellsberg, ed., *Thich Nhat Hanh: Essential Writings* (Maryknoll, NY, Orbis Books, 2001), 1.

²¹⁸ Robert H. King, *Thomas Merton and Thich Nhat Hanh* (New York: Continuum, 2003), 72.

Самым примечательным в послушничестве Нхат Ханха было использование gathas, коротких фраз, с помощью которых нужно было держать ум в том, что делаешь в каждый данный момент времени. Поначалу Ханху выдали практическое руководство, содержащее пятьдесят таких gathas, и велели выучить их наизусть. По фразе приходилось почти на всё, чем монах мог быть занят в течение дня, включая мытье рук и поход в туалет.²¹⁹

Ханха такой метод не устроил. Он недоумевал, почему он должен запоминать все эти фразы, не спрашивая об их смысле и месте в монашеском делании. Не то чтобы само послушание было ему в тягость. Он действительно пришёл в монастырь, чтобы во всяком действии постигать дзэн-«вкус». Но он жаждал чего-то более широкого, современного, какого-то учебного курса, который соединял бы традиционные практики дзэн с философией, литературой, иностранными языками.²²⁰

Нхат Ханх прилежно готовился к созерцательной жизни, но желание получить ещё какое-то образование не оставляло его. В какой-то момент он и несколько учеников переехали в храм на окраине Сайгона, чтобы изучать западную философию и науку. Так молодой монах очутился в самом центре зародившегося в начале 1930-х гг. движения, стремившегося реформировать вьетнамский буддизм.

Ханху не исполнилось ещё и двадцати пяти лет, как он опубликовал несколько своих работ и получил признание во Вьетнаме как учёный и духовный наставник.²²¹ Он ратовал за то, чтобы буддизм вышел на арену современной общественной жизни и политики. Недостаточно, считал он, изучать

²¹⁹ Ibid.

²²⁰ Ibid., 73.

²²¹ Ibid., 74.

традиционные тексты. Те, кто следует учению Будды о дхарме, должны уметь приложить его к жизни.

Мертону такой подход был близок. В своей книге «Мистики и мастера дзэн» (*Mystics and Zen Masters*), вышедшей в 1967 г., он писал о стремлении Нхат Ханха реформировать буддизм, решительно повернуться лицом к окружающим нас человеческим страданиям. Мертон замечал, ссылаясь на небольшую книгу Ханха о буддизме, переведённую в 1965 г. с вьетнамского на французский:

*Главная цель буддизма, считает Нхат Ханх, коренится в опыте человеческого страдания. Буддизм пытается найти настоящий ответ на самый жгучий вопрос: «как преодолеть страдание».*²²²

Нхат Ханх, как и Мертон, стремился понять человека, исходя из опыта, а не доктрины. Оба монаха сострадали миру и не могли оторвать своё созерцание от его боли и мучений. Мертон так пишет в «Мистиках и мастерах дзэн»:

*Всякий, кто слушал вьетнамского монаха, поэта и мыслителя Тхич Нхат Ханха во время его поездки по США в мае и июне 1966 г., понимает, что дзэн – это не бегство от самых острых проблем века. Нхат Ханх, глава Института по изучению буддизма в Сайгоне, борец за мир и возрождение своей страны, – один из немногих, кто может конкретно и положительно говорить о беде, в которую попал Вьетнам.*²²³

В Нхат Ханхе Мертона восхищал его отказ бежать от реальности и настойчивое стремление приложить учение Будды к происходившему вокруг. Уже в своей первой книге совсем

²²² Thomas Merton, *Mystics and Zen Masters* (New York: Dell PublishingCo., 1979), 286.

²²³ Ibid., 285-286.

ещё молодой Нхат Ханх резко критиковал закованный в прошлое буддизм своей страны. То, как Мертон резюмировал эту критику, очень созвучно его собственному недовольству излишне консервативным христианством:

*Традиционный буддизм, формальный, жёсткий, доктринарный, бесплоден, годен только как музейный экспонат, лишний в современном мире не потому, что он далёк от сегодняшней действительности, а потому, что он далёк от самого человеческого опыта. Мы, как и экзистенциалисты, выступаем против отчуждения, которое подменяет идеей, формой настоящее переживание действительности. Этот склероз – характерная черта всякой авторитарной ортодоксии, будь то религиозной, политической, культурной, образовательной или научной.*²²⁴

«Авторитарной ортодоксии», равно религиозной и политической, и противостоял Нхат Ханх, реформатор буддизма. Как все прогрессивные вьетнамские буддисты он поддерживал свою страну в борьбе за национальную независимость во время войны Франции и Индокитая (1947–1954 гг.). Колониализм был обречён на поражение. Когда же коррумпированное правительство президента Диема завело свою собственную авторитарную ортодоксию, Нхат Ханх противостал и ей.

К 1957 г. стало ясно, что правительство Диема решило избавиться от всякой политической оппозиции, включая многих вьетнамских буддистов. Дием и его семья были католики. Некоторые буддисты, среди них Нхат Ханх, отвергли политическую и религиозную нетерпимость, отторжение тех, кто не поддерживал официальную правительственную линию. Многим оппонентам заткнули рты. Одних инакомыслящих буддистов сажали в тюрьму, других убивали.

²²⁴ Ibid., 286.

Большинство вьетнамских буддистов хотели казаться патриотами и боялись открыто возражать Диему. Но Нхат Ханх и другие молодые реформаторы вели себя иначе. Журнал все-вьетнамской ассоциации буддистов, который редактировал Нхат Ханх, критиковал правительство Диема за репрессии. В книге «Вьетнам: лотос в море огня» (*Vietnam: Lotus in Sea Fire*) Нхат Ханх вспоминает: «Едва придя к власти, Диём, не жалея сил, истреблял всех противников режима. Он не доверял никому, кроме членов своей семьи и своей церкви». ²²⁵ Нещадно гнали и несогласных буддистов. В ответ на насилие со стороны власти несколько монахов – среди них был и учитель Нхат Ханха Тхич Канг Дук, – совершили протестное самосожжение. Об этом событии писали газеты всего мира.

Рознь была посеяна не только в обществе, но и в среде самих буддистов. Традиционное облечённое властью крыло начало подавлять реформаторов. Нхат Ханх встречал сопротивление в собственном духовном окружении. Журнал, который он редактировал, закрыли, а его учение резко раскритиковали. ²²⁶

Видя, что он со всех сторон окружён «авторитарной ортодоксией», Нхат Ханх ушёл из Сайгона в горы и вместе с кучкой друзей основал экспериментальную общину Пхунг Бой («благоухающие пальмовые листья»). Здесь они рассчитывали не скрыться навсегда от мира, а подлечить раны, набраться духовных сил, чтобы вернуться на поля политических битв.

В 1966 г. Нхат Ханх отправился в свою первую миссионерскую поездку в США. До этого он уже там бывал, учился в Принстоне и преподавал в Колумбии. В этот же раз он говорил от лица вьетнамцев, страдавших от войны. Его поездку поддерживали Братство мира и Университет Корнелла. О своём народе он говорил с состраданием и тихим достоинством.

²²⁵ Thich Nhat Hanh, *Vietnam: Lotus in a Sea of Fire* (New York: Hill and Wang, 1967), 57.

²²⁶ King, *Thomas Merton and Thich Nhat Hanh*, 76.

Нхат Ханх раскрыл человеческое содержание событий, в которых многие видели только борьбу демократов с коммунистами. Он разоблачал общие фразы и патриотические лозунги и напоминал, что на войне страдают и гибнут реальные люди. За свою короткую поездку по США он переубедил многих американцев. На следующий год Мартин Лютер Кинг младший выдвинул Нхат Ханха в кандидаты на Нобелевскую премию мира. Премии Нхат не получил, но его международный авторитет вырос. Он хотел вернуться на родину, но ему запрещали – сначала антикоммунисты, а после их свержения в 1975 г. – коммунистические правители разделённой страны. И те, и другие сочли сострадательного миротворца опасным бунтарём.

Друг

Во время поездки по Америке в 1966 г. Нхат Ханх встречался со многими влиятельными людьми из правительства, общественными деятелями. Среди них были сенатор Уильям Фулбрайт, один из главных критиков войны во Вьетнаме, и секретарь министерства обороны, Роберт Макнамара, один из её ярых защитников. Нхат Ханх пытался найти общий язык с обоими враждующими сторонами, выступая посредником в деле примирения. Самая значительная из его пресс-конференций прошла в Вашингтоне. На ней он представил свои пять шагов к миру.²²⁷

Но встреча с монахом Томасом Мертоном, состоявшаяся в Гефсимании, была для Нхат Ханха куда важнее его бесед политиками. Дружба вьетнамского монаха-буддиста с американским монахом-христианином стала в XX в. одним из самых выдающихся примеров дружбы людей разных вер.

²²⁷ Ibid., 84.

У Нхат Ханха и Мертона было много общего. Это были монахи, глубоко впитавшие собственную духовную традицию, готовые постигать всё истинное в других религиях. Оба были преданы миротворчеству и энергично протестовали против войны во Вьетнаме.

Но Нхат Ханха и Мертона связывало и нечто более глубокое. Они видели друг в друге великое *со-страдание*, готовность идти вперёд бок о бок, деятельно помогая друг другу, делясь со всеми и повсюду своим внутренним богатством. Всем своим естеством они сознавали сущностное единство всех людей.

Нхат Ханх призывал к «вовлечённому буддизму», Мертон в свою очередь настаивал на том, чтобы христиане приняли в себя страдания мира.²²⁸ Это значило не бежать от реальности, а входить в неё. К началу 1960-х гг. Нхат Ханх и Мертон прочли книги Дитриха Бонхёффера, немецкого пастора и богослова, выступившего против Гитлера и нацизма. Его отказ от отвлечённых идей, от участия в царившем вокруг хаосе, подвигли Нхат Ханха и Мертона делать то же в современном им мире войн и насилия.²²⁹

Оба монаха были целиком преданы тому, что реально, и не хотели убегать в мир абстракций. Это их общее свойство делало их одними из немногих в США, кто действительно сознавал, сколько страданий причиняет безумная война народу Вьетнама.

Мертон писал о своём неприятии войны ещё до того, как познакомился с Нхат Ханхом. Основания для его протеста были

²²⁸ Призывы Мертона к тому, чтобы христиане приняли в себя страдания людей в этом мире можно найти во многих его книгах. Лучшее собрание эссе на эту тему собраны в *Conjectures of a Guilty Bystander* (Garden City, NY: Doubleday, 1966).

²²⁹ Нхат Ханх и Мертон были хорошо знакомы с книгой Дитриха Бонхёффера *Letters and Papers from Prison*, которую он писал в тюрьме вплоть до апреля 1945 г., когда он был повешен гестаповцами.

прежде всего гуманитарные и нравственные. Он был уверен, что насилие только укрепляет коммунизм в Азии и вредит демократии. Но политика волновала его не так, как уничтожение народа и культуры, которое нельзя было оправдать ни идеологией, ни чем-то ещё.

Мертон прямо и ясно выразил свои взгляды в эссе, предваряющем книгу «Вера и насилие» (*Faith and violence*) и названном «К богословию сопротивления» (*Toward a Theology of Resistance*):

*Применение силы во Вьетнаме обходится дорого и ничего не решает. Мы тратим уйму средств, несём потери и причиняем неисчислимы беды людям, которых хотим «спасти».*²³⁰

Богословие любви, составляющее сердцевину его духовности и этики, требовало ненасильственного противления насилию. Со зла, породившего войну, нужно сорвать маску. Безумие, ведущее к уничтожению людей под предлогом их спасения, нужно сделать явным. Таковы требования любви.

Преданность Нхат Ханха жизни по любви, состраданию, была очень близка к тому, что Мертон называл богословием сопротивления. Он защищал те же ценности, что и буддистское движение в защиту мира с его проповедью ненасилия. В вышедшей в 1965 г. книге «Ганди о ненасилии» (*Gandhi on Non-Violence*) Мертон сравнивал христианское представление о сострадательной любви с философией Ганди и его центральным понятием *satyagraha*. Нахт Ханх в свою очередь так писал в книге «Деятельная любовь» (*Love in Action*):

Сущность ненасилия в любви. Стратегия, тактика и методы ненасильственной борьбы вырастают из любви, готовности действовать бескорыстно. Ненасилие – не догма, а процесс.

²³⁰ Thomas Merton, *Faith and violence* (Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1968), 13.

Обычно борьбу питает жадность, ненависть, страх, невежество. Тот же, кто следует ненасилию, не может пользоваться этими слепыми энергиями, потому что они разрушают и людей, и дело.²³¹

Мертон был полностью с этим согласен. Особенно близко было ему заключение, сделанное Нхат Ханхом: «ненасильственное действие, рождённое из сострадания и питаемое любовью, есть самый эффективный путь к разрешению всех трудностей».²³²

Насилие творимое государством и именуемое войной, противоречило духовному пути, по которому шли Мертон и Нхат Ханх, ссылаясь один на подражание Христу, а другой – на природу Будды.

Познакомившись с Нхат Ханхом лично, Мертон утвердился в неприятии войны во Вьетнаме. Нхат Ханх олицетворял для него весь страдающий вьетнамский народ. «Случайные жертвы» из военных сводок, стали для него реальными людьми.

Вскоре после их встречи Мертона написал короткую заметку «Мой брат Нхат Ханх» (*Nhat Hanh is My Brother*).²³³ Патрик О'Конелл назвал этот выразительный текст «декларацией человеческой солидарности с теми, кого ранила война».²³⁴ Мертон открыто называл Нхат Ханха своим духовным братом. Он не мог больше держаться от войны на почтительном расстоянии, отстранённость была ему несвойственна. Стоило ему

²³¹ Thich Nhat Hanh, *Love in Action: Writings in Nonviolent Social Change* (Berkeley, CA: Parallax Press, 1993), 39.

²³² Ibid.

²³³ "Nhat Hanh Is My Brother" напечатано во многих местах. Лучший текст дан в *Passion for Peace: The Social Essays of Thomas Merton*, ed. William H. Shannon (New York: Crossroad, 1997), куда вошли тщательно отобранные эссе Мертона о миротворчестве.

²³⁴ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 509.

разглядеть людей за фасадом войны, как он не смог больше рассуждать о ней в терминах стратегии и статистики.

Сострадание вело Мертона навстречу Нхат Ханху и тем, кого он представлял. Отвернуться от него значило отвернуться и от всех, кто оказался в беде, от своего истинного «я», а главное – от Бога. Мертон обращался к читателям:

*Он [Нхат Ханх] представляет новый незащитный разряд молодежи, против которого ополчились буквально все и со всех сторон, кроме крестьян и нищих, с которыми он работает... Если я что-нибудь для вас значу, то позвольте мне сказать так: сделайте для Нхат Ханха всё, что вы сделали бы для меня, окажись я на его месте. Жаль, что я не могу быть там.*²³⁵

«Сделайте для Нхат Ханха всё, что вы сделали бы для меня», – умоляет Мертон, отсылая читателей к золотому правилу этики, которое в конечном счёте отражает Божью сострадательную любовь к каждому человеку, которую не могут ограничить никакие соображения политической или идеологической целесообразности.

Мертон, как и Нхат Ханх, каждого человека считал своим братом. Это были родственные души, ещё одно знамение мира. Мертон писал о вьетнамском монахе: «Как брат он мне ближе, чем многие мои соплеменники, потому что мы смотрим на мир одними глазами. Мы оба плачем о его разорённой войной стране».²³⁶

Дружба с человеком другой веры снова помогла Мертону расширить круг любви. Он понял, что сострадание и любовь стирают все границы. Нельзя разрушить дружбу, стоящую на любви, которая не отворачивается от реальности, а смотрит ей прямо в лицо. Мертон, очень хорошо зная Нхат Ханха, писал:

²³⁵ Shannon, *Passion for Peace*, 260-262.

²³⁶ Ibid.

*Я сказал, что Нхат Ханх – мой брат, и это правда. Мы оба монахи и провели в монастыре примерно одинаковое число лет. Мы оба поэты и экзистенциалисты.*²³⁷

Эпилог в письмах

По-настоящему переписка Мертона и Нхат Ханха началась только после того, как они встретились в Гефсимании, стала своего рода эпилогом к их уже сложившейся дружбе. Летом 1966 г. ни у одного из них не было времени на длинные послания. Мертон тогда много писал и тяжело переживал разрыв с медсестрой из Луисвилля, которую он, к собственному изумлению, полюбил и с которой у него состоялось всего несколько невинных встреч.

Нхат Ханха же не пустили на родину, и он уехал во Францию. Южно-вьетнамское правительство объявило его предателем в тот самый день, когда он в Вашингтоне представил свою программу примирения.

Как буддист и миротворец он был поставлен в безвыходное положение. Призывы к миру превратили его в опасного человека как для Северного, так и для Южного Вьетнама.

Роберт Кинг отмечает, что своё положение Нхат Ханх выразительно описал в статье для Нью-Йоркского книжного обозрения в июне 1966 г.:

*Когда мы призываем к миру, нас считают коммунистами, и правительство гонит нас; когда критикуем коммунистов, нас клеймят позором за предательство и помощь американцам.*²³⁸

Миротворчество и вменили Нхат Ханху в вину. Он критиковал США за то, что они сделали невозможным мирный

²³⁷ Ibid.

²³⁸ King, *Thomas Merton and Thich Nhat Hanh*, 85.

политический протест во Вьетнаме. По его словам, «Америка слишком боится коммунистов, чтобы позволить кому-то мирно им противостоять, а если ты боишься, ты никогда не победишь».²³⁹ Эти слова оказались пророческими.

Составляя 29 июня 1966 г. письмо Нхат Ханху, Мертон думал, что тот уже вернулся в Сайгон. Но, как мы знаем, это было не так. Нхат Ханх превратился в эмигранта. 3 сентября он сообщил Мертону, что находится не в Сайгоне, а в Париже. 12 сентября Мертон писал своему соратнику по миротворчеству, что «сейчас тому разумнее было бы держаться подальше от Вьетнама».²⁴⁰ Он знал, какие опасности грозили бы Нхат Ханху со всех сторон, вернись он на родину.

На этом, собственно, переписка и пресеклась. Но несомненно, Нхат Ханх и Мертон помнили и молились друг о друге. В письме от 3 сентября Нхат Ханх просил своего доброго друга: «не забывайте каждый день молиться о нас».²⁴¹ В ответе от 12 сентября тот заверил его: «я, конечно же, молюсь за Вас и за всех, кто трудится ради малой толики мира во Вьетнаме».²⁴² Впрочем, Мертон помогал Нхат Ханху не только молитвой, но и своим авторитетом. Он принял его положение близко к сердцу. В письме от 29-го июня Мертон делился с Нхат Ханхом своей радостью по поводу того, что тот выдвинут кандидатом на Нобелевскую премию мира:

*Вы знаете, что Братство во имя примирения сочло Вас достойным премии. Я написал письмо в Вашу поддержку, и надеюсь, что Вас утвердят. Для нас это было бы большой радостью.*²⁴³

²³⁹ Ibid.

²⁴⁰ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 382.

²⁴¹ Письмо Нхат Ханха к Мертону от 3 сентября 1966 г. (ЦТМ).

²⁴² Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 382.

²⁴³ Ibid., 381.

Поддержал Нхат Ханха и Мартин Лютер Кинг-младший, но премию ему всё равно не дали.

Мертон был совершенно уверен, что Нхат Ханх, его друг и брат, – один из немногих, принадлежащих к новой породе людей, готовых пожертвовать собой из сострадания к людям, стать знаменем мира. Это действительно заслуживало признания, этому стоит подражать.

Поддержал Мертон Нхат Ханха и тем, что написал предисловие к английскому изданию его книги «Вьетнам: лотос в море огня». Мертон был солидарен с Нхат Ханхом и другими буддистами-миротворцами, с их просвещённым подходом и активным ненасилием. Только так, считал он, можно, наконец-то, прекратить страдания и гибель людей во Вьетнаме.²⁴⁴

В заключительной части своего письма к Нхат Ханху от 29 июня, не напечатанной в известном сборнике (*The Hidden Ground of Love*), Мертон много говорит о духовном родстве с монахом-буддистом. Благословение, которым он закончил письмо, было далеко не формальным. «С сердечным и братским приветом» – писал он, считая себя *со-путником* своего исповедующего иную веру друга.²⁴⁵

Тхич Нхат Ханх и Томас Мертон действительно были братья и сопутники. Письмо от 3 сентября Нхат Ханх начал не «отец Людовик Мертон», а «дорогой Том»,²⁴⁶ свидетельствуя о быстро сложившейся и прочной дружбе. Живя эмигрантом в Париже, он писал Мертону, что хочет возглавить (и это у него получилось) неофициальную делегацию буддистов-миротворцев на переговорах между США и Северным Вьет-

²⁴⁴ King, *Thomas Merton and Thich Nhat Hanh*, 85

²⁴⁵ Письмо Мертона к Ханху от 29 июня 1966 г. (ЦТМ).

²⁴⁶ Письмо Ханху к Мертона от 3 сентября 1966 г. (ЦТМ).

намом, которую должны были пройти в 1968 г. От Нхат Ханха узнал Мертон о смерти Д.Т. Судзуки.

Нхат Ханх просил Мертона не опускать рук и во всеулышание говорить о положении вьетнамского народа, его страданиях.²⁴⁷ После 1966 г. они не переписывались, хотя и следили за служением друг друга. В 1968 г. Мертон погиб. Остаётся только гадать, как развивалась бы дружба двух движимых состраданием людей, если бы внезапно не оборвалась жизнь одного из них.

Нхат Ханх живёт сейчас на юго-западе Франции. В начале 1980-х гг. он основал там духовный центр Плам Вилидж. Центр открыт на любой срок для тех, кто ищет духовного утешения, беженцев, активистов, нуждающихся в восстановлении внутренних сил. Каждый год там бывают тысячи людей разных национальностей и религий, чтобы послушать беседы Нхат Ханха, верного своему сложившемуся в начале 1960-х гг. учению о «вовлечённом буддизме». В своих духовных наставлениях он подчёркивает, что нужно упражняться в трезвении, всё глубже осознавая и познавая жизнь. Сердцевиной же его учения остаётся сострадание.

Никто не знает, что бы делал Мертон, доживи он до старости. Я же представляю умудрённого опытом монаха, который время от времени покидает свой скит (где бы он ни был), чтобы поделиться с людьми дарованной ему премудростью где-нибудь в месте, похожем на Плам Вилидж. В конце концов Мертон и Нхат Ханх были и остаются братьями.

Письмо от 29 июня 1966 г.

Дорогой Нхат,

Вы, я полагаю, уже вернулись во Вьетнам. Сегодня я дочитал Ваше прекрасную небольшую книгу о буддизме и думал

²⁴⁷ Ibid..

о Вас. Книга действительно хороша, особенно главы о связи с реальностью и о пути к внутренней жизни. Джон Хейд-бринк хочет её перевести, и я думаю, она того стоит. Тем временем, я, как и обещал, попробую написать на неё рецензию для какого-нибудь журнала.

Как Вы знаете, Братство во имя примирения выдвинуло Вас кандидатом на Нобелевскую премию мира. Надеюсь, Вы её получите. Я написал письмо в Вашу поддержку. Мы все были бы очень рады, если бы Вас утвердили.

Для нас была большая честь принимать Вас здесь. Надеюсь, Вы когда-нибудь приедете ещё и побудете подольше. Если Вы пришлёте мне книг о вьетнамском буддизме на французском (или английском – всё равно), я с удовольствием их прочту. Ваши книги нужно переводить на западные языки. Вы очень хорошо объясняете, что такое настоящий буддизм. Я полностью с Вами согласен в том, насколько важно избавиться от неведения и сопутствующего ему страдания – через реальную связь с вещами как они есть, через отказ от иллюзорных отношений с миром. Я полагаю, что Ваш конфликт с консервативной, формальной религиозностью очень похож на происходящее в Католической церкви. Всюду одно и то же. Необходимо новое сознание, нужно восстановить в себе древнюю, изначальную премудрость, начать по-настоящему видеть всё, что творится у нас прямо под носом.

Надеюсь, у Вас всё хорошо. Часто думаю о Вас, как о близком друге. Приезжайте к нам ещё раз и пусть на Вашей родине водворится мир. Передайте, пожалуйста, мою дружескую поддержку всем, кто с Вами трудится ради лучшего понимания истины и настоящего мира.

С сердечным и братским приветом,

Ваш со-путник.

9. Мужество. Переписка с Джун Янгблат

Все мы переживаем страшные дни [гибель Мартина Лютера Кинга-младшего]. Один Бог знает, что ждёт нас впереди. Мне кажется, что мы перешли грань, за которой начинаются последние времена... Теперь нам нужна сильная вера, ясный взгляд, мужество, чтобы идти вперёд в новых и горьких обстоятельствах.

Из письма Мертон к Янгблат. 9 апреля 1968 г.

Узнав о гибели Мартина Лютера Кинга, Томас Мертон почувствовал себя опустошённым. Как и многие другие, он возлагал большие надежды на его свидетельство и служение. Но наёмный убийца оборвал жизнь главного борца за справедливость. Мертон предчувствовал наступление тьмы. В день похорон доктора Кинга он писал своему другу из квакеров Джун Янгблат, советуя ей укрепляться в вере и терпении в надвигающихся испытаниях, во времена, которые потребуют нового видения, а прежде всего – мужества.

Мертон сознавал, что не время было падать духом. Нужна смелость, чтобы следовать пророческим путём доктора Кинга и стоять за свободу всех детей Божьих. О том, что общественные волнения будут нарастать, Мертон говорил задолго до трагических событий. Грядущий кризис стал темой его книги «Семена разрушения» (*Seeds of Destruction*. 1964 г.) Мертон предсказывал, что белые участники движения за гражданские права отойдут в сторону, и оказался прав. После гибели Кинга чёрные лидеры захотели возглавить движение, а белые начали предавать начатое дело.

Мрачным выдалось долгое знойное лето, последовавшее за вероломным убийством чёрного борца за права человека. Союз белых либералов и чёрных активистов распался. Первых сильно тревожило влившееся в движение более молодое

поколение, популярность Малькома Х и чёрного национализма в северных городских районах, решение Кинга включить в повестку дня нищету американцев и войну во Вьетнаме. Они считали, что протест против нищеты и войны непатриотичен и мешает свободному предпринимательству.

Мертон открыто и прямо обличал белых либералов в предательстве. Он винил их в непостоянстве. В «Семенах разрушения» он так писал об их непоследовательном идеализме:

Либералы живут, смутно представляя, что их ждёт в будущем; консерваторы же хотят от него только точного воспроизводства прошлого. Увидев, что будущее вам полностью не подвластно, что вы к нему совершенно не готовы, вы начинаете цепляться за прошлое, смыкаясь с консерваторами.²⁴⁸

Гибель Мартина Лютера Кинга породила то будущее, о котором предостерегал Мертон. Белые либералы теряли всякий контроль над положением дел и незаметно уходили в тень. Воцарившиеся кругом смятение и хаос требовали веры, видения, мужества, о которых Мертон говорил в письме к Джун Янгблат.

Утешение

Мертон хотел передать свои соболезнования Коретте Скотт Кинг и надеялся, что Джун Янгблат поможет ему в этом неотложном деле. Джун и её мужа Джона он считал надёжными, верными друзьями, соратниками по движению за мир и общественную справедливость. Янгблаты много лет уже принадлежали Обществу друзей (общине квакеров) и твёрдо поддерживали доктора Кинга в его ненасильственной борьбе против расизма, нищеты, войны во Вьетнаме. В этой супру-

²⁴⁸ Thomas Merton, *Seeds of Destruction* (New York: Farrar, Strus and Giroux, 1964), 36.

жеской чете Мертон лучше знал именно Джун. Они переписывались с начала 1967 г. до самого отъезда Мертона в Азию в конце 1968 г.

Джун Янгблат родилась на юге США в семье известных квакеров, чью корни восходят к Уильяму Пенну (*William Penn*). Джун закончила колледж Кеука в штате Нью-Йорк, магистерскую степень получила в Йельском университете, докторскую – в Эмори. В конце 1960-х она с мужем возглавляла дом квакеров в Атланте. До этого они работали во Всемирном комитете друзей в Южной Африке. За время своего активного участия в движении за гражданские права Джун познакомилась с семьёй Кинга и близко подружилась с его женой.

Позже Джун стала писать стихи. Её самое известное стихотворение дало название сборнику стихов и фотографий «Взгляните на это дитя» (*This is the Child*. 1975 г.) Своим изданием она пыталась привлечь внимание к страданиям вьетнамских детей, невинных жертв войны, против которой Джун горячо протестовала. В стихотворении Джун пишет о вьетнамском ребёнке, чьё обожжённое напалмом тело врезалось ей в память. Фотография девочки, напечатанная в журнале «Лайф», олицетворяла жестокость войны, развязанной благодаря самоубийственной внешней политике США.

Вот дитя
 нагое бежит по дороге;
 платье сорвали
 руки безумца;
 она исполняет пляску смерти;
 будто гравюру на дереве
 выжег напалм.
 Выйди на сцену,
 взойди на неё, хромая, с пылающим ртом.
 Мы – твои зрители,

следим за твоей игрой,
не зная развязки?²⁴⁹

Когда закончилась эта страшная война, Джун и Джон Янгблат продолжили своё служение миротворцев. Будучи преподавателями в Пендл Хилл, известном центре квакеров в Пенсильвании, они рассказывали о разрушительных последствиях войны. Джун часто выступала на конференциях, стараясь наметить путь к общественному, духовному, физическому исцелению раздираемого противоречиями мира. Как и прочие квакеры, она уговаривала людей протестовать против войны, но прежде всего – следить за тем, сколько тяги к насилию гнездится в их сердце. В молодости она училась танцам у Марты Грехем, а позже работала в студии творческого танца Барбары Меттлер. Жизнь её была отдана не только миру, но и красоте.

Переписка (1967–1968 гг.)

Переписка Томаса Мертона и Джун Янгблат раскрывает нам сердца двух одарённых писателей, художников, разделявших общую заботу о мире, который так плохо знал, что творит красоту и мир. Мертон познакомился с четой Янгблат в мае 1967 г., когда те приезжали в Гефсиманию. Сразу после этого Джон стал хлопотать о встрече Мертона с их другом Мартином Лютером Кингом-младшим. Как писал биограф Мертона Майкл Мотт, Кинг должен был приехать на несколько дней, чтобы побыть в тишине и помолиться. Мертон надеялся, что он и несколько его друзей из Католического движения за мир смогут помочь духовно обновиться изнурённому борцу за гражданские права, нобелевскому лауреату. Гибель доктора Кинга в Мемфисе все эти хлопоты отменила.²⁵⁰

²⁴⁹ June J. Yungblut, *This Is the Child* (Tucson, AZ: Mettler Studios, 1975).

²⁵⁰ Michael Mott, *The Seven Mountains of Thomas Merton*, 519.

Мертон же, так и не познакомившись с Кингом, пытался послать свои соболезнования его жене. 5 апреля 1968 г. он писал Джун, что у него нет адреса Коретты Кинг, и просил её переправить его послание. Кроме того он сообщал ей, что узнал о трагедии по радио, возвращаясь на машине в аббатство из Лексингтона. Известие понудило его заехать в Бардстаун, чтобы повидать полковника Хока. «Я понял, что он был готов к худшему», – писал Мертон.²⁵¹

В конце письма от 5 апреля, прежде чем попросить Джун о помощи, Мертон размышлял о мужестве Кинга. Он уже ясно понимал всю трагичность положения:

*Всё это гораздо серьёзнее, чем мы можем предположить. Но он [доктор Кинг], во всяком случае, сделал всё, что было в человеческих силах. Здесь проявилось его величие. Не могли бы Вы передать приложенную записку миссис Кинг? У меня нет её адреса.*²⁵²

Желание Мертона связаться с Кореттой Кинг шло от сердца. Он хотел разделить с ней её горе и не думал, что его записка будет когда-то опубликована. Он писал Коретте как монах и священник, передающий свою любовь всей их семье, а Джун Янгблат должна была послужить каналом, по которому эта любовь течёт.

В записке к Коретте Кинг был весь Мертон. Он говорил с ней от души в душу, от одного разбитого сердца к другому. Он оплакивал одного из великих слугителей Божьих, человека, всей своей жизнью подражавшего Христу. Мертон обращался одновременно и к Коретте Кинг, и ко всем нам. Он считал, что теперь доктор Кинг принадлежит всему миру, а память о нём сохранится в веках. Мертон писал:

²⁵¹ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 644.

²⁵² *Ibid.*, 645.

*Позвольте мне заверить Вас, что я всей душой разделаю Вашу скорбь и охватившую людей печаль. Он сделал самое большее из доступного человеку. Подражая Учителю, он отдал жизнь за друзей и врагов. Он знал, что страна подлежит суду, и пытался остановить руку Божью и человеческую. Он войдёт в историю как один из величайших граждан.*²⁵³

11 апреля Джун Янгблат писала Мертону о своих переживаниях. Она рассказывала о том, как помогала в доме Кингов, как заботилась о малышах, как горевала, когда Коретта вылетела в Мемфис за телом мужа.²⁵⁴ Младшие дети, к её удивлению, не понимали до конца, что произошло, а мужество миссис Кинг восхищало её. Коретта являла на людях силу и достоинство, выход же горю давала, лишь когда оставалась одна.²⁵⁵ Мертон и Янгблат, как и многие другие, высоко ценили свидетельство и верность Коретты Кинг и Мартина Лютера Кинга младшего, взявших свой крест и последовавших за Христом.

Мужество

Как и множество почитателей Мартина Лютера Кинга-младшего, Томас Мертон восхищался его мужеством, говорил, как мы уже видели, что тот сделал «всё, что было в человеческих силах... положил свою жизнь за друзей и врагов». Самопожертвование Кинга открыло людям высшую любовь, не ту, что знает мир, а ту, что знает Бог, – возведшую Иисуса на Крест. Такая любовь изгоняет всякий страх. «Не бойтесь» (Мф.28:10, Лк.2:10). Вот евангелие любви, которое принял Мартин Лютер Кинг-младший. Это евангелие давало док-

²⁵³ Ibid., 451.

²⁵⁴ Письмо Джун Янгблат к Томасу Мертону от 11 апреля 1968 г. (ЦТМ).

²⁵⁵ Ibid.

тору Кинг «мужество любить»,²⁵⁶ как признавался он сам. Та же любовь наполняла жизнь брата Мартина, сестры Коретты, Томаса Мертона, Джун Янгблат. Поистине, этот род любви в высшей степени «заразителен».

Сила любить стала главной темой в переписке Мертона с Янгблат. О чём бы они ни говорили, о докторе Кинге, войне во Вьетнаме, литературе, диссертации Джун по трудам самого Мертона, их слова были полны любви Вожьей, сопутствующего ей утешения. Не бойтесь. Любовь не прекратится. Будьте мужественны. Эти мысли сквозили во всём, что они обсуждали.

Как лучше всего свидетельствовать о любви? Временами Мертон задавал себе этот вопрос. Он понимал, что будучи монахом, не должен погружаться в общественные движения по примеру Мартина Лютера Кинга-младшего или Джун Янгблат. Любовь к миру нужно было выразить иначе, неприметно и не публично. Трапписту не место на шумных мероприятиях. Даже когда желание действовать публично становилось искусительным (а такое бывало!), Мертон оставался верен монашескому обету оседлости. Это было тем более трудно, что многие из его друзей миротворцев выходили на улицы американских городов.

2 марта 1968 г. Джун писала Мертону о нескольких публичных выступлениях против войны во Вьетнаме, в которых она сама участвовала. Это-то, я полагаю, и вызвало в Мертоне сильное желание действовать, присоединиться к протестующим. Джун сообщала:

²⁵⁶ Martin Luther King, Jr., *Strength of Love* (Philadelphia: Fortress Press, 1963). Этот сборник проповедей, сказанных Кингом в церквах Алабамы и Джорджии, часто считают самой значительной его книгой. В предисловии от 1982 г. Коретта Кинг пишет, что многие люди рассказывали ей, как книга изменила их жизнь.

С тех пор, как я получила Вашу записку и статью, время и события влекли меня помимо моей воли. Кажется, я писала Вам о демонстрации в Вашингтоне. Нас вышло около пяти тысяч. Потом привезли семь вьетнамских детей, которых мы должны были расселить. Насколько я знаю, это первые дети войны в нашей стране. Участвовала я и в конференции священников и мирян, посвящённой Вьетнаму, а потом возглавляла делегацию от Джорджии на богослужении в Вашингтоне. Совсем недавно у нас несколько дней пробыли Тхич Нхат Ханх и Джим Форест.²⁵⁷

К тому времени, как Мертон получил это письмо, он уже переселился в скит в полумиле от Гефсимании. Общественные мероприятия были совсем не для него. 20 августа 1965 г. он официально начал отшельническую жизнь. Его освободили от всех монастырских дел, скит стал его постоянным обиталищем. Мертон всегда этого хотел. Тишина и одиночество стали явью, но как быть с миром?

Время от времени Мертона посещали друзья, изредка вторгались незваные гости, в целом же он оставался один в лесу. Исполнилась его давнишняя мечта. В начале августа 1965 г. он писал: «я всегда искал именно той жизни, которой живу сейчас. Жизни в мире, молчании, осмысленной, целесообразной».²⁵⁸ Но это была не вся правда.

Мертон хотел сохранять и отношения с другими. Подтверждает это его переписка с Хинсоном, за которой мы следили в предыдущей главе. Став отшельником, Мертон не мог забыть об остальном мире. «Вселенная – мой дом, и если я не часть её, то я – ничто»,²⁵⁹ – писал он, будучи уверен, что цель одинокой жизни – любовь к людям, а не бегство от них.

²⁵⁷ Письмо Джун Янгблат к Томасу Мертому от 2 марта 1968 г. (ЦТМ).

²⁵⁸ Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 199.

²⁵⁹ Ibid.

Чуть позже события повернулись самым неожиданным образом. Лёжа в больнице в Луисвилле, Мертон полюбил медсестру Марджи. Эта любовь восполнила в нём что-то недостающее. В конце концов он остался верен монашескому призванию, но мир определённо не казался ему достойным полного забвения. Напротив, он стал Мертону только дороже. Благодаря Марджи он узнал, что такое настоящая любовь.

Генри Ноуен в книге «Встречи с Мертоном» отмечал, что его сострадание к миру росло по мере того, как он приближался к отшельнической жизни. В подтверждение своих слов Ноуен цитирует предисловие Мертона к японскому изданию «Семиярусной горы». Через двадцать лет после выхода в свет автобиографии Мертон признавался:

*Я тех пор я научился смотреть на мир с большим состраданием, воспринимать людей не как чуждых мне, не как странных, обманутых существ, но как равных мне.*²⁶⁰

Став отшельником, Мертон стремился жить, с любовью приравнивая себя ко всему остальному человечеству. Он хотел существовать *для* мира, а не *против* него, молиться за всех страждущих в нём. Проще говоря, мир оставался *рядом* с Мертоном в его одиночестве.

19 ноября, откликаясь на полученные от Джун Янгблат новости, Мертон писал, что и его хотят вовлечь в дела общественные. Он думал над тем, как это сочетается с отшельническим призванием, должен ли он, повинуясь любви, присоединиться к движению.

Квакеры из Филадельфии просили Мертона войти в международную делегацию миротворцев. Эта неофициальная группа должна была встретиться с Фронтом национального

²⁶⁰ Thomas Merton, "Preface", *The Seven Storey Mountain*, Japanese ed., quoted in Henri Nouwen, *Encounters with Merton* (New York: Crossroad, 2003), 107.

освобождения (Вьетконг) в Камбодже или Чехословакии. Но Мертон был уверен, что аббат его не отпустит. Тот считал, что первый гефсиманский отшельник не должен ввязываться в политику. Трудный для Мертона вопрос разрешился сам собой – переговоры сорвались.

В те дни в Мертоне оживало старое противоречие. Он разрывался между стремлением к одиночеству и желанием по любви участвовать в делах общественных. Об этом противоречии, столь для него характерном, он и писал Джун Янгблат 19 ноября:

Противоречие тем острее, что меня пригласили в делегацию, когда я уже поселился здесь [в гефсиманском скиту]. Но именно потому, что я уже здесь, я не могу никуда поехать.²⁶¹

Духовная интуиция подсказывала Мертону, что он предаст самого себя, если откажется от монашеского, отшельнического призвания. Он должен хранить верность обетам, но эта верность нужно было многократно подтверждать.

В конечном счёте Мертон понимал, что сможет свидетельствовать миру об истине, только оставаясь на своём месте. Общественная деятельность – не его дар. Джун Янгблат была в неё погружена, а ему лучше оставаться за кулисами, кто бы и когда его ни звал выйти на сцену. Его голос должен звучать из пристанища, недоступного мирскому взгляду.

Это не значит, что у Мертона не хватало смелости действовать. По складу, он скорее подходил для того, чтобы трудиться у всех на виду. И он действовал, но только словом, через свои книги. Прямо в событиях он не участвовал, но и его усилия давали плоды. Его книги, дневники, письма открывают нам человека твёрдых убеждений, готового поддержать других. Таким его знала по переписке Джун Янгблат.

²⁶¹ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 638.

Поддержка

Мертон умел поддержать тех, кто действует по вере. В книге «Созерцание в деятельном мире» (*Contemplation in a World of Action*. 1971 г.), опубликованной уже после его смерти, Мертон призывал действовать по любви всех, равно созерцателей и не-созерцателей. Его слова обращены ко всякому, в ком жива совесть. Монах ты или нет, – писал Мертон, – ты должен сознательно выбирать, как жить, и проявлять любовь. Мы должны действовать, важно только, как именно, будем ли мы движимы любовью.

Мертон настаивал на том, что только любовь по-настоящему важна. Как воплотить её в действии? Согласно Мертону, нужно в согласии с ближними делать всё, «чтобы мир стал лучше, свободнее, справедливей, человечней, пригодней для жизни».²⁶² Иными словами, мы должны стать орудиями Божьей любви, как сказали бы его друзья-францисканцы. Что бы мы ни делали, наша цель неизменна – полнее любить. Это наше назначение как членов рода человеческого, и мы не должны уклоняться от этого божественного дара – подобно Ионе, отвергавшему Божий призыв полюбить ниневийцев.

Эту весть несли нашему деятельному веку Томас Мертон и Джун Янгблат. Храните веру! Не уставайте любить! Свидетельствуйте о мире и справедливости! Эти призывы Мертон повторял сотни раз. Многие могут подтвердить, как велик был его дар поддерживать и вдохновлять других.²⁶³ Джун Янгблат была одной из этих многих.

В марте 1968 г. Мертон и Янгблат затронули в письмах очень важную тему. Недавние события заставляли Джун духовно

²⁶² Shannon, Bochen, Hart, O'Connell, *The Thomas Merton Encyclopedia*, 86.

²⁶³ Лучшее свидетельство о даре Мертона вдохновлять других можно найти в воспоминаниях его друзей, вошедших в Paul Wilkes, ed., *Merton by Those Who Knew Him Best* (San Francisco: Harper and Row, 1984).

меняться, расти, расширять свой духовный кругозор. Узнав об этом, Мертон обрадовался и горячо её поддержал.

Одной из причин перемены в Джун было её знакомство с Нхат Ханхом в Атланте в 1967 г. Джун писала, что тогда он был сильно измотан поездкой по США. «Здесь, в доме [дом квакеров] он впервые за целый месяц хорошо поел и отоспался», – добавляла она.²⁶⁴ Когда же Нхат Ханх набрался сил и начал общаться с Джун, та смогла по-новому взглянуть на саму себя и на мир.

Слова Нхат Ханха о буддизме и войне во Вьетнаме запали в сердце Джун. Её вдохновили его речи и мужество. Всё это понудило её пересмотреть свой духовный путь. Янгблат говорила Мертону, что Джим Форест, их общий друг и член католического братства во имя примирения, тоже был глубоко задет размышлениями Нхат Ханха. Под влиянием Ханха Джун стала думать о религиозной общине нового типа. С большим воодушевлением она рассказывала Мертону, как обсуждала всё это с Джимом Форестом.

Янгблат делилась своими мыслями с Мертоном, который, по сути дела, был её духовным наставником. 2 марта 1968 г. она писала ему о происходивших с ней переменах:

Я сказала Джиму [Форесту], что всю жизнь считала себя своего рода католичкой-квакером. Джим ответил, что всегда считал себя квакером-католиком, но поскольку он тоже попал под влияние Нхат Ханха, мы решили основать церковь буддистов – квакеров – католиков в рассеянии.²⁶⁵

Янгблат менялась духовно, и Мертон был этому рад. Он просил рассказать ему всё подробнее и пояснить, что они с Джимом Форестом имели ввиду под «церковью квакеров – католиков – буддистов в рассеянии».

²⁶⁴ Письмо Джун Янгблат к Томасу Мертону от 2 марта 1968 г. (ЦТМ).

²⁶⁵ Ibid.

6 марта Мертон ответил Джун. Он одобрил происходившие с ней внутренние перемены. Относительно их с Джимом за-теи он писал: «Как давний католик, и буддист, и ещё, на самом деле, и квакер, я, само собой разумеется, приветствую новую церковь».²⁶⁶

Мертон, конечно, не думал всерьёз ни о какой новой церкви. Он просто ратовал за братство друзей, исповедующих разные веры, и желающих стать знаменем мира во благо всем. Такое духовное братство похоже на общину, которую создал доктор Кинг. Мертон тоже полагал, что Бог воздвиг для нас новый духовный рубеж, царство мира. Нужно только, чтобы всё больше чад Божьих прозревали этот рубеж и делали его всё реальнее.

По мнению Мертона, Джун Янгблат уже стояла на этом новом рубеже. Это уготованное Богом царство всё отчётливей приближалось, хотя многое из происходящего вокруг говорило об обратном. Подобные Джун миротворцы уже заняли свой плацдарм в воюющем мире. Воля Божья в том, чтобы мир менялся.

Мертон, как духовный попечитель, продолжал говорить о Боге любви и справедливости, Который никогда нас не оставит. Не бойтесь. Поднимается заря нового дня – медленно, но верно. Будущее принадлежит Богу, то будущее, которое пророчески предвидели Мертон, Мартин Лютер Кинг-младший, его жена Коретта, Джун Янгблат.

Любовь

Трудящийся для Царства Божьего должен иметь достаточно сил, чтобы любить. Но ему приходится дорого платить за свою любовь. Это хорошо знали доктор Кинг, его жена, Мертон, Джун Янгблат. Вспомнив библейских пророков и Само-

²⁶⁶ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 641.

го Иисуса, мы поймём, что так было всегда. Настоящее дело Божье требует от человека больших жертв.²⁶⁷

Завершая главу, мы возвращаемся к тому, с чего начали её. Мы снова вспоминаем Мартина Лютера Кинга-младшего, одного из великих свидетелей Божьих. Именно его неуклонное стремление к любви вдохновляло тысячи людей, среди них – Джун Янгблат и Томас Мертон.²⁶⁸ В 1982 г. в предисловии к очередному изданию книги Кинга «Сила любить» (*Strength to Love*) Коретта цитирует сильные слова своего мужа, сказанные им на встрече с клириками и мирянами, протестующими против войны. Эти слова как нельзя лучше выражают его веру в универсальную природу Божьей любви. То же самое вполне мог бы сказать и Томас Мертон.

*Говоря о любви, я не имею в виду сентиментальное и вялое чувство, а силу, которую все великие религии считают объединяющим основанием жизни. Любовь – это ключ, отпирающий дверь, ведущую в высшую реальность. В этом смысле к индуистам, мусульманам, христианам, иудеям, буддистам приложимы прекрасные слова апостола Иоанна: «Будем любить друг друга, ибо Бог есть любовь, и всякий любящий рождён от Бога и знает Бога».*²⁶⁹

Нет ничего равного любви. Как нет ничего равного и мужеству любить. Любовь, которую мужественно несли людям Мартин Лютер Кинг-младший, его жена Коретта, Томас Мертон, Джун Янгблат не знает религиозных и конфессиональных границ. Ограничивает её лишь то, что исходит от нас, смертных.

²⁶⁷ В *Conjectures of a Guilty Bystander* Мертон пишет о Дитрихе Бонхёфере и его представления о благодати.

²⁶⁸ King, *Strength of Love*, 5.

²⁶⁹ Ibid.

Любовь, жившая в докторе Кинге, была от Бога. Ничто, даже самая наша ущербность, не отлучит нас от неё. Если мы по-настоящему жаждем этой любви, Бог одарит нас ею и даст мужество любить. Об этом и писали друг другу Томас Мертон и Джун Янгблит. Но как трудно бывает отнести к себе простые слова: «Не бойтесь. Будьте мужественны. Любите».

Письмо от 20 января 1968 г.

Дорогая Джун,

Beckett подоспел в самый разгар гриппа. Прошлая ночь в моём лесном убежище выдалась особенно тяжкой. Я никак не мог уснуть и, хоть и был весь разбит, всё же встал, выпил немного церковного вина и принялся за книгу. Полночная тьма озарилась светом. Книга никак не хуже *Dubliners*, если не лучше. По мне – так в самом деле лучше. Прекрасный слог. Данте и Лобстер – блестящие вещи, хоть и тяжёлые. Много сказано об одиночестве, обществе, милостивой матери Церкви (Динг Донг). Ещё больше о милости, страдании. Интересно, этот нахал всерьёз требует, чтобы все, разглагольствующие о милости, понимали, что говорят? Или его не убеждают их торжественные клятвы, принесённые на мёртвом языке? (Я не про латынь). В разборе «Странника» (*Stranger*) Камю, которой от меня ждут, я могу использовать Белакуа (*Belacqua*). Он куда живей, чем *Meursault*. Подробно напишу обо всём этом позже. Грипп меня совсем доконал.

О другом письме: конечно, мы открыты для всех, кто хочет провести ритрит. Если доктору Кингу удобнее приехать раньше марта, превосходно, мы ждём его. Одно только может помешать. В первой официальной беседе со мной наш новый аббат просил меня больше думать о внутреннем (будь она неладна, эта мистика) и не опускаться до внешнего. Значит, всё, связанное с моим участием в общественных битвах, будет идти туго. Вообще-то аббат довольно открыт, только ещё не-

достаточно опытен и боится отойти от старых традиций. Со временем, думаю, он всё поймёт. Приехали бы доктор Кинг и Винсент Хардинг в этом году попозже, было бы лучше. Наша тихая, неформальная, созерцательная беседа показала бы аббату, что моё место где-то посередине – не в самом действии, но и не в стороне от него.

Пока это всё. Пойду, отдам письмо сторожу, пополню запас апельсинового сока и вернусь. Погодите, я ещё научусь делать бутерброды, на которых жил Белакуа: течение жизни не обуздать. (Вот только сыра я больше не переносю).

Всего наилучшего вам обоим и вашим друзьям,
в Господе.

10. Единство. Переписка с Доной Луизой Кумарасвами

Я во многом беру пример с Ананды Кумарасвами, который основательно и полно соединил в себе духовные традиции Востока, христианского Запада и отчасти, я полагаю, ислама.

Из письма Мертона к Доне Луизе Кумарасвами от 13 января 1961 г.

Наша последняя глава начинается с примечательных слов Томаса Мертона. Он видел в Ананде Кумарасвами то духовное единство, которого искал сам. Вдове Кумарасвами Доне Луизе он признавался, что разглядел в трудах Ананды того, кто сумел вместить «всё лучшее, истинное, что есть в великих духовных традициях».²⁷⁰ В конце своей жизни Мертон особенно чтит людей, которые, подобно Ананде, служат знаменем мира для всех нас, тех, кого мы называем его иноверными

²⁷⁰ Lawrence S. Cunningham, ed., *Thomas Merton: Spiritual Master* (New York: Paulist Press, 1992), 229.

друзьями, кто готовит новое будущее, растит «новые семена мысли».

Мертон и себя причислял к ним. «Наше дело, – писал он Доне Луизе, – готовить очень далёкое будущее, быть ревностными, бескорыстными первопроходцами».²⁷¹ Этим первопроходцам, один из которых – сам Мертон, посвящена эта книга, поэтому не рассказать в ней об Ананде и Доне Луизе Кумарасвами было просто нельзя.

В жизни и мысли четы Кумарасвами сошлось многое из того, что Мертон переживал, о чём он думал, общаясь с людьми разных вер. Но всё это так или иначе обращало его к теме единства, понятого не как единообразие или соглашательство (это он решительно отвергал), а как особый синтез материй разнородных, предполагающий ясное осознание всего, что эти материи друг от друга отличает.

Ананда К. Кумарасвами (1877–1947 гг.)

Прежде чем обратиться к переписке Мертона с Доной Луизой, мы должны понять, кем был Ананда К. Кумарасвами, каков наш духовный и исторический контекст. Ведь именно интерес к Ананде понудил Мертона написать его жене.

Ананда Кентиш Кумарасвами родился на Цейлоне (сейчас – Шри-Ланка) в семье индуса-юриста и англичанки. Образование он получил в Англии. В 1902 г., прежде чем вернуться в Индию, он получил степень доктора геологии в университете Лондона. Работая геологом, Кумарасвами увлёкся доколониальной историей родного острова. В 1908 г. он опубликовал *Medieval Sinhalese Art*, открывающий новые пути труд о традиционном, религиозном по сути, искусстве Цейлона.²⁷²

²⁷¹ Ibid.

²⁷² Очень полезный обзор жизни и трудов Кумарасвами можно найти в Roger Lipsey, “Ananda K. Coomaraswamy”, in *The Encyclopedia of Religion*, 2nd ed., ed. Lindsey Lones (New York: Macmillan Reference, 2005), 3:1974.

Как отмечает Роджер Липси, редактор трёхтомного собрания сочинений Кумарасвами, этот геолог по профессии довольно быстро понял, что его настоящее призвание состоит в том, чтобы рассказывать Западному миру об искусстве, культуре и религии восточной Индии. Молодым человеком Кумарасвами перебрался из Цейлона в Индию, где сблизился с поэтом Рабиндранатом Тагором. Вместе они выступали за автономию индийского субконтинента. Тогда же вышли несколько трудов Кумарасвами об искусстве и культуре Индии.

В 1913 г. Кумарасвами начал печатать свои работы по индуизму и буддизму. Его книга «Будда и благая весть буддизма» (*Buddha and the Gospel of Buddhism*, 1916 г.) положила начало популяризации буддизма равно на Западе и на Востоке. Кумарасвами тогда жил в Англии часто ездил в Азию. В США его первая книга была напечатана 1918 г. и называлась «Танец Шивы» (*The Dance of Shiva*). В 1957 г. её переиздали, и Томас Мертон с большим интересом прочёл её. Мертона волновало то же, что и Кумарасвами, – современные западные мыслители были замкнуты каждый в своей ветви знания. Кумарасвами отмечал:

Индийский разум отличается от среднего европейского тем, как он воспринимает философию. В Европе и Америке изучение последней считается самоцелью, поэтому обычных людей она совершенно не занимает. В Индии, напротив, философию считают не гимнастикой ума, а в религиозном смысле спасением (moksha) от неведения (avidya), неспособности видеть настоящую реальность.²⁷³

В 1917 г. Кумарасвами переехал в США. «Танец Шивы» снижал ему известность учёного специалиста по индийскому искусству, популяризатора индуизма и буддизма. С 1917 г.

²⁷³ Ananda K. Coomaraswamy, *The Dance of Shiva* (New York: Noonday Press, 1957), 5.

по 1931 г. Кумарасвами служил смотрителем музея искусств в Бостоне. В это время во взглядах Кумарасвами начали происходить глубокие изменения. К 1932 г. Кумарасвами, по свидетельству Липси, всё своё внимание обратил на жизнь духа:

*Историк искусства уступил место религиозному мыслителю и философу, учёный – человеку твёрдых убеждений, который современному мирскому прагматизму противопоставил традиционный образ жизни, религиозное по сути знание и искусство.*²⁷⁴

Мертон хорошо знал обе книги написанные Кумарасвами в то время книги: «Изменение природы в искусстве» (*The Transformation of Nature in Art*, 1934 г.) и «Сторож ли я своему брату?» (*Am I my Brother's Keeper*, 1947 г.). Эти работы убедили Мертона в том, что Кумарасвами воплощал то духовное единство, которого искал он сам. Кумарасвами ясно говорил о своей приверженности тому, что часто именуют вечной философией. Он защищал универсальную точку зрения, согласно которой каждая из великих религий, включая христианство, по-своему указывает на одну и ту же высшую Реальность, на Бога. «С точки зрения других вер, большое и, возможно, единственное настоящее заблуждение современного христианства состоит в том, что оно претендует на монопольное обладание истиной», – писал он. Но раннее христианство, считал Кумарасвами, таким не было. Достаточно вспомнить хорошо известное толкование св. Амвросия на первое послание к коринфянам (12:3): «Всё истинное, кем бы оно ни было сказано, исходит от Святого Духа».²⁷⁵ Истину, по мнению Кумарасвами, можно найти во многих культурах и религиях. Говоря о Бхагават-гите в индуистской традиции, Кумарас-

²⁷⁴ Lipsey, "Ananda K. Coomaraswamy", 3:1974.

²⁷⁵ Ananda K. Coomaraswamy, *Am I My Brother's Keeper?* (Freeport, NY: Books for Libraries Press, 1967), 45.

вами цитирует Шри Кришну: «Если кто-то исполнен любви и с верой ищет поклонения какой-либо форме [Бога], то эту веру даю я».²⁷⁶ Поистине, великое «Аз есмь» проявляется во многих формах. Но для Кумарасвами это всегда один и тот же Бог, если только это действительно Он.

Снова обращаясь к истокам христианства, Кумарасвами рассуждает о совместимости древнего христианства с его вечной философией и универсализма. В книге «Сторож ли я своему брату?», в ключевой главе под названием «Пути, ведущие к одной вершине», он пишет:

Сам Христос сказал, что пришёл призвать не праведных, а грешных (Мф. 9:13). Нам нечего добавить к толкованию этих слов, данному св. Иустином: «Он [Христос] есть Слово, коему причастен весь род человеческий. Те, которые жили согласно со Словом, суть христиане, хотя бы считались безбожниками: таковы между эллинами – Сократ и Гераклит и им подобные... Авраам, Анания, Азария, Мисаил, Илия и многие другие».²⁷⁷

Кумарасвами считал, что каждое из великих духовных учений говорит об одной и той же Истине. Он настаивал на том, что эта Истина доступна всем, кто сможет пробудиться и воспринять её. Пришло время, говорил Кумарасвами, современному человеку обратиться к Истине, столь очевидно явленной в традиционном искусстве, религии, к Истине, которая объединяет нас всех в любви.

Говоря о нашей общей духовной цели, Кумарасвами прибегает к образу горы:

К вершине одной горы ведёт много троп, которые тем дальше друг от друга, чем они ниже вершины. Каждый должен начи-

²⁷⁶ Ibid.

²⁷⁷ Ibid. Цитата из Иустин Мученика дана по : Иустин Мученик. Апология I, гл.46. Ранние Отцы Церкви. Антология. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1998.

*нать там, где он есть. Тот, кто ходит вокруг горы и разглядывает тропы, не взберётся наверх.*²⁷⁸

Восходя на гору, нужно уважать усилия всех, кто восходит другой тропой. Не нужно советовать другим, как лучше идти, считал Кумарасвами. Конечно, хорошо помогать друг другу, но настаивать на том, чтобы все шли только за тобой, не стоит. Цейлонский «альпинист» писал:

*Давайте не будем убеждать других верующих «пойти за нами», но будем уважать их, как тех, кто «пошёл за Ним», за Тем, Кто есть, чья вечная красота питает наше временное бытие.*²⁷⁹

На языке Кумарасвами, мы уже «принадлежим Богу». Нет нужды никого вербовать в свои ряды, нужно только идти вверх с помощью Божьей благодати.

Переписка

Познакомившись с книгами и жизнью Кумарасвами, Мертон захотел и своих читателей ввести в круг идей этого замечательного человека. Особенно его вдохновляла мысль Кумарасвами о нашем сущностном единстве в Боге. Тогда-то Мертон и решил написать вдове философа. Как мы видели, в первом к письме к Доне Луизе, датированном 13 января 1961 г., он восхищался Анандой Кумарасвами, признаваясь, что считает его настоящим примером межрелигиозного взаимопонимания и миротворчества. Дона Луиза поначалу не одобряла интерес Мертона к самому Кумарасвами. Она считала, что нужно писать о его трудах.

Собственно, переписку начал не Мертон, а Дона Луиза. Узнав от одного из общих друзей о его замыслах, она советовала ему

²⁷⁸ Ibid., 50.

²⁷⁹ Ibid.

не делать акцент на личности мужа. В письме к Мертону, датированном 24 декабря 1960 г., она писала:

*АК Кумарасвами лишь в той мере одобрил бы интерес к нему самому, в какой он помог бы людям лучше понять его мысли, принадлежащие не ему, а всем – Вам и мне.*²⁸⁰

Мертон был целиком с этим согласен. В конце концов, он и к своим текстам желал такого же отношения.²⁸¹ Всё внимание должно быть на том, что говорится, а не на том, кто говорит.

В письме от 13 января от так отвечает на озабоченность Доны Луизы:

*АКК не будет главным героем моей книги. Я бы хотел только вдумчиво и осторожно войти в мир его мысли, который, как Вы правильно сказали, не есть его частная собственность, а принадлежит всем нам. Впрочем, всегда нужно помнить, кто именно дарит нам нечто столь для нас важное.*²⁸²

Своим ответом Мертон ещё раз показал, как он внимателен к тому, что волнует его собеседника. Дона Луиза ждала бережного отношения к наследию мужа, и он заверил её, что ничего в нём не исказит.

Мертон был приятно удивлён, узнав, что Дона Луиза и сама стремилась к общению с людьми других вер, была готова сеять «семена новой мысли». Дона Луиза родилась в 1905 г. в Аргентине в еврейской семье. Когда ей исполнилось шест-

²⁸⁰ Письмо Доны Луизы Кумурасвами к Томасу Мертону от 24 декабря 1960 г. (ЦТМ).

²⁸¹ Об учреждении Фонда Томаса Мертона и о его размышлениях о своих трудах и о том, как о нём будут помнить, – см. Michael Mott, *The Seven Mountains of Thomas Merton* (Boston: Houghton Mifflin, 1984), 499-502.

²⁸² Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 126-127.

надцать лет, она приехала в США, устроилась работать фотографом в Бостоне и в 1930 г. вышла замуж за Ананду Кумарасвами. По совету мужа она два с лишним года изучала в Индии санскрит и популярный фольклор. Пройдя стажировку, она начала помогать мужу как учёный и литературный секретарь. После смерти Кумарасвами Дона Луиза разбирала его бумаги и готовила к изданию его труды. В это время она начала переписываться с Мертоном. Умерла Дона Луиза в 1970 г.²⁸³

Составляя своё первое письмо Доне Луизе, Мертон, должно быть, знал, с кем говорит. Он понимал, что она одобрит созерцательный подход к трудам её мужа. Мертон пишет искренне и поэтично:

*Кумарасвами я сберегу для славного домика под соснами, с выходящими на долину окнами. Думаю, он и ему пришёлся бы по душе. Сейчас я ухожу туда, как только закончу свои дела.*²⁸⁴

Мертон представился Доне Луизе прежде всего как монах, зная, что та оценит его созерцательный подход к наследию Кумарасвами. В его словах не ощущалось спешки. Как настоящий траппист, он не рвался безоглядно к цели. Он писал:

*Прошу Вас, отвергайте всё, что сочтёте нужным, не спешите с ответом, и простите меня, если я покажусь Вам назойливым. Я совсем не хочу злоупотреблять Вашей добротой, добывать нужные сведения, доставать книги. Мне важна лишь радость и честь живого общения с Вами и через Вас – с Кумарасвами и миром его мысли.*²⁸⁵

Мертон искренне искал живого общения с Доной Луизой и её мужем. Людей других вер он предпочитал знать лично, а не

²⁸³ Ibid., 125.

²⁸⁴ Ibid., 127.

²⁸⁵ Ibid.

говорить с ними языком философии или богословия. Мертону важен был духовный опыт Кумарасвами. Доне Луизе он писал: «Что поделаешь, если мир его мысли – и мой мир, а во всякой иной среде я чувствую себя изгоем?... простите меня, но я прошу только помочь мне ощутить себя гражданином моей настоящей родины».²⁸⁶

«Настоящая родина» для Мертона и четы Кумарасвами была там, где нет религиозных манипуляций, где людей не тащат обманом туда, куда они не хотят идти. В том, как Кумарасвами подавал Западу индийскую культуру, Мертон видел прежде всего нужду в духовной свободе:

*Сердце и суть индийского опыта надо искать в неизменном переживании единства жизни, в поучительной, неискоренимой убеждённости в том, что осознание этого единства есть большое благо и свобода.*²⁸⁷

Как часто свободу других стесняют те, кто хочет её только для себя!

Согласно Кумарасвами, «всё, что Индия может предложить миру, исходит из её философии [духовной свободы]». Индия приносит свой дар остальному миру, и он готов принять его. Кумарасвами пишет:

*Люди так или иначе уже знакомы с этой философией – в словах Иисуса и Блейка, в текстах Лао-цзы и Руми, – но нигде в мире она не стала основой социологии, образования [духовных традиций индуизма и буддизма].*²⁸⁸

Кумарасвами считал, что Запад может многому научиться от духовной всеохватности Индии.

²⁸⁶ Ibid.

²⁸⁷ Coomaraswamy, *The Dance of Shiva*, 4.

²⁸⁸ Ibid.

Дона Луиза разделяла с мужем его вселенскую перспективу. 23 января 1961 г. она писала Мертону:

Я лично не пытаюсь никого обратить, потому что на нашем уровне развития близкое одному может казаться далёким другому. За двадцать лет стараний человек может хорошо познать какую-то сторону Божества, но за такой срок... мы должны становиться своими Богу, каким бы путём Он нас к Себе ни приблизил.²⁸⁹

Как и её муж, Дона Луиза была уверена, что каждого из нас Бог ведёт к Себе своим путём. Если мы будем духовно чутки, то увидим этот путь. В письме от 12 февраля 1961 г. Мертон соглашался с Доной Луизой. Он писал: «Я, как и Вы, ненавижу прозелитизм... Страшно, когда кто-то, стремясь уподобить себе другого, думает “оправдаться” и не хочет меняться сам. Это бывает невыносимо. Сколько горя это принесло миру!»²⁹⁰

К сожалению, прозелитизм неистребим, и христиане часто бывают повинны в нём. Во всякой религии хватает фундаменталистов, которые лепят других по своему образу и подобию. Совершенно иное предлагал Мертон Доне Луизе. Как христианин и монах он писал:

Христине в большинстве своём забыли, что христианский апостолат совершенно не таков. Кажется, именно от Ананды я впервые услышал слова Таулера (или Экхарта) о том, что даже если бы церковь была пуста, он проповедовал бы стенам, потому что он не может не проповедовать. Вот истинно апостольский дух, стремящийся не принудить людей к согласию, а возвестить миру бесконечную любовь Божью.²⁹¹

²⁸⁹ Письмо Доны Луизы Кумурасвами к Томасу Мертону от 23 января 1961 г. (ЦГМ).

²⁹⁰ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 128.

²⁹¹ *Ibid.*, 128-129.

Для Мертона возвещающий благую весть – не специалист по обращению других, а «глашатай, голос (*kerux*), позволяющий Духу Божьему действовать, как Он хочет». Мертон сокрушался по поводу того, что сейчас многие стремятся «обратить» других, манипулируя ими, как только могут, и только мешают действовать Святому Духу. С возмущением писал он Доне Луизе: «Люди совершенно не понимают, что в таких условиях Святой Дух молчит и бездействует, а то и противится человеческой наглости».²⁹²

Ананда и Дона Луиза Кумарасвами искренне и верно несли весть о Божьей любви, никем не манипулируя, никого не подчиняя себе. Для Мертона это было главным в его общении с людьми иных вер. Человек должен свободно становиться тем, кто он есть на самом деле, – чадом единого Бога. Мертон писал Доне Луизе об Ананде:

*Он был голос, свидетельствующий об истине, и ничего не хотел, кроме того, чтобы люди приняли её каждый по-своему, в согласии со своей ментальной и духовной средой. Да иначе её и невозможно принять. И всё-таки Запад делает эту страшную ошибку – не потому, что он «христианский», а потому, что им движет агрессивность, – и стремится «обратить» Восток, сделать его своей точной копией. По сути дела, Запад совершает тяжкое духовное преступление.*²⁹³

Как и Ананда, Мертон настаивал на том, что любовь Божья не может принадлежать одному только Западу. Божественную реальность познал по-своему и Восток. Несомненно, Восток может многое рассказать Западу о Всеобщем – не потому, что он мудрее, а потому, что он старше и опытнее в делах духовных. «Считая мир семьёй народов, – писал Ананда Кумарас-

²⁹² Ibid.

²⁹³ Письмо Томаса Мертона к Доне Луизе Кумарасвами от 12 февраля 1961 г. (ЦТМ).

вами, – мы лучше поймём Индию, которая приобрела большой опыт и разрешила много трудностей, неизвестных ещё более молодым народам».²⁹⁴

Бывают времена

По мнению Доны Луизы, христианский орден, наподобие суфийского, помог бы обострить духовную осознанность Западного мира. 23 января 1961 г. она писала Мертону: «бывают времена, когда культура сохраняет лишь высшие ценности». Не в эту ли полосу вступил сегодняшний Запад? Не может ли что-то обновить христианство, как некогда суфии обновили закоснелый ислам? – спрашивала Дона Луиза. Мертон ответил охотно, но осторожно. 12 февраля 1961 г. он писал ей:

Вы правильно пишете о суфиях и том, что христианству нужно нечто похожее. Но это нельзя просто придумать и сделать. Это вопрос Божьей чести и славы, Его воли. Люди не выбирают, стать им суфиями или нет, тем более – «суфиями христианскими». Их выбирают и ввергают в горнило испытаний, как железо – в раскалённую печь.²⁹⁵

Мертон по себе знал, что значит быть «ввергнутым в горнило испытаний». Не бывает лёгким служение пророка, отвечающего на Божий призыв. Мертон понимал, что первопроходцы в вере, его друзья разных вер и конфессий, сам он, живут «под знаком противоречия».²⁹⁶ Подобно Ионе, они часто вынуждены говорить и действовать так, что ни сами они, ни кто-либо другой не понимает до конца как они действуют, почему и зачем. Можно ли это назвать орденом христианских суфиев? Возможно, но это должно прийти от Бога, человеку такого не изобрести.

²⁹⁴ Coomaraswamy, *The Dance of Shiva*, 1.

²⁹⁵ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 128.

²⁹⁶ Ibid.

Ясно одно: в Доне Луизе и Ананде Кумарасвами Мертон нашёл первопроходцев миротворчества, а не сеятелей разрушения, друзей иной веры, готовых быть знаменем мира. О себе Мертон писал: «Хотел бы и я жить тихо, никого не задевая, прочно, в кротости и смирении, но не предавая истину».²⁹⁷ Источник же истины – всегда Бог. Дона Луиза так писала Мертону:

*Здесь нет исключений: где есть человек, там и БОГ ЕСТЬ, – и это применимо ко всем, даже к так называемым «варвара́м», обитающим в самых непроходимых уголках земли... Не существует монополии на монотезизм и никогда не было – можете ли Вы представить себе Бога, не откликающегося на человеческий зов, каким бы Именем Его не призывали, как бы Ему ни поклонялись! Не будем навязывать Ему собственную ограниченность».*²⁹⁸

У Бога множество имён, но Он остаётся один. Бога нельзя ограничить официальной религиозной доктриной, догмой той или иной религиозной группы. Для Доны Луизы «путей к Богу много. Когда Бог в нас, Он многолик. Когда же Он в Себе, Он един. Многие призваны, но не многие готовы ответить на призыв. Да и из этих последних мало избранных».²⁹⁹ Впрочем, и малая группа может вырасти до большой, но чтобы это случилось, люди пророческого склада, первопроходцы в общении с людьми разных вер, должны исповедовать и воплощать в себе Бога, у Которого множество имён. Дона Луиза хорошо понимала, что она и её муж была «ревностными, не ждущими благодарности первопроходцами», как о них писал Мертон. Они были до конца преданы духовному единству

²⁹⁷ Ibid.

²⁹⁸ Письмо Доны Луизы Кумарасвами к Томасу Мертону от 23 января 1961 г. (ЦГМ).

²⁹⁹ Ibid.

мировых религий, хотя мало кто был готов их слушать. Но новые времена грядут.

Мертон одобрял философию духовного единства, о которой писала Дона Луиза. С самого начала их переписки он делал акцент на своём монашестве. Он писал: «Я говорю с Вами не как писатель [каковым его знала Дона Луиза], а как монах».³⁰⁰ Именно в такой перспективе Мертон считал себя со-путником Доне Луизы, который ищет Бога и в опыте мировых религий. Тут они были согласны.

Но не разделяла ли их христианская позиция Мертона? Если смотреть на вещи достаточно широко, то – нет. Именно благодаря, а не вопреки тому, что Мертон – христианин и монах, он и стремился к духовному единству, о котором говорила Дона Луиза. Мертон писал ей: «Я намеренно собираю внимание... направляю свою жизнь, вернее позволяю её направить, туда, где я больше не буду писать книг, а буду писать лишь то, что пишется само – время от времени, спонтанно».³⁰¹ В жизни Мертона настал период, когда он готов был оставить всё ради стремления к единству в Боге. Это читается в строках, которые он писал Доне Луизе 24-го сентября 1961 г.:

*Вы, должно быть, поняли, что я не беру в расчёт формальные, общепринятые церковные воззрения. Я, конечно, верю в Церковь всем сердцем, но не более того. Я полностью отвергаю жёсткие, шаблонные, обывательские представления, приемлемые для большинства католиков и в конечном счёте скрывающие от людей истинную тайну Христа.*³⁰²

Так Мертон отвечал Доне Луизе на одно из её писем, где она говорила ему: «Я – и католичка и не католичка... Я могла бы

³⁰⁰ Shannon, *The Hidden Ground of Love*, 127.

³⁰¹ Ibid., 132.

³⁰² Ibid., 133.

назвать себя католичкой, но в равной степени – и последовательницей иудаизма, ислама, индуизма, буддизма».³⁰³ Мертон заверил её, что он скорее в её богословском лагере, чем в лагере большинства католиков, но и дал ей понять, что он – верный член Церкви.

Ответ Мертона раскрывает одну из главных особенностей его внутреннего мира. Он утверждает «истинную тайну Христа» и остаётся открытым к истине, приходящей к нему из других религий. Дона Луиза могла понять это и оценить. Ведь и она, опираясь на универсальную религиозную философию мужа, говорила: «Я – и католичка, и не католичка».

Однако Мертон немного иначе, чем Дона Луиза, объяснял своё призвание к единству с людьми других вер и конфессий. Он подходил к нему диалектически, тогда как Дона Луиза – скорее синкретически. Не желая устранять различия между разными верами, как была склонна делать Дона Луиза, Мертон предпочитал сохранять творческое духовное и философское напряжение. Путь, который даровал ему Бог (жизнь во Христе), оставался для него навсегда неизменен. Но и в других духовных традициях он находил истину, которую не хотел отвергать. Он выбирал жизнь в напряжении.

Мертон соглашался с Доной Луизой в том, что Бог выше ограничений, которые на него накладывает та или иная религиозная система. Божество не знает человеческих границ, особенно тех, что проведены в официальных религиях. Соглашался он с ней и в том, что Бог движет нас, почти незаметно для нас самих, к более тесному единству. Однако источником Богопознания для Мертона оставался его христианский монашеский опыт. Другими словами, универсальная истина была открыта ему благодаря конкретности его собственной веры.

³⁰³ Письмо Доны Луизы Кумурасвами к Томасу Мертому от 1 сентября 1961 г. (ЦТМ).

Его укоренённость в своей традиции давала ему свободу исследовать прочие формы религиозного опыта и извлекать из них полезное для себя.

Религиозный опыт других может многому научить. Но мало кто это понимает. Единство и настоящий мир – дело неопределённого будущего. Мертон и Дона Луиза считали, что мы на пути к ним. Мертон писал:

Нельзя знать Бога так же, как мы знаем тот или иной предмет! Казалось бы иначе и быть не может. Но люди религиозные превзошли себя. У них есть стул, лошадь, холм, и ещё где-то там – Бог. Как будто бы сущность всего тварного не сокрыта в Том, у Кого нет имени.³⁰⁴

Согласно Мертону, всякий, живущий на достаточной глубине своей религиозной традиции хорошо понимает, что Бог – не предмет в ряду прочих предметов. Духовные первоходцы знают, что у Бога нет имени. Но безымянный Бог – это и Бог, имеющий все имена. Для Мертона – это Бог, воплотившийся в Иисусе, но Он же – для него и его друзей разных вер – существует везде и нигде.

Дона Луиза писала Мертону, что «бывают такие времена». Эти времена настали. Они всегда были «сейчас» для любящего нас Бога. В этом были уверены все, сопутствующие Мертону в его духовном поиске. Как бы люди ни были чужды друг другу, как бы ни противились Богу, «время уже пришло». Почему? Потому что, как хорошо понимали Мертон и его друзья разных вер, Бог, безымянный и имеющий множество имён, всегда присутствует только в настоящем. Мир придёт. Тот, Чьё имя превыше всякого имени, любовь, сокрытая в основании всего сущего, обещал это. Время пришло для тех, кто стал для других знаменем мира. Как всегда, Бог света и любви,

³⁰⁴ Daggy, *The Road to Joy*, 26.

Которого знали Томас Мертон и Дона Луиза Кумарасвами, осветит нам путь.

Письмо от 12 февраля 1961 г.

Дорогая Дона Луиза,

Очень Вам благодарен за Ваши ценные, вдохновляющие письма и дополнительные заметки. Многие в них побуждают меня к размышлению, анализу, молитве. Тем временем, возвращаю Вам присланное Вами в самом начале нашего общения: мемориальный сборник и несколько журналов. Кажется, я не говорил Вам раньше, что меня очень порадовала Дана Лила с иллюстрациями Джил и отрывки из песен, которые приводит Кумарасвами, особенно – из корнуоллской «Завтра я буду танцевать». Мне удалось проследить за той из песен, ту, что о Бесс (*Besse*): в одном из вариантов она целиком светская, без всякого религиозного подтекста. Ананда пишет, что в ней есть аллюзия на королеву!! Но тут всё не просто. Согласно Дункану (*Duncan, Lyrics from the Old Song Books, London, 1927, p. 12.*), в отрывке скрыто «моральное поучение по случаю вступления на престол королевы Елизаветы». С другой стороны, я думаю, основной текст, с его последней строфой об Англии, обручённой со *Sweet Bessy*, есть уже очевидная отсылка к Елизавете. Чепел (*W.Chappell, Old English Popular Music, London 1893 (vol. 1, p. 122)*) ясно показывает, что нерелигиозный текст действительно таков, а религиозный, цитированный Анандой, – старше и ближе к общему источнику обеих песен, к сожалению утерянному.

У нас тут есть записи религиозной индийской музыки, из серии Фолквейз, которая мне очень нравится, особенно некоторые популярные легенды, например о чёрном попугае. Пение же Вед впервые открыло мне Упанишады. То *как* пропеваются слова, говорит о духовности индусского пения, о духовном восприятии дыхания. Я сейчас заканчиваю *Brihad Aranyaka Upanishads*. Потрясающий текст.

Марко Паллиса я читал. Здесь его книг нет, но я брал их у жены Виктора Хаммера (она однажды виделась с Анандой и хранит оттиски некоторых из его статей). Лучшие отрывки о тибетском искусстве и ремесле (для меня это одно и то же) я скопировал для себя.

Мой друг Луи Массиньон, один из крупных специалистов по мусульманской мистике, страстно предан Аврааму, вся его внутренняя жизнь проходит под знаком жертвоприношения Исаака. Массиньон – один из немногих известных мне христиан, который строит по-настоящему глубокие и тёплые отношения с мусульманами. Благодаря ему я познакомился с одной пламенной душой из Пакистана.

Вы правильно пишете о суфиях и том, что христианству нужно нечто похожее. Но это нельзя просто придумать и сделать. Это вопрос Божьей чести и славы, Его воли. Люди не выбирают, стать им суфиями или нет, тем более – «суфиями христианскими». Напротив, их выбирают и ввергают в горнило испытаний, как железо в раскалённую печь. Я не знаю, избран ли я, но горнило испытаний меня не миновало, и живу я под знаком противоречия. Не знаю, не предал бы я истину, живи я тихо, никого не задевая, прочно, в кротости и смирении.

Ясно, однако, что существует великая нужда в возрождении истины, религиозной истины. Повсюду возникают движения, которые всё больше походят на бегство. Коллективное бегство, имеющее декоративный фасад и производящее невероятный общественный шум. Бесчисленные речи, конференции, публикации – чего там только нет. Внутреннего же плода они не приносят почти никакого, просто вербуют горячих приверженцев. Как и Вы, я ненавижу прозелитизм. Страшно, когда кто-то, стремясь уподобить себе другого, думает «оправдаться» и не хочет меняться сам. Это бывает невыносимо. Сколько горя это принесло миру!

Христине в большинстве своём забыли, что христианский апостолат совершенно иной природы. Кажется, именно от Ананды я впервые услышал слова Таулера (или Экхарта) о том, что даже если бы церковь была пуста, он проповедовал бы стенам, потому что он не может не проповедовать. Вот настоящий апостольский дух, стремящийся не заставить других согласиться с тобой, а возвестить миру бесконечную любовь Божью. Такой проповедник – не специалист по обращению других, а просто глашатай, голос (*kerux*), позволяющий Духу Божьему действовать, как Он хочет. Но всё это выродилось в доктрину, в привычку «ловцов душ» давить на людей, применять к ним специальные методы (ужасная штука – эти «современные методы пропаганды»), лишь бы заставить их поддаться своего рода обаянию, понуждающему их забыть о своей целостности и свободе и подчиниться другому человеку или институту. Люди совершенно не понимают, что в этом случае Святой Дух молчит и бездействует, а то и противится человеческой наглости. Потому сейчас так много честных и искренних людей, которые «не могут принять» то, что проповедуют без уважения к Духу Божьему и духу человеческому.

Видимо, этот дух частично передался доброму Альберу Глезу (я видел его работы – он хороший художник, не правда ли?), который сказал Ананде нечто несуразное. Не могу понять, откуда он это взял, – ведь Ананда никогда ни на кого не давил, а был просто голосом, свидетельствующим об истине, и ничего не хотел, кроме того, чтобы люди приняли эту истину каждый по-своему, изнутри своей культурной и духовной среды. Да никак иначе её и нельзя принять. Нет же, Запад делает всё ту же страшную ошибку, – не потому, что он «христианский», а потому, что им движет агрессивность, – и стремится «обратить» Восток, сделать его во всех смыслах точной своей точной копией. Это одно из самых страшных духовных преступлений, которое люди совершают, не ведая, что творят.

Мы только начали пожинать его плоды в Китае, Конго и т.д. Читали ли Вы прекрасную книгу «Тёмный глаз в Африке» (*Dark Eye in Africa*) Лоренса ван дер Поста? Он замечательный человек. Он написал блестящую книгу о древних бушменах Южной Африки, «Потерянный мир Калахари» (*Lost World of the Kalahari*). Время от времени появляются ещё книги о бушменах, открывающих много важного о жизни древнего человека. Ананда очень правильно говорит о скрытой обиде и высокомерии людей типа Фрезера и Леви Брюля. Благодарю Вас за выдержки о еврейской молитве. Жаль, что я не знаю иврита. Все мои языки западные. Когда-нибудь я начну учить один из восточных, правда, у нас на это уж очень мало времени. Но я попытаюсь.

Есть ли у Вас небольшая вещь о Менции (Mencius) и статьи о «творческом подходе» (модное словечко сегодня)? Надеюсь, Вы как-нибудь достанете его тексты. Думаю, издание понравится Вам и по форме, и по содержанию.

Обещанных Вами книг очень жду, особенно «Танец Шивы» (*Dance of Shiva*). Очень Вам за них благодарен. Вы очень добры ко мне. Я закончил всё, что было в мемориальном сборнике. Бенджамин Рауленд ещё в Кембридже? Я бы хотел написать ему. Как бы, на Ваш взгляд, Ананда отозвался об абстрактном экспрессионизме? Его часто защищают, хоть он и стал надоедливо моден. Что бы Ананда сказал о Пикассо? Большой талант... Но, видимо, в том и беда.

Экхарта я знаю. У нас здесь есть его томик и кое-что по-французски. Я его люблю, как и Туалера, Рейсбрука. Слышали ли вы об Иоанне Креста? Он не так метафизичен, как прочие.

Посылаю Вам свою статью о китайской мысли, которую прочёл Грэм Кери. Возможно, он Вам о ней уже сообщил. Ещё посылаю свою книгу о псалмах, где сказано о смыслах Писания, о которых Вы пишете. Я согласен, что много ещё нужно сде-

лать в связи с символизмом и прообразами. Надеюсь, когда-нибудь возьмусь за это.

На этом заканчиваю и шлю Вам самые лучшие пожелания и сердечное расположение;

Ваш в любви Христовой.

Эпилог. Скромная весть надежды

Итак, я стою среди вас как тот, кто несёт вам скромную весть надежды на то, что, всегда будут люди, живущие на задворках общества, свободные от его условностей, выбравшие бытие независимое и рискованное. Среди них-то и возможно общение на самом глубоком уровне, если только они останутся верны своему призванию, служению и вверенной им Богом вести.

Мертон. Неформальная беседа. Калькутта. Октябрь 1968 г.

В этой книге мы попытались, подобно Мертону, предложить читателю «скромную весть надежды». Всегда найдутся мечтатели, в нашем случае – это люди разных вер, готовые стать духовными первопроходцами, думающие и поступающие как знамение мира. В октябре 1968 г., незадолго до собственной гибели, Мертон провёл неформальную беседу в Калькутте, которую организовал Храм взаимопонимания (организация, включающая в себя людей разных вер) и в которой он снова созвал тех, кто хочет нести весть Божью «на самом глубоком уровне».

Что это за Божья весть? Мы много раз слышали её в переписке Мертона с его друзьями разных вер и конфессий. Эта весть неизменна. Она настигла наших первопроходцев веры. Её можно найти в их трудах и жизни. Весть эта не сложна, если её однажды понять и пережить. Она проста и глубоко правдива. Пройти мимо неё невозможно. Это весть о Божьей любви.

Ни о чём ином и не говорят Мертон и его друзья разных вер, кроме как об этой вести. Она передаётся от человека к человеку. Она обращена к личности, а не к институту. Некоторые хотят превратить её в лозунг, афоризм, выведенный на сувенирном магните. Но в конечном счёте её нельзя ни принизить, ни опозлить, ибо она – от Бога. И хотя она звучит всегда убедительно, нужен труд, чтобы донести её до людей.

В действительности весть о любви никогда не доходит до нас по «обычным» каналам.

Те, кто знает эту весть лучше всего, кто опытно пережил её истинность, несут её совсем иначе – как раз так, как это делали наши друзья разных вер. Мертон постоянно напоминает нам о том, как это нужно делать, – способом не новым, а хорошо забытым. Суть его в глубоком общении. Мертон пишет об этом в свойственной ему, бросающей нам вызов манере:

*Самое глубокое общение – даже не общение, а при-общение. Оно неотмирно, выше слов, речи, идей. Мы не создаём новое единство, а раскрываем старое. Мои дорогие братья, мы уже едины, хотя и думаем, что это не так. Мы должны заново открыть наше первоначальное единство. Мы уже есть то, чем мы должны быть.*³⁰⁵

Такова главная весть Божья. Мы уже едины. Мы едины в любви. Мертон и его друзья разных вер всей глубиной своего духовного существа знали, что это правда. На этом новом (но изначально нам данном) пути нет места немилости и нетерпимости. Правда Божья несовместима с войной и насилием. Можно ли их сочетать с Божественной реальностью (Царством Божьим)? Навредить другому значит навредить себе. Неся разделение, мы убиваем себя. Мы уже едины. Вот истина Божья для наших дней и на все времена.

Божьи вестники поют гимн нашего первоначального единства. То, что опытно знали Мертон и его друзья разных вер, – не ново. Мы уже едины. Точка. «Но, – говорит Мертон, – мы воображаем, что это не так». Вот – трагедия нашей эпохи.

Впрочем, мир постепенно пробуждается. Мы начинаем иначе воспринимать себя и других. С Божьей помощью некоторые

³⁰⁵ Naomi Burton Stone, Brother Patrick Hart, and James Laughlin, eds., *The Asian Journal of Thomas Merton* (New York: New Directions, 1973), 308.

из нас, по крайней мере, смогут стать миротворцами в нашем разделённом, полном насилия мире, отчаянно нуждающемся в любви. Это и есть «скромная весть надежды», которую полвека назад принесли Мертон и его друзья разных вер. Они указали путь. Весть Божья всегда перед нами, в наших руках. Как говорил Мертон, «мы уже есть то, чем мы должны быть». Вот – знамение мира.

Книга «Знамение мира» рассказывает о дружбе и переписке Томаса Мертонa с людьми разных вер и конфессий. В ней живо представлены участники переписки, их внутренний мир и мысли. Книга будет полезна всем, кого интересует христианский экуменизм и отношения между христианами и людьми, принадлежащими разным мировым религиям. Томас Мертон (1915-1968) – один из самых значительных христианских авторов XX в., монах Гефсиманского аббатства ордена траппистов, штат Кентукки, США. Многие из его книг стали духовной классикой еще при его жизни.

ISBN 978-5-87057-X

9789785870571 29630